This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

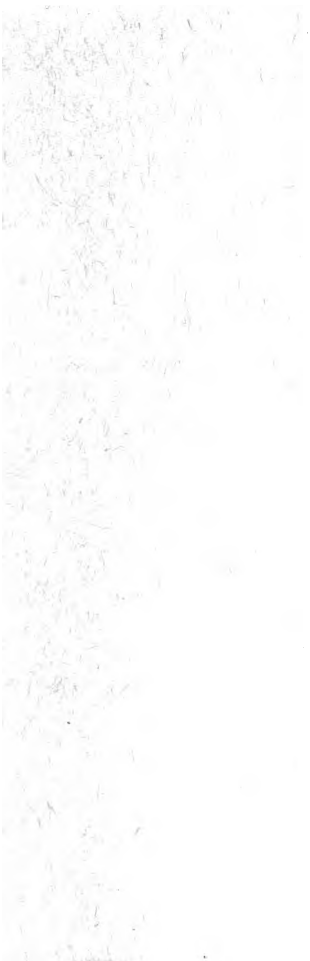
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06725606 9

Digitized by Google

Digitized by Google

QDM
Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

В. Вересаевъ.

РАЗСКАЗЫ.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., 17—9.
1902.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
258788
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1903 L

Digitized by Google

ВЪ СТЕПИ.

I.

Пассажирскій поѣздъ остановился у маленькой степной станціи. Солнце жгло нестерпимо, было жарко и душно. Немногочисленные пассажиры въ вагонахъ вяло переговаривались или дремали, закутавъ головы отъ мухъ.

Дали второй звонокъ.

Подъ окнами вагоновъ, на сторонѣ, противуположной станціи, медленно прошли по шпаламъ два загорѣлыхъ мужика. Одинъ изъ нихъ, съ большою, лохматою головою, имѣлъ за спиною холщевый узелъ, а на плечѣ держалъ косье съ привязанной къ нему косой; другой мужикъ, громаднаго роста и широкоплечій, хромалъ на лѣвую ногу; у него не было ни узла, ни косы, и черезъ плечо былъ перекинутъ только дырявый зипунъ.

Мужики шли вороватою походкою, исподлобья посматривая на поѣздъ и словно хоронясь отъ кого-то. Вдругъ хромой мужикъ остановился, быстро

Digitized by Google

оглядѣлся по сторонамъ и полѣзъ по ступенькамъ на площадку вагона. Слѣдомъ за нимъ хотѣлъ лѣзть и его спутникъ; онъ ужъ ухватился за столбъ перилъ, но въ это время изъ окна вагона выглянулъ кондукторъ; лохматый мужикъ крякнулъ, поправилъ узелъ за плечами и пошелъ вдоль поѣзда. Кондукторъ слѣдилъ за нимъ пристальнымъ взглядомъ.

Мужикъ шелъ по шпаламъ все дальше и уже оставилъ за собою послѣдній вагонъ. Раздался третій звонокъ, поѣздъ тронулся. Вдругъ мужикъ быстро повернулся, встряхнулъ узломъ и бросился догонять поѣздъ.

— Я-а тебѣ! Я-а тебѣ! — угрожающе крикнулъ кондукторъ, высунувшись изъ окна и грозя пальцемъ.

Поѣздъ все прибавлялъ ходу. Мужикъ, ожесточенно нахмурившись и не глядя на кондуктора, продолжалъ бѣжать, вскидывая въ стороны худыя, стянутыя въ онучи ноги. Изъ оконъ выглядывали пассажиры.

— Ну, ну, землячокъ!.. Ну!.. Эхъ, не догонитъ!— волновался парень въ сѣрой блузѣ.

— Не догонитъ!

— Куда ужъ догнать! Не догонитъ теперь!

— Догонитъ, ей-Богу, догонитъ!—крикнулъ парень.—Ну, ну, землякъ! А-а, те-те-те!..

Мужикъ добѣжалъ до задняго вагона и, цѣпляясь дрожащими руками за перила, вскочилъ на ступеньку; узелъ потянулъ его назадъ,—мужикъ взмахнулъ рукою и чуть не сорвался, но устоялъ.

Кондукторъ бросился на площадку. Пассажи-

Digitized by Google

рамъ не было его видно. Они видѣли только, какъ мужикъ, стоя на нижней ступенькѣ, что-то говорилъ, угрюмо глядя въ землю; потомъ онъ махнулъ рукою и спрыгнулъ обратно съ быстро шедшаго поѣзда.

Въ вагонъ вошелъ хромой мужикъ, ускользнувшій отъ глазъ кондуктора. Онъ высунулся изъ окна и долго смотрѣлъ назадъ, гдѣ въ пыли, поднятой поѣздомъ, исчезалъ его товарищъ.

— Землякъ, что-ли, будетъ тебѣ?—сочувственно обратился къ нему парень въ блузѣ.

— Землякъ,—пробурчалъ мужикъ, не глядя на парня, и сѣлъ.

Въ дыры его грязной холщевой рубахи глядѣло бронзовое тѣло, лицо было почти черное отъ загара. Огромный и оборванный, съ обмотанною тряпками ногою, онъ сидѣлъ, блестя бѣлками злыхъ глазъ, и исподлобья поглядывалъ вокругъ. Парень подсѣлъ къ нему съ разговоромъ; мужикъ порывисто всталъ и, не отвѣчая, высунулся изъ окна.

Вошелъ молодой кондукторъ въ бѣломъ кителѣ.

— Господа, кто съ N-ва садился, билеты позвольте!.. Билетъ твой!—вдругъ быстро обратился онъ къ хромому мужику.

— Нѣту билета.

Кондукторъ молча развелъ руками.

— Ну, вотъ, что ты тутъ съ ними будешь дѣлать?.. Господа! Да вѣдь невозможно! — усталымъ, усовѣщевающимъ голосомъ заговорилъ онъ.—Вѣдь мы подначальные люди, мы не можемъ даромъ народъ возить! Съ насъ за это взыскиваютъ... Какъ

Digitized by Google

остановка будетъ, пожалуйста, слѣзай! Честью тебя прошу!

Для поѣздной прислуги стояло тяжелое время. Изъ „Россіи“ нахлынули въ степь безчисленныя массы косарей; между тѣмъ солнце выжгло траву, и сѣнокосъ на всемъ протяженіи степи не состоялся. Отощавшіе и обносившіеся, косари скитались по выжженной степи, плелись по безконечнымъ тропинкамъ вдоль полотна дороги. Одни возвращались назадъ, другіе шли дальше, на Черноморье и Кубань. Они потеряли всякій страхъ: стоило кондукторамъ зазѣваться на какой-нибудь станціи, и въ поѣздѣ немедленно оказывалось нѣсколько десятковъ безбилетныхъ „зайцевъ“. Практика давно уже выработала такой образъ дѣйствій: кондукторы зорко слѣдятъ на станціяхъ за всякимъ приближающимся косаремъ и энергично отражаютъ его попытки проникнуть въ поѣздъ; но разъ онъ ужъ очутился въ вагонѣ, на него машутъ рукою и, безъ всякихъ тасканій къ начальству, просто высаживаютъ на слѣдующей станціи: все равно, взятки съ него гладки.

Поѣздъ далъ свистокъ и началъ замедлять ходъ. Хромой косарь поспѣшно всталъ, захватилъ свой зипунъ и перешелъ въ сосѣдній вагонъ; тамъ онъ сѣлъ на лавочку за дверью. Поѣздъ остановился.

Черезъ вагонъ прошелъ кондукторъ и увидѣлъ косаря.

— Ты не сошелъ?!—изумился кондукоръ.

Косарь поднялся.

— Да куда же я пойду? У меня ноги боль-

Digitized by Google

ныя!—ожесточенно воскликнулъ онъ, глядя на кондуктора, какъ затравленный волкъ.

— Ах-хъ ты, Господи!..—Кондукторъ замолчалъ, оглядывая его съ ногъ до головы.—Я тебѣ говорилъ, какъ человѣку, а теперь что же? Я долженъ бить тебя по шеѣ!

— Смилуйтесь, господинъ кондукторъ!

— Ступай ты, ради Бога! Пойми, мы не можемъ даромъ возить народъ... Вѣдь вотъ человѣкъ!

Онъ взялъ косаря за рукавъ, вывелъ на площадку и заставилъ слѣзть.

Залихватски закатился кондукторскій свистокъ, ему въ отвѣтъ рявкнулъ паровозъ, далеко впереди пискнулъ рожокъ стрѣлочника, поѣздъ дрогнулъ и двинулся.

II.

На станціи стихло. Надъ безлюдною платформою шумѣли пыльные тополи и бѣлыя акаціи. За полотномъ дороги, у корчмы, стояли возы, запряженные волами, вокругъ нихъ медленно двигались хохлы въ холщевыхъ шароварахъ.

Косарь напился изъ кадушки теплой воды и пошелъ по дорогѣ въ степь: около линіи нечего было разсчитывать ни на работу, ни на милостыню. Дорога вилась вдаль слабыми, лѣнивыми извивами. Кругомъ до самаго горизонта тянулась степь и степь, — ровная, неподвижная, залитая горячимъ солнцемъ; трава была мелкая и рѣдкая, повсюду сѣрѣли большія плѣшины голой, выжженной солнцемъ земли. Вѣтеръ слабо дулъ съ запада,

Digitized by Google

шелестя травой; съ вѣтромъ несся издалека тонкій, нѣжный запахъ свѣжаго сѣна, но этотъ запахъ шелъ не отъ рядовъ и копенъ, а отъ травы, на корню сохшей подъ жгучимъ солнцемъ.

Косарь шелъ, хромая и тяжело опираясь на палку. Солнце било въ лицо, во рту пересохло, на зубахъ скрипѣла пыль; въ груди какъ будто злобно запеклось что-то тяжелое и горячее. Онъ шелъ часъ, другой, третій... Дорогѣ не было конца, во всѣ стороны тянулась та-же сѣрая, безлюдная степь. А на горизонтѣ слабо зеленѣли густые лѣса, блестѣла вода; дунетъ вѣтеръ,—призрачные лѣса колеблются и таютъ въ воздухѣ, вода исчезаетъ.

Около дороги, на рубежѣ, стояла каменная баба. Косарь сѣлъ къ ея подножью. Въ ушахъ у него звенѣло и со звономъ проходило по головѣ, въ глазахъ мутилось отъ жары и голода; больная ступня ныла, и тупая боль ползла отъ нея черезъ колѣно и бедро въ пахъ.

Вокругъ было просторно и пусто; только далеко на дорогѣ виднѣлась сѣрая фигура идущаго человѣка. Въ блещущей синевѣ неба парилъ коршунъ, потревоженные овражки перекликались между собою изъ подъ земли отрывочнымъ, звенящимъ свистомъ. Каменная баба въ колпакѣ,—сѣрая, поросшая зеленоватымъ мохомъ,—сгорбившись, смотрѣла въ степь съ злымъ, какъ будто живымъ лицомъ; нижняя часть ея лица была пухлая и обрюзгшая, руками она держалась за животъ, и казалось, что она кисло морщится отъ боли въ пустомъ желудкѣ. Косарь охватилъ руками колѣни

Digitized by Google

и застылъ, глядя вдаль воспаленными, красными глазами.

— Цс-сыкъ! Цс-сыкъ! Цс-сыкъ!—явственно звучало вокругъ него, какъ будто десятки косъ дружно рѣзали густую, сочную траву. По небу молніей проносились невиданно-громадныя, черныя птицы, и путникъ съ трудомъ соображалъ, что это—увивающіяся вокругъ его головы мухи; надъ горизонтомъ по небу стали протягиваться густопереплетающіяся, движущіяся вѣтви, вдали потянулись гуськомъ косари въ красныхъ рубахахъ; они шли одинъ за другимъ, съ закинутыми на плечи косами, и имъ не было конца. Все это былъ обманъ, и путникъ зналъ это: за время скитанія по степи ему не разъ уже, особенно по вечерамъ, мерещились разныя странныя вещи. И ему казалось, что ему стало бы легче, если бы не шли вдали косари, если бы не мелькали по небу черныя птицы, и не звучали невидимыя косы, рѣжущія невидимую траву...

Косарь, вздрогнувъ, поднялъ голову. На дорогѣ стоялъ невысокій человѣкъ въ нанковомъ подрясникѣ и смотрѣлъ на него. Добродушное лицо его было потно и одутловато, за плечами висѣла на ремняхъ объемистая котомка.

Человѣкъ свернулъ съ дороги къ бабѣ. Онъ молча спустилъ съ плечъ котомку, сѣлъ по другую сторону рубежа, вздохнулъ и, снявъ скуфейку, провелъ рукою по длиннымъ волосамъ.

Косарь мрачно смотрѣлъ на него и молчалъ. Человѣкъ въ подрясникѣ, не торопясь, раскрывалъ

Digitized by Google

котомку; онъ досталъ изъ нея краюху пшеничнаго хлѣба, воблу и бутылку казенной водки.

— И много же тутъ нынче вашего брата-полтавца набилось!—заговорилъ онъ, раздавливая сургучъ бутылки о подножье бабы. — Никогда еще столько не бывало. Что грачей въ полѣ, такъ всюду вашего брата.

Онъ ударилъ ладонью въ донышко бутылки, пробка вылетѣла, и водка въ горлышкѣ запѣнилась. Косарь молчалъ и злыми глазами косился на сосѣда.

— Шли траву прибирать, а травку-то самъ Господь прибралъ, для себя! — продолжалъ человѣкъ въ подрясникѣ. — Вотъ и гуляй теперь по степи безъ дѣла.

Онъ отпилъ изъ горлышка водки и, какъ будто это само собою разумѣлось, протянулъ бутылку косарю. Косарь дрогнулъ и нерѣшительно оглядѣлъ длинноволосаго человѣка. Потомъ вдругъ на его черномъ лицѣ закривилась улыбка, онъ поспѣшно протянулъ руку и бережно принялъ бутылку.

— Отколѣ самъ будешь? — спросилъ человѣкъ въ подрясникѣ, прожевывая воблу и подвигая закуску къ косарю.

— Изъ Тамбовской губерніи,—отвѣтилъ косарь.

Онъ отпилъ водки, утеръ усы и осторожно, словно боясь потревожить рыбину, отколупнулъ отъ нея кусокъ. На лицѣ его была теперь напряженно-предупредительная улыбка.

— Давно ходишь?

— Съ Пасхи.

Косарь помолчалъ.

Digitized by Google

— Шли, шли, милый человѣкъ мой,—заговорилъ онъ, стараясь не глядѣть на закуску,—все думали, дойдемъ до настоящаго мѣста. Обносились, обтрепались, хуже нищихъ сдѣлались,—нѣту работы!.. А народъ все, знай, валитъ. И куда идутъ-то? Сами не вѣдаютъ. Другъ у дружки такъ и рвутъ кусокъ изо рту!

— Косу-то проѣлъ ужъ?

— Проѣлъ... Все проѣлъ. Да вотъ ногу еще испортилъ.

— Не родилось ничего, вотъ причина. Засуха!.. Да ты ѣшь, что-жъ ты?.. Отхлебни-ка еще разокъ!

— Не обидно будетъ тебѣ? — спросилъ косарь съ закрившейся снова улыбкою, исподлобья взглянувъ на собесѣдника,

— Ну, что ты! Господи помилуй!.. Знай, ѣшь!

Косарь съ наслажденіемъ отхлебнулъ еще водки и принялся за рыбу.

— Я тебѣ все это дѣло обскажу повнимательнѣе,— заговорилъ онъ, жуя.—Говоришь: не родилось ничего. Не въ этомъ штука. Тутъ штука вотъ какая: время наше прошло. Былъ тутъ годъ одинъ,— послѣ холеры который, этотъ!.. Трава во-какая была, жито—не прожнешь. А народу мало подошло... И пошли по экономіямъ косилки, жнейки всякія. Съ той поры, можно сказать, хорошо и не бывало. Раньше за лѣто пять-шесть красненькихъ домой принесешь,— ну, теперь этого ужъ нѣту!

— Ты куда жъ сейчасъ идешь?

— Домой бы добраться, да вотъ нога шибко идти не пущаетъ.

Человѣкъ въ подрясникѣ помолчалъ.

Digitized by Google

— А то пойдемъ со мною,—сказалъ онъ, глядя въ степь.—Мое дѣло легкое.

— А ваше какое же дѣло будетъ?—осторожно спросилъ косарь, переходя на „вы“.

— Съ святымъ припасомъ хожу.

— Гм! Странникъ, значитъ, будешь?

— Въ родѣ какъ бы странника.

— Въ Ерусалимѣ былъ?

— Я гдѣ и не былъ, а все знаю, — загадочно отвѣтилъ странникъ.

Косарь покосился на него.

— Изъ стрѣлковъ, значитъ, будешь?

— „Изъ стрѣлко-овъ“... — передразнилъ странникъ.—Тебя бы, дурака, самого поучить надо! Ну, да жалко мнѣ тебя. Куда ты пойдешь, такой-то? Богъ ужъ съ тобой, пойдемъ вмѣстѣ. И мнѣ веселѣе будетъ, а то скучно одному... Тебя какъ звать-то?

— Никитой.

— Ну, Никита, вставай! Будетъ, отдохнули. Вонъ ужъ гдѣ солнышко. Скоро деревня будетъ.

Странникъ приладилъ къ плечамъ котомку, они встали и пошли. Странникъ, маленькій и пухлый, шелъ мелкими шажками, опираясь о камышевую палку, а рядомъ съ нимъ ковылялъ огромный, оборванный косарь.

— Ты издалека ли сейчасъ идешь?—спросилъ взбодрившійся отъ водки Никита.

— Да со станціи.

— Долго чтой-то шелъ!

— Тамъ еще дѣла кой-какія надо было справить,—поторговать, чайку попить...

Никита громко расхохотался.

Digitized by Google

— „Дѣла“!.. Нешто это дѣло? Сказалъ бы — поработать, а то—„чайку попить“! Это не дѣло! Это значитъ—въ мамонъ свой закладать, а не дѣло!..

— Буде грохотать, разстегнулъ пасть!—сурово обрѣзалъ его странникъ.—Вонъ-она деревня, видишь?.. Я что ни буду разсказывать, ты все знай—молчи; все равно, какъ будто нѣмой будешь. На ночевку оставлять станутъ, не оставайся: переночуемъ въ степи.

Вдали, въ неглубокой балкѣ, сѣрѣли крыши деревни и зеленѣли вербы. На пригоркѣ маленькія восьмикрылыя мельницы лѣниво махали своими кургузыми крыльями.

III.

Солнце садилось. Его красные лучи лились по пыльной деревенской улицѣ, ярко-бѣлыя стѣны хатъ казались розовыми, а окна въ нихъ горѣли кровавымъ огнемъ. Странникъ и Никита сидѣли на крылечкѣ хаты, окруженные толпою хохловъ,—мужиковъ и особенно бабъ.

На столѣ странникъ разложилъ весь свой святой припасъ; тутъ были раковины „съ Мертваго моря“, собранныя имъ на морскомъ берегу въ Одессѣ, были пузырьки съ ижехерувимскими каплями, восковые огарки изъ-подъ святого огня, картины и фотографіи.

Онъ держалъ въ рукахъ ярко-раскрашенную картину, изображавшую ново-аѳонскій Симоно-кананитскій монастырь; на горахъ, усѣянныхъ де-

Digitized by Google

ревьями, похожими на зеленыя бородавки, бѣлѣли златоглавыя церкви, а на небѣ стояла Богородица, простирая ризы надъ монастыремъ.

Странникъ разсказывалъ о святой и тихой жизни въ благочестивомъ монастырѣ; онъ разсказывалъ пѣвучимъ, высокимъ голосомъ, какимъ читаютъ въ церквахъ апостола степенные и толковые дьячки, желающіе читать „съ чувствомъ“. Никита, наѣвшійся вкуснаго борща съ баклажанами, чувствовалъ блаженное отяжелѣніе во всемъ тѣлѣ; онъ слушалъ странника и медленно моргалъ глазами.

— Отстояли мы обѣдню, вышли на волю,—разсказывалъ странникъ. — Глянули на кумполъ, — и что же, братцы вы мои? Стоитъ на облачкѣ сама Матушка-Богородица! Все равно, какъ вотъ на картинѣ тутъ... Сіяніе отъ нея, — глазамъ больно смотрѣть, солнцу подобно... Съ нимъ вотъ вмѣстѣ были!—прибавилъ онъ своимъ обычнымъ голосомъ, кивнувъ на Никиту, и оглядѣлъ его ясными, умиленными глазами.

Никита пошевелился и сталъ густо краснѣть, косясь на окружающихъ.

— Нѣмой онъ, говоритъ не можетъ съиздѣтства,—объяснилъ странникъ.—Ну, хорошо, ладно!—продолжалъ онъ прежнимъ голосомъ.—Увидали мы съ нимъ,—смутились въ сердцѣ своемъ, пали наземь. И взмолился я къ Владычицѣ Небесной: „Мать пресвятая Богородица, утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ! Будетъ ли товарищу моему спасеніе, отверзятся ли ему уста?“ И случилось тутъ знаменіе... Глянула на насъ Матушка, за уголышекъ ризу взяла свою

Digitized by Google

и три раза его-вотъ благословила, — разъ! два! и три!—больше ничего.

Онъ вопросительно оглядѣлъ слушателей. Бабы скорбно вздыхали, качая головами. Старикъ-хохолъ, съ трубкою въ зубахъ, слушалъ съ чуть замѣтною усмѣшкою, засунувъ руки въ карманы шароваръ.

— Это что значитъ?.. Значитъ: молись и вѣруй, три года тебѣ терпѣть, а тамъ будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей...

Странникъ замолчалъ. Никита сидѣлъ красный, волкомъ глядя вокругъ.

— Вѣруй въ Матушку, и все приложиться тебѣ,—снова заговорилъ странникъ.—Помни Бога, для него живи въ мірѣ, для него трудися!—Странникъ значительно погрозилъ своимъ пухлымъ пальцемъ.—А мы какъ? Все о себѣ печалуемся,—какъ бы помягче пожить, да послаще... Ну, вотъ потомъ самъ и платись!.. Въ кіевскихъ пѣщурахъ мощи лежатъ братовъ-плотниковъ. Построили они храмъ Успенію пресвятой Дѣвы-Маріи. Явилась она имъ, спрашиваетъ: „чего хотите,—*сирѣчь* злата, *сирѣчь* царствія Божія?“ Двѣнадцать братовъ запросили царствія Божія, а тринадцатый на злато прельстился, добра запросилъ. Ну, сталъ онъ жить, — хорошо жить сталъ, мягко, жирно... Прожилъ годъ и сталъ думать въ своей головѣ: „что я такое исдѣлалъ?“ И ужáхнулся онъ. Пришелъ къ Матушкѣ, палъ въ ноги: „прости,—говоритъ,—за глупость, не отринь раба Твоего!“ А она и говоритъ: „ничего теперь не могу сдѣлать тебѣ. Видишь, мощи братовъ твоихъ лежатъ: если раздвинутся, дадутъ мѣсто,—твое счастье“. Взмолился онъ къ мощамъ: „братья

Digitized by Google

мои милые, единоутробные! Пожалѣйте грѣшника, дайте промежъ себя мѣстечко!“ Сдвинулись братья, только не хватило для него цѣлаго мѣста, втиснулся онъ промежъ нихъ плечомъ. Такъ по сіе время и лежатъ,—двѣнадцать къ небу ликомъ, а этотъ промежъ нихъ бокомъ...

— А це кто? — прервалъ его старикъ-хохолъ, разсматривавшій фотографію образа изъ кіевскаго собора св. Владиміра.

— Никита-Столпникъ, святой угодникъ переславскій, — скороговоркой отвѣтилъ странникъ.— Видишь, на столбѣ стоитъ? Тридцать лѣтъ и три года простоялъ...

Онъ передохнулъ, быстро высморкался пальцами и тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ сталъ разсказывать; онъ разсказывалъ, какъ въ молодости Никита былъ „суровъ и мятежникъ“, какъ обижалъ онъ людей и какъ явилось ему знаменіе: жена его варила мясо и увидѣла въ кастрюлѣ кипящую кровь, въ крови этой мелькали человѣческія головы, руки и ноги. Позвала она Никиту, онъ посмотрѣлъ и ужаснулся. „Увы мнѣ, много согрѣшихъ!..“ Пошелъ къ монастырю, влѣзъ въ болото и три дня просидѣлъ въ трясинѣ, отдавъ себя на пищу комарамъ и жабамъ. Потомъ явился къ игумну, палъ въ ноги и сталъ молить указать ему трудъ,—„токмо, отче, спаси душу погибающу!..“ И построилъ онъ себѣ столбъ, и сталъ служить Богу. Зиму и лѣто, день и ночь стоялъ онъ на столбѣ и все молился. Дождь его мочилъ, снѣгъ засыпалъ, клевали вороны,—онъ все молился; въ каждой рукѣ онъ держалъ на вѣсу по тяжелому

Digitized by Google

камню, вериги на тѣлѣ отъ многаго труда сдѣлались блестящими, какъ золото...

Хорошо разсказывалъ странникъ. Лицо у него стало какое-то свѣтлое и вдохновенное, голосъ проникалъ въ душу. Кругомъ всѣ молчали. Солнце сѣло. Никита смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ фотографію и не могъ оторвать отъ нея глазъ: высокій, худой и изможденный, стоялъ угодникъ на бревенчатомъ срубѣ; всклокоченная сѣдая борода спускалась ниже пояса, щеки осунулись, лицо было блѣдное и мертвенное; потухшіе, бѣлесые, какъ у трупа, глаза смотрѣли въ небо.

И странное что-то творилось съ Никитой. Онъ слушалъ вдохновеннаго разсказчика и забылъ, что передъ нимъ не больше, какъ „стрѣлокъ“, и все смотрѣлъ на фотографію, и она оживала подъ его взглядомъ: въ старческомъ, трупномъ лицѣ угодника, въ его невидящихъ, устремленныхъ въ небо глазахъ горѣла какая-то глубокая, страшная жизнь; казалось, ко всему земному онъ сталъ совсѣмъ чуждъ и нечувствителенъ, и духъ его въ безконечномъ покаянномъ ужасѣ рвался и не смѣлъ подняться вверхъ, къ далекому небу...

Никита поднялъ голову и, подперевъ щеку кулакомъ, задумчиво смотрѣлъ на затихавшую степь. По этой степи онъ скитался два мѣсяца, злобный отъ голода и униженій, полный однимъ собою. Все пережитое имъ, вся злоба и страданія казались ему теперь мелкими, и онъ стыдился ихъ; онъ стыдился, что муки эти онъ переносилъ для самого себя, и что онѣ такъ малы и ничтожны, и

Digitized by Google

что въ нихъ нѣтъ ничего, что уносило бы его вверхъ, прочь отъ земли, какъ этого угодника.

IV.

Темнѣло. Странникъ и Никита оставили за собою деревню и шли по степи. Никита ковылялъ на больныхъ ногахъ и молча, съ пристальнымъ вниманіемъ косился на своего спутника: лицо странника казалось ему чуждымъ-чуждымъ и страшнымъ въ своей чуждости. А странникъ шелъ рядомъ, беззаботно посвистывая, и дышалъ прохладой.

Далеко на югѣ темнѣли черныя, неподвижныя тучи, оттуда шло какъ будто непрерывное, глухое ворчаніе. Кругомъ еще сильнѣе пахло некошенымъ сѣномъ. Вѣтеръ слабо дулъ, шурша сухою травою.

— Ну, поглядимъ, сколько нынче Богъ послалъ!—заговорилъ странникъ. Э-эхъ, коробушка-матушка, вались на травушку!..

Онъ скинулъ котомку на земь и опустился на траву. Никита стоялъ, молча глядя на него.

Странникъ вытащилъ изъ кармана деньги и сталъ считать; оказалось семьдесятъ три копѣйки; было тутъ и отъ продажи „святого припасу“, были и деньги, данныя бабами на свѣчи угодникамъ въ Соловкахъ, куда будто бы направлялся странникъ. Потомъ онъ вытащилъ изъ котомки холсты, яйца, бутылку съ водкой.

— Что-жъ, Никита, давай дѣлиться! — ласково произнесъ странникъ.

Digitized by Google

Никитѣ что-то сдавило горло; онъ стоялъ, разставивъ ноги, и въ упоръ смотрѣлъ на странника.

— Знаешь, что?—проговорилъ онъ срывающимся голосомъ. — Тебѣ одна дорога, мнѣ другая... Прощай, братъ!—И онъ махнулъ рукою.

Странникъ изумленно вытаращилъ глаза и вскочилъ на ноги.

— Что ты?.. Господи помилуй, чего ты? — оторопѣло спросилъ онъ и сталъ вглядываться въ Никиту.—Ду-ура ты, дура деревенская!—неожиданно расхохотался онъ и весело всплеснулъ руками.

Никита исподлобья оглядѣлъ странника — и вдругъ, закусивъ губу, съ размаху ударилъ его своимъ тяжелымъ кулакомъ въ лицо, — ударилъ больно, крѣпко, съ дикою радостью ощущая, какъ хрястнулъ подъ кулакомъ носъ его спутника...

Странникъ, съ залитымъ кровью лицомъ, сидѣлъ на землѣ и испуганно-плачущимъ голосомъ ругался. А Никита, не оглядываясь, шелъ впередъ, въ темнѣвшую степь.

Digitized by Google

ВАНЬКА.

(Разсказъ пріятеля).

Года три назадъ, я работалъ монтеромъ на одномъ большомъ петербургскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Однажды вечеромъ, въ воскресенье, я возвращался домой съ Васильевскаго Острова. Дѣло было въ іюнѣ. Поѣздъ пригородной дороги, пыхтя, мчался по тракту вдоль Невы; имперіалъ былъ густо засаженъ народомъ; шелъ громкій пьяный говоръ.

— А что, дяденька, въ Александровское село доѣду я на этой машинѣ?—обратился ко мнѣ мой сосѣдъ, толстогубый парень съ крѣпкимъ, загорѣлымъ лицомъ. Онъ былъ въ пеньковыхъ лаптяхъ и свѣтлосѣромъ зипунѣ, на головѣ сидѣла громадная, облѣзлая мѣховая шапка. Сѣрою деревнею такъ отъ него и несло; несло, впрочемъ, и водочкою.

— Доѣдешь,—отвѣтилъ я.

— А тебѣ въ которо мѣсто?—спросилъ его сосѣдъ по другую сторону, старикъ-сапожникъ.

Digitized by Google

— Значитъ... въ Александровское село!

— Я понимаю, что въ Александровское... Мѣсто-то которое? Какая улица?

— Не знаю я...

— Эхъ, ты, тетка Матрена!.. Давно ли въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ-то?

— Да, въ Питерѣ-то!

— Ноньче утромъ пріѣхалъ... Значитъ, въ селѣ Александровскомъ землякъ у меня, у него я присталъ,—объяснилъ парень.—А сейчасъ къ дядѣ ѣздилъ на шашнадцатую линію,—у господъ кучеряетъ... Винца, значитъ, выпили съ нимъ...

— Какъ же ты теперь домой попадешь, дурья ты голова? Нужно знать, какая улица,—разъ, какъ номеръ дому,—два!—поучающе произнесъ старикъ.

— Онъ думалъ, тутъ деревня ему,—отозвался изъ-за спинки скамейки фабричный парень.—Спросилъ: „Гдѣ тутъ, братцы, Иванъ Потапычъ живетъ?“—а ему всякій: „Вонъ онъ!..“ Нѣтъ, подожди,—эко ты, братъ, какой!

— Долженъ былъ адресъ спросить!—поучалъ старикъ.

— Вѣр-рно!—съ удовольствіемъ согласилея парень въ шапкѣ и тряхнулъ головою.

— Вотъ теперь и ищи земляка своего!

— Ты какой губерніи-то? „Скопской“?—быстро спросилъ фабричный.

— Скопской.

— Ну, во-отъ!.. Скопской,—сразу узналъ!

Кругомъ засмѣялись. На парня сыпались насмѣшки. Онъ потряхивалъ головою, затягивался

Digitized by Google

цыгаркою, самостоятельно сплевывалъ и время отъ времени съ большимъ удовольствіемъ повторялъ: „Вѣр-рно!.. пр-равильно!..“

— Вотъ тебѣ село Александровское, пріѣхали. Слѣзай, ищи земляка!

Парень торопливо всталъ и спустился внизъ. Слегка пошатываясь, онъ быстро пошелъ посреди улицы, потряхивая головою и мягко ступая по мостовой своими пеньковыми лаптями. На перекресткѣ неподвижно стоялъ городовой. Парень снялъ передъ нимъ шапку, съ достоинствомъ тряхнулъ волосами, надѣлъ шапку и гордо зашагалъ дальше. Вскорѣ онъ исчезъ въ сумракѣ бѣлой ночи...

Дня черезъ два, мнѣ дали въ заводѣ новаго подручнаго. Я тогда работалъ на линіи. Передо мою предсталъ мѣшковатый парень, въ огромныхъ сапожищахъ и мѣховой шапкѣ; это былъ мой сосѣдъ по конкѣ. Онъ проработалъ у меня съ недѣлю. И смѣхъ было имѣть съ нимъ дѣло, и иногда прямо не въ моготу.

— Иванъ, подай лѣстницу!

Иванъ, глазѣющій на мою работу, начинаетъ медленно шевелиться.

— Лѣстницу?.. Ка-акую?

— Да давай скорѣй лѣстницу, чор-ртъ!! „Какую“!..

Иванъ, не торопясь, беретъ лѣстницу и, ворча, начинаетъ ее прилаживать къ стѣнѣ.

— Самъ чортъ! на-ко!.. Чего орешь?

Въ немъ совсѣмъ не было замѣтно той предупредительной готовности принимать насмѣшки и

Digitized by Google

ругательства, какую онъ проявилъ тогда на конкѣ. Напротивъ, весь онъ былъ пропитанъ какимъ-то милымъ, непоколебимымъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое совершенно обезоруживало меня.

Пошлешь его на станцію.

— Сбѣгай, принеси дюжину патроновъ, да поскорѣй, пожалуйста!

Иванъ тяжело пробѣжитъ десятокъ шаговъ и идетъ дальше, солидно и убійственно-медленно шагая своими сапожищами. Ждешь, ждешь его; черезъ полчаса является, словно съ прогулки.

— Гдѣ ты пропадалъ?

— Гдѣ! А ты куда посылалъ?

— Чортова ты перечница! Пять минутъ сбѣгать, а ты полчаса ползешь!.. Квашня!

— Чего орешь-то? — хладнокровно возражаетъ онъ.

Присѣли мы съ нимъ какъ-то покурить.

— Ты бы, Иванъ, долженъ бы меня побольше уважать,—сказалъ я.—Вѣдь я надъ тобою выше стою.

— Чорта ли мнѣ тебя уважать!.. На-ко!—изумился Иванъ; и онъ съ любопытствомъ оглядѣлъ меня своими круглыми глазами, словно выискивая,—за что же это, собственно, я претендую на его „уваженіе“?

Необычно было съ нимъ бесѣдовать,—совсѣмъ съ другой планеты спустился человѣкъ. „Жена моя изъ Подгорья къ намъ приведёна“... Словно о коровѣ разсказываетъ. Или сообщитъ, что отецъ письмо прислалъ, велитъ къ Ильину дню пять

Digitized by Google

рублей выслать, а то отдереть розгами. Это двадцатилѣтняго-то мужика... И обо всемъ разсказываетъ такъ, какъ будто иначе и не можетъ быть.

Черезъ недѣлю его взяли на станцію. Однажды мой всегдашній подручный загулялъ, и мнѣ снова дали на день Ивана. Опять явился онъ въ своихъ сапожищахъ, медленный и солидный, при взглядѣ на котораго сердце начинаетъ нетерпѣливо кипѣть.

— Ну, ты, дубовая голова, подбери губы! Давай тали заправлять! Живо!

Иванъ молча нагнулся, взялъ веревку и сталъ поспѣшно продѣвать ее въ блоки. Продѣваетъ и все молчитъ. Я покосился на него: что это съ нимъ?

— Ты что же не ругаешься? — сконфуженно спросилъ я.—Обругали тебя, ты долженъ отвѣтить.

Иванъ молчалъ.

— Чтожъ ты молчишь?

Онъ исподлобья взглянулъ на меня и вдругъ самодовольно ухмыльнулся.

— Нешто я не понимаю? Небось, ты мнѣ старшой! Я противъ тебя не могу словъ говорить.

И весь день онъ былъ со мною смиренъ и испуганно-почтителенъ.

Какъ-то поздно вечеромъ я зашелъ на нашу электрическую станцію. Помощникъ машиниста возился около паровой машины, дежурный у доски, повернувшись къ доскѣ спиною, читалъ „Петербургскій Листокъ“. Иванъ неподвижно стоялъ у стѣны и пялилъ сонные глаза на ярко-освѣщенные циферблаты вольтметровъ и амперметровъ.

Digitized by Google

Слѣдомъ за мною вошелъ нашъ мастеръ. Засунувъ руки въ карманы кожаной куртки, съ папироскою въ зубахъ, онъ остановился, посвистывая, въ дверяхъ. На лицахъ присутствующихъ мелькнула мимолетная улыбка, и всѣ насторожились.

Вдругъ лицо мастера налилось кровью, глаза его свирѣпо выкатились.

— Ванька, гдѣ мятла?!—грозно гаркнулъ онъ.

Иванъ вздрогнулъ и быстро отдѣлился отъ стѣны.

— Мятла... Мятла...—растерянно повторилъ онъ своимъ псковскимъ говоромъ. Онъ схватилъ стоявшую въ углу метлу и сталъ быстро мести досчатый полъ.

— Я на тебя, негодяй, десять рублей штрафу запишу!—оралъ мастеръ, топая ногами, какъ сумасшедшій.—Ты для чего тутъ приставленъ, дубина стоеросовая?.. Это что? Это что?!

И онъ указывалъ рукою на окурокъ, валявшійся около рѣшетки динамомашины.

— Поднять!!. Что за безпорядокъ?!

Я въ изумленіи смотрѣлъ на происходившее. Что это тутъ за салонный паркетъ, на которомъ и окурку нельзя валяться? Кругомъ посмѣивались.

Оказалось, дѣло было просто. Иванъ и на станціи держался тѣмъ же деревенскимъ обломомъ, совершенно не понимавшимъ всѣхъ тонкостей почтительности и подчиненія; онъ и шапку снималъ передъ мастеромъ, и не садился при немъ, а все-таки во всей его манерѣ держаться сквозило глубокое и несокрушимое чувство своего достоинства: смѣшно станетъ,—захохочетъ и скажетъ, отчего

Digitized by Google

ему смѣшно; обругаютъ,—огрызнется. Мастеръ взялся за его муштровку; Иванъ обратился для него въ предметъ забавы. Какъ только онъ замѣчалъ, что Иванъ стоитъ безъ дѣла, такъ сейчасъ же дѣлалъ свирѣпое лицо и оралъ громовымъ голосомъ:

— Ванька, гдѣ мятла?!

Запуганный, сбитый съ толку, Иванъ безпомощно и очумѣло метался теперь подъ тучею непрерывныхъ начальственныхъ окриковъ мастера. Полъ электрической станціи, дѣйствительно, превратился по своей чистотѣ чуть не въ салонный паркетъ, но все-таки на немъ всегда можно было найти соломинку, спичку или обрывокъ проволоки, изъ-за которыхъ снова поднималась исторія...

Однажды, когда мастеръ въ моемъ присутствіи заоралъ на Ивана, я не выдержалъ.

— Простите, господинъ мастеръ, вы просто издѣваетесь надъ человѣкомъ!—рѣзко проговорилъ я.—Если вы взыскиваете съ метельщика за каждый окурокъ, такъ потрудились бы запретить тутъ курить...

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — невинно и озабоченно спросилъ мастеръ, близко подходя ко мнѣ.

— Въ томъ дѣло, что этотъ парень сюда не въ шуты нанятъ, а вы изъ него потѣху дѣлаете для себя. Что ему, все время безъ перерыву полъ мести, что ли?

— А это до васъ касается?—съ ядовитою почтительностью отвѣтилъ мастеръ.—Ты что жъ стоишь,

Digitized by Google

негодяй?!—злобно крикнулъ онъ на остановившагося Ивана.—Это что?! Видишь, соръ! Чтобъ сейчасъ же чисто было!

Иванъ испуганно бросился мести. Своимъ вмѣшательствомъ я только повредилъ ему. Мастеръ, не долюбливавшій меня, еще свирѣпѣе набросился на Ивана, и что противъ него можно было сдѣлать? Мастеръ слѣдитъ за чистотою станціи,—это его право и обязанность.

И странное меня охватило чувство, — злобная ненависть къ Ивану, позволяющему и вызывающему всѣ эти издѣвательства надъ собою. Гдѣ жъ его хладнокровное достоинство, его искреннее изумленіе при попыткахъ оскорбить его? Мнѣ вспомнилось, съ какимъ самодовольствомъ онъ мнѣ отвѣтилъ: „Нешто я не понимаю? Небось, ты мнѣ старшой!“ Все его достоинство было просто-напросто слѣдствіемъ деревенской „необразованности“...

Иванъ весь былъ теперь олицетвореніемъ какого-то очумѣлаго испуга и обратился во всеобщее посмѣище, даже для своихъ же товарищей-чернорабочихъ. Ночью, когда онъ спалъ (спалъ онъ всегда, какъ мертвецъ), какой-нибудь шутникъ подкрадывался къ нему и во все горло гаркалъ ему въ ухо:

— Ванька, гдѣ мятла?!

Иванъ вскакивалъ, какъ отъ пружинки.

— Мятла... мятла...—испуганно повторялъ онъ сквозь сонъ и начиналъ метаться по комнатѣ, отыскивая метлу.

Дружный хохотъ приводилъ его въ себя.

Digitized by Google

Вскорѣ я уѣхалъ изъ Петербурга въ Луганскъ. Года два я работалъ на южныхъ заводахъ, потомъ воротился въ Питеръ. Опять тотъ же заводъ на трактѣ, мастерскія, разбросанныя по широкому двору, приглядѣвшаяся электрическая станція...

Однажды вечеромъ, сдавъ дежурство, я вышелъ изъ станціи. Пошабашившіе рабочіе, съ черными, маслянистыми лицами, въ ожиданіи гудка толпились противъ выходныхъ воротъ; сторожа въ кожаныхъ картузахъ неподвижно стояли у барьеровъ. Я присоединился къ толпѣ.

Была метель, широкій заводскій дворъ бѣлѣлъ подъ ярко-голубымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей; отъ станціи неслось равномѣрное пыхтѣніе, клубы пара, словно громадныя, растрепанныя бѣлыя птицы, метались подъ вѣтромъ по двору и проносились влѣво, за ярко-освѣщенную механическую мастерскую.

Толпа прибывала. Старики стояли, устало сгорбившись, молодые нетерпѣливо переминались и стучали ногою объ ногу.

— Что жъ гудка нѣту? Охрипъ, что ли?—сердито сказалъ стоявшій передо мною слесарь, ежась и пряча руки въ рукава.

— Чего прешь впередъ?—ворчали сзади.—Видишь, люди стоятъ.

— Э, дура, боишься, каша дома перепрѣетъ?

— Нѣтъ, ребята, у него Манька нынче заждалась!

— Народу-то сколько, ба-атюшки! И кто ихъ столько нарожалъ, чертей?—изумлялся кто-то.

Въ порывахъ метели носились и обрывались

Digitized by Google

сальныя шутки, ругательства. Нетерпѣніе росло, увеличивавшаяся толпа напирала сзади, и свободный кругъ передъ воротами суживался. Отмѣтчики ругались и осаживали народъ назадъ.

Къ калиткѣ прошелъ мастеръ литейной мастерской, толстый, съ поднятымъ мѣховымъ воротникомъ.

— Сторонись, ребята, начальство идетъ! — съ ироническою почтительностью скомандовалъ кто-то.

— Брюхатое!—прибавилъ голосъ изъ толпы.

— Какъ бы, ребята, въ калиткѣ не застрялъ... Сторожъ, раскрой ворота!

Мастеръ не оборачивался и пряталъ голову въ воротникъ, чувствуя на себѣ враждебное вниманіе принужденной ждать толпы.

Рядомъ со мной стоялъ токарь, лѣтъ сорока пяти, съ черно-сѣдою бородкою; онъ сонно моргалъ глазами, и его худощавое лицо казалось при электрическомъ свѣтѣ совсѣмъ мертвеннымъ; лицо было умное и хорошее, но глаза смотрѣли вяло, съ какимъ-то глухимъ, глубокимъ равнодушіемъ ко всему.

— Больно ужъ ты что-то уморился! — сказалъ я.

— Съ полночи работаю,—коротко отвѣтилъ онъ.

— Что такъ?

— Прогулялъ два дня. Четыре рубля штрафу, да четыре—заработку, восемь цѣлковыхъ. Нужно наверстывать... До полночи посплю, а тамъ опять пойду ось точить.

— Все работать... Когда же жить?

Онъ устало махнулъ рукою.

Digitized by Google

— Наша жизнь ужъ пропита!

— Три дня эдакъ поработаешь, — опять запьешь.

— Понятное дѣло...

За станціей, дрожа и покрывая свистъ метели, оглушительно загудѣлъ гудокъ. Толпа сразу колыхнулась и устремилась къ барьерамъ, ворота распахнулись.

Тѣснясь и спѣша, рабочіе пятью узкими потоками двигались между барьерами къ воротамъ. У конца барьеровъ сторожа обыскивали выходящихъ, быстро проводя у каждаго рукою спереди и сзади. Мы съ сосѣдомъ втиснулись въ барьеръ и продвинулись къ выходу. Передъ нами плотный и неуклюжій сторожъ, тщательно и не торопясь, ощупывалъ высокаго рабочаго.

— Да ты скоро?—сердито крикнулъ токарь.— Полчаса ждать тебя тутъ! Вшей, что ли, ты ищешь у него?!

— Поговори у меня!—хладнокровно произнесъ сторожъ.

Онъ пропустилъ обысканнаго рабочаго.

— Что стали?—крикнули сзади напирая.

— Ну, дѣдо, держись!.. Дави, ребята!

— Черти! Кишки выдавили!..

Толпа стремительно наперла сзади и вытолкнула стоявшаго впереди токаря, такъ что онъ проскочилъ мимо сторожа.

Сторожъ повернулся быстро и неуклюже, какъ медвѣдь, схватилъ токаря за рукавъ, а другою рукою сорвалъ съ него шапку и отбросилъ ее далеко въ снѣгъ.

Digitized by Google

У токаря блеснули глаза.

— Ахъ, ты, негодяй!—крикнулъ онъ.—А если я съ тебя шапку сорву?!

— Знай порядокъ! Куда прешь?—грубо отвѣтилъ сторожъ.

— Ступай, подыми шапку!—яростно крикнулъ токарь, наступая на него.

Толпа грозно зароптала.

— А въ контору хочешь?—выразительно спросилъ сторожъ.

— Вотъ тебѣ контора!

Токарь сорвалъ со сторожа картузъ и швырнулъ его навстрѣчу метели.

Сторожа схватили токаря.

— Веди его въ контору!

— Погодите, любезные, мы всѣ въ контору пойдемъ!—сказалъ я.—Мы тамъ справимся, смѣете ли вы съ насъ шапки срывать.

Старшаго отмѣтчика въ проходной конторѣ не было: онъ какъ разъ ушелъ за чѣмъ-то. Мы остановились въ ожиданіи его у входа. Сторожъ стоялъ, крѣпко держа токаря за рукавъ.

— Не держи меня, я самъ не уйду!—бѣшено крикнулъ токарь, вырывая руку.

— Ты у меня поговори!—пригрозилъ сторожъ, хватая его снова.

Сторожъ былъ теперь безъ шапки; я вглядѣлся въ него: крупныя губы, странно знакомое лицо подъ волосами въ скобку...

— Ванька, да это ты?!—съ удивленіемъ воскликнулъ я.

— Вотъ те и Ванька!—грубо отвѣтилъ сторожъ.

Digitized by Google

Наши показанія не повели ни къ чему. Токаря уволили съ завода, а сторожъ остался. Массивный и неуклюжій, онъ стоитъ у воротъ, застывъ въ какомъ-то тупомъ величіи. Эдакаго грубаго скота я еще не встрѣчалъ; думаю, не долго до того, что какъ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ его изобьютъ до полусмерти.

Да, вотъ те и Ванька!..

Digitized by Google

Изъ обѣтованной земли.

Раннимъ іюньскимъ утромъ я и мой пріятель Березинъ въ ожиданіи дилижанса сидѣли на скамейкѣ у воротъ N-ской почтовой станціи. Тутъ же на скамейкѣ сидѣлъ и самъ содержатель станціи, молчаливый, грузный мужчина съ землистымъ лицомъ и одышкой; онъ зѣвалъ, крестилъ ротъ и разсѣянно слушалъ стоявшаго рядомъ мужика-старообрядца, котораго онъ „Христа ради“ согласился подвезти въ дилижансѣ за пятнадцать копеекъ. Небо было покрыто скучными сѣрыми тучами, и дулъ холодный вѣтеръ; на грязной улицѣ, въ лужахъ навозной жижи, стояли возы со льномъ, межъ ихъ колесъ уныло бродили мокрыя, взъерошенныя куры.

Березинъ сидѣлъ, нахлобучивъ на носъ картузъ, и кутался отъ вѣтра въ поношенное триковое пальто; въ блѣдномъ свѣтѣ хмураго утра его исхудалое лицо съ выдавшимися скулами выглядѣло совсѣмъ мертвеннымъ, и суровая, энергичная складка въ углахъ губъ казалась странной на этомъ лицѣ.

Digitized by Google

У Березина была какая-то загадочная желудочная болѣзнь, въ два мѣсяца обратившая его въ скелетъ; врачи опредѣлили начинающійся туберкулезъ кишечника и посовѣтовали Березину уѣхать изъ Петербурга. По ремеслу онъ былъ слесарь; намъ удалось убѣдить его принять мѣсто у одного крупнаго псковского помѣщика, къ которому онъ теперь и ѣхалъ.

— Подъ вешняго Миколу поглядѣлъ бы, какой красоты рожь была,—сердце разгоралось!—спокойнымъ и даже какъ будто веселымъ голосомъ разсказывалъ старообрядецъ, высокій мужикъ съ длинной, узенькой бородкой и медленно мигающими глазами.—А тамъ, какъ пошла стужа, какъ пошла... На Вознесенье снѣжною метелью ударило!.. Вся смерзла, рожь-то! А ужъ какой красоты была...

— Тоже и у насъ тутъ перепахивали рожь,—лѣниво произнесъ содержатель.

— И перепашешь, что-жъ подѣлаешь! Вонъ какія плѣшины стужа выѣла,—не на что глядѣть!.. У яровы-ыхъ корешокъ застудило, вотъ чѣмъ мы таперичка обижаемся. Туго, туго придется!

— Голодать будете?—сиплымъ голосомъ спросилъ Березинъ.

— И поголодаешь. Вонъ какъ въ тотъ-то годъ было, подъ холеру.—Мужикъ помолчалъ.—Крысы ушли!—понизивъ голосъ, обратился онъ къ содержателю.

— Да что-о ты?!—протянулъ содержатель, широко открывъ глаза.

— Вѣрно баю. Дѣдко-Антонъ, ночникъ барскій, видалъ. Сидитъ это онъ на пару, лошадей стере-

Digitized by Google

жетъ. Мѣсяцъ ясный свѣтитъ,—ковыряетъ лапти себѣ, старый человѣкъ. Вдругъ чуетъ, — шумъ, свистъ, кнутами хлопаютъ. Вскочилъ, думалъ,—лошадей свели. Нѣтъ, на мѣстѣ лошади. Что такое? Никого не видать, а говоръ кругомъ, свистъ, хлестъ. Глянулъ на поле—и обомлѣлъ: все поле шевелится, ползетъ,—крысы, значитъ, идутъ, и земли не видать. А невидимая сила гонитъ. Побѣжалъ дѣдко-Антонъ въ деревню мужиковъ скликать,—не идутъ: тебѣ, баютъ, приснилось. Какъ бы, думаетъ, лошадей не растерять, побѣжалъ назадъ. Глядитъ,—кони къ бору убѣгли, поле все затоптано, помято, словно бы гурты прошли по немъ; а крысы ужъ дальше пошли за Язвище, подъ мѣсяцемъ видно; и та-же невидимая сила гонитъ.

— Что же это за сила невидимая?—хмуро спросилъ Березинъ.

— Значитъ, нечистая сила!—вздохнулъ содержатель.

— Э, ерунда какая!

— Нѣтъ, вѣрно! — возразилъ содержатель, покосившись на Березина. — Какъ неурожай, всѣ крысы уходятъ,—нечистая сила угоняетъ.

— Выпилъ вашъ дѣдко-Антонъ, больше ничего. Тутъ, братъ, не то что крысъ,—зеленаго змія увидишь... Что жъ дѣлать-то вы будете теперь?—обратился онъ къ старообрядцу.

Старообрядецъ медленно мигнулъ и поежился отъ вѣтра.

— Что! вотъ, значитъ, голодать и будемъ.

Березинъ раздраженно кашлянулъ, крѣпче закутался въ пальто и замолчалъ. Вообще, какъ я

Digitized by Google

замѣтилъ, съ половины дороги отъ Петербурга онъ все время находился въ какомъ то—не то раздраженіи, не то недоумѣніи, которое онъ тщательно скрывалъ, даже какъ будто отъ самого себя. Началось это съ тѣхъ поръ, какъ кругомъ въ вагонѣ, а потомъ, ночью, на станціи, пошли разговоры о надвигавшемся на этотъ край „недородѣ“. Въ Петербургѣ отношеніе Березина къ подобнаго рода вопросамъ было очень опредѣленное: онъ жертвовалъ свой процентъ съ заработка и злился, читая трогательныя воззванія сердобольныхъ газетъ о помощи: сотни тысячъ работниковъ, всѣ силы свои кладущіе на трудъ,—нищіе, за которыхъ добрые люди просятъ „господъ“!.. Теперь же, когда этотъ вопросъ всталъ передъ нимъ живьемъ, Березинъ какъ будто чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, ступившаго въ трясину: земля ползетъ изъподъ ногъ, и неизвѣстно, на что опереться; и на свой вопросъ: „что же вы будете дѣлать“?—я видѣлъ, — онъ и самъ не могъ бы дать никакого отвѣта.

— Дилижансъ скоро пойдетъ?—обратился я къ содержателю.

Содержатель посмотрѣлъ на подгородные сады, за которыми вился дымокъ поѣзда.

— Скоро, скоро! Вотъ только отъ поѣзда пассажировъ захватить... Сейчасъ поѣдете.

Изъ станціи вышла сморщенная старуха въ темномъ платьѣ и съ нею вмѣстѣ — полная, румяная женщина, жена мелочного лавочника.

— Что жъ, Петръ Матвѣичъ, пойдетъ когда вашъ дилижанъ? — спросила лавочница, надувъ

Digitized by Google

губки.—Ждемъ, ждемъ съ мамой! Сказали, въ семь часовъ пойдетъ, а все нѣту.

— Идетъ дилижанъ, пожалуйте!—отвѣтилъ содержатель, вставая.

Изъ-за поворота улицы показалась длинная, ободранная карета, запряженная тройкою клячъ. Лохматый кучеръ съ цыганскими, вороватыми глазами хлесталъ кнутомъ клячъ и ругался; на придѣланномъ у задка кареты сидѣніи помѣщался кондукторъ въ сѣромъ зипунѣ.

Дилижансъ остановился. Изъ его оконъ выглядывали два парня, сѣвшіе на желѣзнодорожной станціи; они были въ малиновыхъ рубашкахъ и въ черныхъ драповыхъ пальто; одинъ изъ парней, крѣпкій и смуглый, съ круглой головой и темными бровями, держалъ въ рукахъ гармонику; другой былъ выше и худощавѣе, съ длиннымъ веснущатымъ лицомъ.

— Садитесь, господа, сейчасъ поѣдемъ—сказалъ кондукторъ.

Мы вошли въ карету; она была длинная и очень низкая,—настоящій гробъ; на потолкѣ висѣли пыльные ситцевые клочья, сидѣнья были покрыты отрепанными ветошками.

— Ахъ, батюшки, а денегъ то я еще не заплатила!—спохватилась старуха.

— Садитесь, мама! Ужъ заплочено!—отвѣтила лавочница, улыбаясь своими алыми губами и выпуклыми сѣрыми глазами.

— Ну, нѣтъ, доченька! Нѣтъ, нѣтъ! Съ чего тебѣ платить? Слава Богу, и сама могу... На, на, возьми! Сколько слѣдуетъ?

Digitized by Google

Она протянула дочери серебряный рубль. Лавочница отнѣкивалась, но старуха настаивала. Та съ дѣланымъ огорченіемъ вздохнула и стала отсчитывать старухѣ сдачу.

— Что-жъ мало даешь? На сороковку не хватитъ!—сказалъ парень съ гармоникой, оглядывая красавицу-лавочницу.

— Хватитъ и на сладенькую!—отвѣтила лавочница, бросивъ на парня бойкій отвѣтный взглядъ.

— Хватитъ?—радостно спросилъ парень.—Ну, и слава Богу!

— Хватитъ, хватитъ!—проговорила подъ носъ старуха, пряча деньги.

— Ну, прощайте, мама! Кланяйтесь папашѣ, Анютѣ!..

— Трогай!—крикнулъ кондукторъ.

Дилижансъ проѣхалъ шлагбаумъ и выѣхалъ на шоссе. Кругомъ потянулись пустынныя поля съ рѣдкими перелѣсками и ржавыми болотами; небо нахмурилось еще сильнѣе, холодный, сырой вѣтеръ гулялъ по пашнямъ; было начало іюня, а казалось, что на дворѣ сентябрь.

Карета дребезжала и звенѣла, трясясь по шоссе; съ пола поднималась мелкая пыль и стояла въ воздухѣ, въ разбитыя стекла свистѣлъ вѣтеръ. Березина знобило; закутавшись въ пальто, онъ угрюмо смотрѣлъ въ противуположное окно.

— Вы издалека ли ѣдете?—спросила старуха парней.

— Изъ Петербурга,—отвѣтилъ парень съ гармоникой.

Digitized by Google

— Вы мастеровые люди? На побывку ѣдете,— значитъ, домой?

— Ну, да.

— Отколѣ сами будете?

— Мы-то? Витебскіе сами мы, изъ-подъ Усвята,— не торопясь отвѣтилъ парень. — А тутъ у насъ дядя живетъ, въ Клейменовѣ, — можетъ знаете Клейменово? Такъ вотъ къ нему сейчасъ ѣдемъ; денекъ-другой поживемъ у него, значитъ, уваженіе ему докажемъ—и домой къ себѣ.

— Такъ, такъ, такъ!—закивала старуха, оглядывая парней.—У васъ что-же дядя тутъ,—торгуетъ?

— Литейный заводъ держитъ, — сконфуженно засмѣялся веснущатый парень, обнажая блѣдныя десны.—Пять тысячъ народу работаетъ!

— Онъ смѣется, — меланхолично пояснилъ парень съ гармоникой.—Кузню держитъ на три горна. Косяковъ Митрей Иванычъ,—слыхали, чай...

Онъ тронулъ локтемъ своего спутника.

— Гляди, гляди, какимъ полоскамъ подѣлена земля!—сказалъ онъ, съ любопытствомъ глядя въ окно.—Вотъ такъ полоски! Ну-ка, попаши на эдакой!

Мужикъ-старообрядецъ повернулъ голову къ окну и, медленно мигая, тоже какъ будто съ любопытствомъ сталъ смотрѣть на узкія полоски. Чахлые всходы ржи вяло трепались подъ холоднымъ вѣтромъ, дальше шли глинистыя пашни, усѣянныя гранитными глыбами; на пашняхъ тамъ и сямъ виднѣлись мужики, пахавшіе или раскидывавшіе навозъ; около лѣса ходилъ по пашнѣ мужикъ и длинною деревянною колотушкою билъ по пашнѣ.

Digitized by Google

— Что это онъ дѣлаетъ? — спросилъ парень старообрядца.

— Комовья, значитъ, разбиваетъ. Земля-то твердая...

— Комовья разбиваетъ!.. ха-ха-ха! Ванька, гляди! Значитъ, вспашутъ, а потомъ съ колотушками пойдутъ комовья бить! Вотъ такъ землица!

— А у васъ что же, помягче будетъ?—спросилъ старообрядецъ.

— У насъ? У насъ, братъ земля... Жирная земля, мягкая, что творогъ! Просторъ для нея, можно сказать, — полный. Господа теперь пошли землю продавать; четыреста десятинъ купили мы, по шестьдесятъ рублей, съ лѣсомъ; строевой лѣсъ евреи свели, а такъ, который невысокій, для холодныхъ построекъ,—такого много.

— Значитъ, понадобилось тебѣ, бери! — объяснилъ старообрядецъ старухѣ.

— Бери!.. У насъ развѣ такъ стали бы жить?— Парень съ упрекомъ кивнулъ на черную, убогую деревушку, пріютившуюся на краю кочковатаго болота.—У насъ, если человѣкъ съ вѣтру придетъ, посмотритъ,—не узнаетъ, что мужики живутъ: строенія одно къ одному, строеніе строенія лучше, одинъ ладно построитъ, а другой еще того ладнѣе... Такъ въ Питерѣ народъ не живетъ, какъ у насъ,—продолжалъ парень, все больше увлекаясь. — Мясо ѣдятъ почитай, что каждый день; евреи возятъ мясо—по двѣ съ половиной, по три копейки, яловое—по пять. Въ постъ—озеро подъ бокомъ, ерши водятся, окуни, головли; снѣтковъ сушимъ... Живемъ, не тужимъ, Бога благодаримъ.

Digitized by Google

— Не тужатъ, а сами въ Питерѣ живутъ, по фабрикамъ болтаются!—засмѣялась старуха, хитро подмигнувъ мнѣ. — Гармоники-то да трактирчики, видно, пріятнѣе снѣтковъ.

— Нѣтъ, въ Питерѣ у насъ только холостые живутъ; а женится кто, — въ деревнѣ остается командовать. Намъ въ Петербургѣ жить совсѣмъ некстати. Конечно, словъ не говоря,—живешь почище; а въ деревнѣ зато здоровье имѣешь; въ деревнѣ хоть и тяжелая работа, а человѣкъ твердъ; придешь къ обѣду, хватишь винца стаканчикъ, — такъ кажется, всю ложку зубами откусишь! А на фабрикѣ какая работа? Только ходишь, да стоишь; пришелъ домой,—усталъ, а ѣсть неохота. Гдѣ-жъ тутъ здоровъ будешь? У насъ пріѣдетъ человѣкъ на фабрику, что кровь съ молокомъ, а поживетъ,— бѣлый станетъ, мусольный, кволый... Нѣтъ, мнѣ антиресно смотрѣть, какъ эдакую полосу пахать!— снова засмѣялся онъ, глядя въ окно на узкія пашни, усѣянныя гранитными глыбами.—Каменьевъ-то что навалено! Чего ихъ не уберутъ? Стащили бы на межу!

— Гдѣ же стащишь? Въ немъ тридцать пудовъ вѣсу,—вяло сказалъ старообрядецъ.

— А народъ на что, общество? Мы тебѣ стащимъ, ты—намъ,—поучающе произнесъ парень.— Нѣтъ, у насъ бы этого не потерпѣли. У насъ, скажемъ, сейчасъ лѣсъ вырубать... Вырубятъ лѣсъ, станутъ сообща болота осушать, канавы копать. Производятъ лѣсъ къ дѣлу, получаютъ пользу.

Я съ любопытствомъ и недовѣріемъ приглядывался къ парню: вретъ онъ или нѣтъ? Что это за

Digitized by Google

обѣтованная земля, въ которой творятся всѣ эти чудеса, гдѣ и какими силами можетъ она существовать?.. Березинъ тоже слушалъ скептически.

— Что такое за общество у васъ! — заговорилъ онъ, недовѣрчиво покачавъ головою.—Не слыхалъ я что-то про такія общества. Такъ, дѣйствительно, часто бываетъ,—скажутъ: „Ну, Пахомъ,—онъ плохо платитъ; отымемъ у него землю, отдадимъ Гаврилычу!“ А у Гаврилыча у самого четыре надѣла... Вотъ! Или, скажемъ, какъ у насъ, въ рязанской губерніи: поставитъ мужикъ улей въ огородѣ, а міръ ему: „давай на ведро!“—За что?—А небось, твои пчелы летаютъ, съ нашихъ цвѣтовъ медъ берутъ!

Кругомъ засмѣялись.

— Да. Или кто подсолнухомъ торгуетъ. „Ставь полведра, ты съ подсолнуху имѣешь доходъ!“ Вотъ она какая дружба въ обществѣ!

Парень улыбался.

— Ну, а у насъ вотъ какъ: скажемъ, у тебя въ огородѣ древо; приду я, улей у тебя поставлю, — и ты мнѣ даже ничего не можешь сказать. Если срубишь древо,—засудятъ тебя... У насъ липа одна дуплистая стояла у околицы; сильно ее пчелы полюбили, все въ ней роились. Одинъ мужикъ и сруби; такъ на три года его въ арестантскія засудили.

Березинъ широко раскрылъ глаза.

— Ну, батенька, вздоръ ты городишь! — отрѣзалъ онъ.—Что онъ, человѣка, что ли, убилъ? За дерево—на три года въ арестантскія!

— Да вѣдь древо-то какое!—съ какимъ-то почти

Digitized by Google

страхомъ проговорилъ парень.—Эдакое древо срубить,—все равно, что человѣка убить!.. Нѣ-ѣтъ, у насъ крѣпко живутъ, бунтоваться не позволяютъ никому. Первое дѣло, — живи дружно, не бунтуй! Тоже и въ хозяйствѣ: каждый свое мѣсто знаетъ, не упирается, старшого слушаетъ по закону.

— По какому такому закону?—спросилъ Березинъ, поднявъ голову.

— Ну... По закону!

— Не слыхалъ про такой законъ.

— Закона нѣтъ, а... по Божьи! — сконфузился парень.

— По Бо-ожьи!.. А если ты мнѣ старшой, да дуракъ набитый? Нѣтъ, братъ, я такихъ мнѣній, что себя долженъ каждый слушать, а не старшого.

— У насъ это самый порокъ!—снисходительно улыбнулся парень.—У насъ говорится: кто людей не слушаетъ, тотъ Бога не боится. У насъ младшій, хоть и посмекалистѣе будь, а все слушайся старшаго. Этимъ хозяйство держится. А каждый по своему уму станетъ жить, что же выйдетъ?

— Да погляди ты на себя, умная ты голова!—вскипѣлъ Березинъ.—Что ты, мальчишка-несмысленокъ? Для чего у тебя голова къ плечамъ присажена, а? Для ума она у тебя присажена, для разсужденія! А ты себя дуракомъ дѣлаешь,—самъ дуракомъ дѣлаешь себя!

— Зачѣмъ дуракомъ? Нисколько нѣтъ! А что только живи дружно, ладно,—вотъ что я говорю.

Digitized by Google

А каждый по своей волѣ начнетъ жить, что же будетъ? Дѣлежка пойдетъ,—самъ заплачешь.

— Смотря какъ! Не нравится вмѣстѣ жить, такъ даже и запляшешь.

— Не ндравится! Мало ли что не ндравится! Поживи, такъ пондравится! А дѣлиться оставь. Какъ говорится, — чья сила, та и нива. Вмѣстѣ жить,—богатъ будешь, а раздѣлишься — каждый запаршивѣетъ, захирѣетъ,—что-жъ хорошаго?.. Да у насъ мужики этимъ не занимаются, дружно живутъ. Это только бабы другой разъ замутятъ.

— Ну, что-жъ! Ну, и бабы! Тоже люди, хотятъ жить посвободнѣе.

— „Люди!“—усмѣхнулся парень.—Баба... баба—сатана!—(Онъ грозно нахмурилъ брови, и въ его ясныхъ глазахъ мелькнуло что-то тупое и безпощадное). Поссорились бабы, — отецъ взялъ кнутъ ременный, да всѣхъ ихъ и успокоилъ!

— А если по твоему жена твоя права?

— Да нешто онѣ могутъ быть правыя? — засмѣялся парень.

Березинъ хотѣлъ что-то сказать, но замолчалъ и, запахнувъ пальто, сталъ смотрѣть въ окно.

— „Дѣлиться“!—продолжалъ парень.—Попробуй, подѣлись! Отведетъ тебя отецъ въ волостное, всыпитъ двадцать пять гор-рячихъ... Бери жену за руку, ступай, куда хочешь! ха-ха-ха!

Березинъ съ недобрымъ лицомъ молчалъ. Карета тряслась и дребезжала, стекла позвякивали въ окнахъ. Кругомъ, подъ холоднымъ, угрюмымъ небомъ, тянулись тѣ же убогія, опустошенныя

Digitized by Google

стужею поля; на горизонтѣ въ тускло-сѣрой дымкѣ чуть темнѣли боры; казалось, эти боры идутъ далеко за горизонтъ, до самого полумиѳическаго Усвята... На душѣ было жутко, — и отъ безмолвныхъ полей, и отъ этихъ далекихъ, спокойныхъ, безпощадныхъ боровъ.

Digitized by Google

КЪ СПѢХУ.

Однажды вечеромъ я сидѣлъ на крылечкѣ избы моего пріятеля Гаврилы и бесѣдовалъ съ его старухой-матерью Дарьей. Шелъ покосъ, народъ былъ на лугахъ. Изъ сосѣдняго проулка выѣхалъ на деревенскую улицу какой-то незнакомый, лохматый мужикъ. Онъ оглядѣлся, завидѣлъ насъ, и, повернувъ лошадь къ крылечку, торопливо спрыгнулъ съ телѣги.

Мужикъ былъ босъ, и порты болтались на его ногахъ; изъ разстегнутаго ворота грязной холщевой рубахи глядѣла коричневая грудь, густые волосы на головѣ были спутаны и пересыпаны сѣнной трухой.

— Эй, тетка! Гдѣ тутъ у васъ самая рябая дѣвка живетъ?—съ тою же торопливостью обратился онъ къ Дарьѣ. Вообще во всѣхъ его движеніяхъ было что-то торопливое и какъ будто очумѣлое.

— Чтой-то, Господи помилуй!—медленно произнесла Дарья, широко раскрывъ глаза.—На что тебѣ?

Digitized by Google

— Самая, что ни на есть, рябая! Сказывали, есть у васъ такія...

Въ смѣющихся глазахъ Дарьи промелькнуло что-то: она поняла. Но я не понималъ и удивленно смотрѣлъ на мужика, припоминая въ то же время, что я гдѣ-то ужъ видѣлъ его раньше.

— Есть, милый, есть рябенькія,—протяжно отвѣтила Дарья.—А ты самъ откудова?

— Изъ Малахова самъ я... Сорокъ денъ, какъ жена померла, дома трое ребятъ, а пора, сама знаешь, горячая. Никакъ не управиться одному!

— Ты вотъ что: иди ты къ Мотькѣ десятсковой. Вотъ она, десятская изба, рядомъ.

— А какъ скажешь, пойдетъ она за меня?

— Ты самъ ее и спроси... Да вонъ она отъ колодца съ ведрами идетъ. Какъ подойдетъ, ты и спроси.

— Илья! Или не призналъ?—обратился я къ мужику.

Онъ быстро уставился на меня своими бѣгающими глазами.

— А-а, В-ичъ!—радостно проговорилъ онъ, и въ углахъ его глазъ запрыгали морщинки.—Будь здоровъ, съ пріѣздомъ!

Онъ протянулъ мнѣ свою корявую руку.

— Татьяна твоя померла?—спросилъ я, пораженный.

— Померла, померла! — пробормоталъ онъ. — Вчера сороковины справилъ. Заложило бокъ,—въ недѣлю свернулась, царствіе ей небесное!.. Померла, померла Татьяна!

Въ прошломъ году, позднею осенью, я ночевалъ

Digitized by Google

въ Малаховѣ у Ильи, и мнѣ хорошо помнилась его жена Татьяна. Рядомъ съ очумѣло-суетливымъ Ильею странно было видѣть ее,—неторопливую и спокойную, съ ясными, ласковыми глазами; видно было по всему, что она стояла поверхъ мужа, и что онъ признавалъ ея опеку, увѣренную и любовную... И вотъ она умерла. То-то онъ теперь такой грязный и лохматый!

Къ сосѣднему двору подошла коренастая, приземистая Мотька съ двумя ведрами на коромыслѣ. Илья поспѣшно бросилъ вожжи въ кузовъ телѣги и рысцою, въ болтающихся портахъ, подбѣжалъ къ Мотькѣ.

— Дѣвочка, а дѣвочка! Ты самая рябая на деревнѣ?—обратился онъ къ ней.

Мотька поставила ведра на землю, удивленно оглядѣла Илью и вдругъ, густо покраснѣвъ, потупилась.

— Слушай, дѣвочка! — дѣловито заговорилъ Илья.—Холостой тебя не возьметъ,—на что ты ему такая? А я вдовый, трое ребятъ у меня; хозяйство, какъ слѣдуетъ быть,—лошадь, корова, ну, и все такое... Пойдешь замужъ за меня?

Мотька стояла потупившись и молчала.

— Что жъ ты, дѣвонька, молчишь? Ай обидѣлась?—недоумѣвающе спросилъ Илья.

Дарья слушала, покатываясь со смѣху.

— Ступай къ батѣ!—тихо отвѣтила Мотька.

— Ну его, батю! Ты-то пойдешь ли?

— А вотъ батя тебѣ и скажетъ.

Илья ударилъ себя по бедрамъ.

Digitized by Google

— Заладила одно: батя да батя... Я тебя спрашиваю!

— А ну те къ чорту, параликъ лохматый!— вдругъ сердито крикнула Мотька и, схвативъ ведра, стремительно ушла въ ворота.

Илья поднялъ брови, поглядѣлъ ей вслѣдъ и, почесывая въ спутанныхъ волосахъ, побрелъ къ намъ.

— „Батя“ да „батя“, больше ничего!—разочарованно произнесъ онъ. — Сама ряба такъ, что лучше и не надо, а тоже—„батя“! А того не понимаетъ, что батѣ ея бутылку водки поставь, да еще пріѣзжай, да еще... а времени гдѣ же возьмешь? Пора горячая, мнѣ бы поскорѣе!

Онъ высморкался пальцами, задумчиво отеръ руку о подолъ и вдругъ встрепенулся.

— Нѣтъ ли у васъ здѣсь еще кого? Нѣту?.. Ну, коли нѣту, то значитъ, до Тайдакова надо доѣхать; тамъ тоже, сказываютъ, рябенькія есть... Оставайтесь здоровы!

Илья взвалился на телѣгу, захватилъ въ руку вожжи и повернулъ на дорогу въ Тайдаково. Я съ недобрымъ чувствомъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, и мнѣ вспоминались ласковые, ясные глаза Гатьяны, умершей всего шесть недѣль назадъ.

Мотька появилась въ воротахъ. Съ злымъ, нахмуреннымъ лицомъ, она стояла, глядя на золотистое облако пыли, въ которомъ дребезжала телѣга удалявшагося Ильи.

— Ты что же это, дѣвка, жениху-то отказала?— невинно спросила Дарья.

— „Отказала!..“ Самъ страшный какой, а меня

Digitized by Google

съ перваго же слова срамить зачалъ: ты, говоритъ... самая рябая на всей деревнѣ!..

Голосъ Мотьки задрожалъ,—отъ обиды или отъ сожалѣнія?.. Она повернулась и снова ушла во дворъ.

Въ серединѣ іюля я возвращался домой на бѣговыхъ дрожкахъ изъ Тулы, куда ѣздилъ на недѣлю. Былъ самый разгаръ страды. Солнце садилось, вся даль къ западу была затянута нѣжно-золотистою пылью, какъ туманомъ; пахло спѣлою рожью. По безбрежной шири полей всюду виднѣлись разсѣянныя въ одиночку рубахи косцовъ и согнутыя спины жницъ; пыльные, облитые потомъ, всѣ работали молча и сосредоточенно. Что-то тягучее и тупо-властное какъ будто стояло въ знойномъ воздухѣ, и копошившіеся среди ржи молчаливые люди казались пригнетенными рабами какой-то огромной, безпощадной силы.

Солнце сѣло, на востокѣ появилась сѣро-лиловая полоса съ слабо-пурпуровымъ краемъ,—первая тѣнь надвигавшейся ночи. Золотистый западъ блѣднѣлъ, полоса на востокѣ темнѣла и росла; а вмѣстѣ съ этимъ вокругъ становилось все тише, и людей на поляхъ попадалось все меньше. Дойдя до четверти неба, надвигавшаяся съ востока тѣнь слилась съ вдругъ потемнѣвшимъ небомъ, и на немъ замигали звѣзды.

Мои дрожки быстро катились по ровной, накатанной дорогѣ въ сѣрой мглѣ вечера. Съ низинъ потянуло влажною прохладою; во встрѣчныхъ де-

Digitized by Google

ревняхъ гасли огни; истомленное зноемъ и трудомъ, все вокругъ сладко засыпало.

Была поздняя ночь, когда я проѣзжалъ черезъ Малахово. Деревня спала мертвымъ сномъ. Вдругъ у крайней избы, около плетня, я замѣтилъ черную фигуру: она медленно ходила подъ лозинами взадъ и впередъ, медленно и однообразно раскачиваясь... Неужели это Илья? Изба была его, а недѣлю назадъ, поздно вечеромъ проѣзжая черезъ Малахово, я видѣлъ Илью, сидѣвшаго на заваленкѣ и баюкавшаго ребенка. Я остановилъ лошадь.

— Илья, это ты?—окликнулъ я человѣка.

— Я,—коротко отвѣтилъ онъ изъ темноты.

Я слѣзъ съ дрожекъ и подошелъ къ Ильѣ. На рукахъ, подъ накинутымъ на плечи зипуномъ, онъ держалъ закутаннаго въ свивальникъ ребенка.

— Что, или и до сихъ поръ не нашелъ ты себѣ невѣсты?—спросилъ я.

— Невѣсты-то?.. Нѣтъ, слава Богу, тогда-же дѣло сладилъ въ Тайдаковѣ. Есть теперь баба; хорошая баба, лихая на работу,—дай Богъ всякому.

— Что же это ты самъ съ ребенкомъ носишься?

— Не привыкъ онъ къ ней,—неохотно отвѣтилъ Илья.

Я вглядѣлся въ ребенка.

— Да онъ же спитъ!—воскликнулъ я.

— Пущай спитъ!—пробормоталъ Илья.

— Вотъ чудакъ! Пошелъ бы и самъ спать,—усталъ вѣдь съ работы! Да и для ребенка лучше, если положишь его.

Илья помолчалъ.

Digitized by Google

— А можетъ, я это не для него дѣлаю, а для себя?

Я удивленно оглядѣлъ его. Лицо Ильи было грустно и какъ-то необычно-сосредоточенно. И вдругъ я понялъ...

Страдные дни властно отбирали себѣ у Ильи всѣ его помыслы и всю душу; и вотъ короткія ночи онъ, вмѣсто отдыха, одиноко ходилъ съ ребенкомъ подъ лозинами, отдаваясь на свободѣ воспоминаніямъ и тоскѣ.

Digitized by Google

ИСПРАВИЛАСЬ.

Я спалъ крѣпко. Сквозь сонъ во мнѣ вдругъ начало подниматься что-то тоскливое и досадливое; чувствовалось, что гдѣ-то вблизи происходитъ нѣчто, во что необходимо вмѣшаться, и что вмѣшательство это по всегдашнему окажется безполезнымъ и безцѣльнымъ.

Сознаніе все больше пробивалось сквозь сонный туманъ. Я открылъ глаза. Дверь изъ клѣти, гдѣ я спалъ, была открыта, и съ деревенской улицы тянуло въ сѣнцы запахомъ цвѣтущей черемухи и слабою прохладою вечерѣющаго дня. Кругомъ было тихо и душно. Въ избѣ слышался однообразный, ноющій плачъ ребенка.

— Ну, замолчи!—повторялъ женскій голосъ.— Голоденъ былъ бы, что-ли! А то нѣтъ! Кричитъ,— дай, что не надо!... Молчи, молчи!.. „Бо-ольно“? Не балуйся!.. Замолчи! А то еще пойду, прутъ выберу... Капризный какой, злющій,—со зла совсѣмъ пропалъ!.. Замолчи!..

Это былъ голосъ Пелагеи. Я третій день жилъ

Digitized by Google

въ Ненашевѣ у Липатовыхъ; ночи я проводилъ на Окѣ съ моимъ пріятелемъ Ѳедькою Липатовымъ, страстнымъ рыболовомъ, а днемъ отсыпался. Пелагея была жена старшаго Ѳедькинаго брата, печника, который вмѣстѣ съ ихъ отцомъ, тоже печникомъ, почти круглый годъ проводилъ въ Москвѣ. Въ деревнѣ жили только холостой еще Ѳедька, Пелагея съ ребенкомъ и старуха-мать Ѳедьки, Матрена.

Пелагея производила на меня странное впечатлѣніе. Это была молодая, красивая баба, удивительно крѣпкая и здоровая; но въ ея сѣрыхъ глазахъ было что-то загадочно-чуждое, и когда я разговаривалъ съ нею, мнѣ казалось, что ее отгораживаетъ отъ людей невидимое облако, сквозь которое невозможно никакое общеніе; сколько я могъ замѣтить, такою же чуждою и отдаленною она являлась и для Ѳедьки, и для свекрови. Ея сынъ, полуторагодовалый Васька, былъ крѣпкій, здоровый мальчишка, совсѣмъ, какъ мать. Пелагея сѣкла его безпрестанно и безпощадно. Я стыдилъ ее, уговаривалъ; Матрена и Ѳедька, — больше, впрочемъ, изъ вѣжливости,—поддерживали меня. Пелагея слушала, глядя своимъ чуждымъ взглядомъ, ничего не возражая, и сейчасъ же, какъ будто ничего не было, продолжала дѣлать свое.

Теперь она была въ избѣ одна.

— Будешь орать ай нѣтъ? — угрожающе шипѣла Пелагея.—Ну, бай, бай, бай!.. Замолчи! Господи, что за безпутина такой! Замолчать!.. Я съ тобой, съ тобой! — успокоительно говорила она.—

Digitized by Google

Замолчи... замолчи-и! — грозно повысила она голосъ.—Ну, замолчи, просятъ тебя!

— Ой-ой-ой-ой-ой!—нылъ Васька сиплымъ, протяжнымъ басомъ.

— Замолчи, а то уйду сейчасъ!.. Ах-хъ ты!

Раздался тонкій свистъ прута и его удары по голому тѣлу.

— Ай-ай-ай-ай! — заплакалъ Васька быстро и громко, тонкимъ голосомъ.

— Замолчи!.. Замолчи!.. Замолчи!..—отрывисто повторяла Пелагея, и прутъ хлесталъ по тѣлу.— Замолчать!.. Да замолчи, Господи!.. Ни ночь, ни день покою нѣтъ!.. Замолчи-и!!.

Васька плакалъ все сильнѣе и быстрѣе.

— Ну, замолчи, замолчи! Ну, я тебя подъ березку отнесу!.. Бай, бай, бай!..

Понемногу Васька сталъ, всхлипывая, затихать.

— Больно?.. А-а! Ну, посмѣй орать!—говорила Пелагея.—Больно? А кто тебѣ велѣлъ орать? Ну, бай, ба-ай, ба-ай!..

Васька слабо, чуть слышно нылъ. Кругомъ было жарко и душно, мухи однообразно жужжали въ воздухѣ, пропитанномъ томительно-сладкимъ запахомъ черемухи.

— Ба-ай, ба-ай, ба-ай!..—повторяла Пелагея, и въ ея голосѣ звучала странная нѣга.

Васька нылъ тягучимъ басомъ все сильнѣе.

— Ты перестанешь орать? Нѣтъ?—вдругъ рѣшительно спросила Пелагея.

— Ай-ай-ай-ай-ай!—закатился Васька.

— Ахъ ты, орало!—сорвалась Пелагея.—Ложись!..

Digitized by Google

Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Замолчи! Замолчи! Замолчи!.. Э-э!.. Э!.. Э!..

Я вскочилъ. Въ голосѣ Пелагеи, сливавшемся съ хлясканьемъ прута, ясно звучало острое, безудержное наслажденіе. Я быстро вошелъ въ избу. Васька, съ завороченной рубашенкой, лежалъ на лавкѣ, его крѣпкія, голыя ножонки бились подъ хлеставшимъ его гибкимъ прутомъ.

— Брось сейчасъ прутъ!—крикнулъ я Пелагеѣ.— Ахъ, ты, безстыдница! а?

Она остановилась, подняла на меня мутные глаза и выронила прутъ.

— Безстыдница ты, безстыдница эдакая! — повторялъ я, въ упоръ глядя на Пелагею.

Она вдругъ густо покраснѣла, и въ ея глазахъ мелькнулъ растерянный испугъ.

— Положи мальчика въ зыбку! — командовалъ я. — И посмѣй его еще хоть пальцемъ тронуть!

Пелагея, все такая же красная и растерянная, покорно положила ребенка въ зыбку, медленно подошла къ окну и, надвинувъ платокъ на глаза, стала смотрѣть на улицу. Она стояла ко мнѣ спиною. Отъ ея крѣпкихъ плечъ подъ тонкими ситцевыми рукавами, отъ раскраснѣвшихся щекъ, отъ всей ея фигуры несло какою-то животною, темною и раздражающею силою.

Я молча ходилъ по избѣ. Пелагея, какъ окаменѣлая, стояла у окна, спиною ко мнѣ, и не шевелилась. Прошло минутъ пять. Я взялъ фуражку и вышелъ вонъ.

До вечера я пробродилъ по окрестностямъ, по бору, тянущемуся вдоль Оки. Солнце садилось,

Digitized by Google

когда я воротился въ Ненашево. Былъ Духовъ день, на улицѣ водили хороводъ. Въ этихъ мѣстахъ хороводы странны и скучны, — ихъ водятъ однѣ дѣвки и молодыя бабы, парней не видно: вся мужская молодежь почти круглый годъ „мастеряетъ“ въ Серпуховѣ и Москвѣ, дома хозяйствуютъ одни старики; мой пріятель Ѳедька былъ единственный парень на всю деревню, да и то парень былъ неважный,—худой и длинный, какъ хлыстъ, съ добрымъ и робкимъ дѣтскимъ лицомъ.

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все спокойно въ ночной тишинѣ,—

неслась голосистая пѣсня, звучащая въ настоящее время по всей широкой Руси,—въ петербургскихъ портерныхъ и на волжскихъ плотахъ, въ донскихъ рудникахъ и средь степныхъ косарей.

Когда я подходилъ къ хороводу, пѣсня начала обрываться и таять. Голоса одинъ за другимъ отпадали, пѣсня становилась напряженнѣе и обрывистѣе.

Только видѣть тебя безконечно...—

затянулъ уже одинокій голосъ и тоже смолкъ. Всѣ спѣшили внизъ по улицѣ, оживленно и взволнованно переговариваясь. У избы Липатовыхъ виднѣлась большая толпа.

Ѳедька,—босой, съ оборваннымъ воротомъ рубахи,—стоялъ у дверей съ жалкимъ, испуганнымъ лицомъ; его мать Матрена, сухая и высокая, съ крючковатымъ носомъ, металась передъ избою, ломая руки.

— Глядите, избу подожжетъ! Ба-атюшки, да что же дѣлать теперь?!—выла она.

Digitized by Google

Толпа робко заглядывала въ окна и жалась другъ къ другу.

— Что такое случилось? — спросилъ я Ѳедьку.

— Опять рехнулась Пелагея, — отвѣтилъ онъ дрожащими губами. — Сидѣли, пили чай, тебя поджидали; она на печи лежитъ. Вдругъ завопила, забилась, начала кирпичи выворачивать; какъ запульнетъ въ насъ кирпичомъ, всѣ чашки перебила!.. Вона, слышишь? Что она тамъ дѣлаетъ!

Изъ избы доносился глухой трескъ и шумъ.

— Какъ же вы ее одну оставили? Нужно къ ней пойти,—сказалъ я.

— Сунься, — она тебя попотчуетъ! — замѣтилъ кто-то изъ толпы. — Вонъ какъ Ѳедора саданула!

Къ толпѣ подошелъ работникъ съ барскаго двора Климентій, отставной драгунъ, въ бѣлой съ желтымъ околышемъ, грязной фуражкѣ.

— Нужно ее на воздухъ вывести,—продолжалъ я. — Климентій, если что, — подсоби!

Я вошелъ въ избу. Въ душной полутьмѣ, на нарахъ около печки, сидѣла Пелагея; когда дверь отворилась, она быстро отшатнулась въ уголъ; вытянувшись и опираясь сзади руками о деревянную настилку, она слѣдила за мною изъ угла горящими глазами; и ненависти же было въ этихъ глазахъ!.. Я сдѣлалъ шагъ впередъ. Пелагея быстро взмахнула рукою,—и мимо самой моей головы съ силою пролетѣлъ тяжелый безменъ. Я бросился къ Пелагеѣ и схватилъ ее за руки. Климентій и Ѳедька поспѣшили мнѣ на помощь.

Мы понесли ее на рукахъ; Пелагея молча рвалась и изгибалась, стараясь вцѣпиться зубами въ

Digitized by Google

наши руки; въ дверяхъ она ухватилась за косякъ и чуть было не вырвалась. Съ большимъ трудомъ мы, наконецъ, вынесли ее изъ избы и положили на траву.

— Ну, баба! — произнесъ Климентій, переводя дыханіе; онъ провелъ рукою по вспотѣвшему лбу, съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и удовольствія глядя на Пелагею.

Она продолжала биться и на травѣ; все ея сильное тѣло извивалось и корчилось, въ разстегнувшемся сарафанѣ трепалась полная, крѣпкая грудь. Толпа стояла въ отдаленіи.

Понемногу Пелагея стала затихать; она прижалась круглой, загорѣлой щекой къ травѣ и замерла.

— Погоди, погоди!—громко заговорила Матрена, осторожно оправляя на Пелагеѣ заворотившуюся юбку.—Погоди, я бабку приведу! Пусть почитаетъ, узнаетъ,—вправду ли ты порчена, или работать не хочешь?

Толпа окружила лежавшую Пелагею и съ тупымъ страхомъ глядѣла на нее.

— Будетъ! Нашла время!—тихонько обратился я къ Матренѣ.—Оставь ее, не говори.

— Какъ такъ—„не говори“?—громко возразила Матрена.—Пришла пора навозъ возить, вотъ она и задурила! Не впервой это съ нею! И подъ молотьбу то же было, и въ овсяную пору лѣтошній годъ... Какъ работать, такъ и зачинаетъ... Погоди, погоди, милая! Вонъ она, бабка-то идетъ! Она сейчасъ все узнаетъ!

Пелагея дрогнула, впилась пальцами въ траву

Digitized by Google

и забилась снова. Толпа въ испугѣ шарахнулась прочь.

Народу прибывало все больше. Черная, сморщенная старушка поспѣшно протолкалась сквозь толпу и подошла къ Пелагеѣ.

— Выпей, касатка, водицы святой!—грубымъ старушечьимъ голосомъ произнесла она, поднимая голову Пелагеи. Положивъ ей подъ голову небольшой образокъ, она поднесла къ губамъ Пелагеи лампадный стаканчикъ съ водою.

Пелагея, съ мутными, бѣгающими глазами, отшатнулась, вскочила на колѣни, вцѣпилась обѣими руками въ образокъ и, нѣсколько разъ ударивъ его объ землю, швырнула въ сторону. Образокъ черною точкою мелькнулъ на розовомъ фонѣ догоравшей зари и упалъ въ крапиву.

Въ толпѣ раздался глухой ропотъ. А Пелагея съ размаху ударилась головою въ землю и начала биться.

— Въ три бы кнута ее хорошенько, все бы прошло!—съ негодованіемъ сказалъ какой-то старикъ и, сердито плюнувъ, пошелъ прочь.

Смутный, таинственный ужасъ распространялся въ толпѣ. Пелагея опять замерла, лежа ничкомъ и быстро, тяжело дыша. Темнѣло.

— Въ сердцѣ, значитъ, волненіе у нея происходитъ!—проговорилъ Климентій, съ любопытствомъ глядя на Пелагею.

— Что же это,—святой воды не можетъ выпить!—боязливо вздохнула Донька, стройная дѣвка съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ.

Воцарилось молчаніе.

Digitized by Google

— Уйди отъ меня, змѣя!—вдругъ тихо произнесла Пелагея.

Всѣ насторожились и подвинулись къ ней.

— Уйди!.. Уйди, косоглазая!..

— Кто такая? Про кого говоришь? — громко спросила Матрена, наклонившись къ Пелагеѣ.

— Уйди, Ганька!—тихо сказала Пелагея, и мнѣ показалось, что по ея щекѣ промелькнула скрытая улыбка.

— „Ганька“... — зашептались бабы. — Слыхали? Ганьку поминаетъ...

— Какая Ганька?—кричала надъ ухомъ Пелагеи Матрена.—Гаврилова?

— Ересова, — отвѣтила Пелагея странно-обычнымъ голосомъ.

— О-о, Господи-Батюшка! Да что же это такое?!—вдругъ взвыла Парашка, дочь Агаѳьи Ересовой. Она закрыла лицо фартукомъ и, рыдая, поспѣшила домой.

Черезъ минуту прибѣжала Агаѳья Ересова.

— Что такое? Гдѣ она?—задыхаясь, спросила она, проталкиваясь сквозь толпу.—Ты что такое на меня взводишь, а? Я тебя испортила? Я тебя испортила?

Пелагея лежала ничкомъ, словно ничего не слыша.

— Ну, грызи, грызи меня!—въ неистовствѣ кричала Агаѳья, подступая къ ней.—А-а!.. Я испортила?.. Смотрите, православные, будьте свидѣтелями!.. Ну, что же, ну?.. Грызи, грызи меня!

Пелагея рванулась и снова молча забилась на землѣ.

Digitized by Google

Ее поднимало кверху и снова ударяло объ землю, и казалось,—кто-то невидимый въ жуткихъ сумеркахъ трепалъ и билъ ее.

— Не своя сила ею владаетъ!—робко и увѣренно произнесла Донька.

— Но, ступай прочь!—вдругъ свирѣпо гаркнулъ Климентій; онъ схватилъ Агафью за плечо и оттолкнулъ ее въ сторону.

— Въ волость пойду жаловаться! У меня двѣ дѣвки невѣсты! Я присягу приму! — крикнула Агаѳья и, воя, пошла къ своей избѣ.

Пелагея, наконецъ, утихла и заснула. Ей подложили подъ голову подушку и оставили лежать на волѣ. Народъ сталъ расходиться. Ѳедька и Матрена остались стеречь спящую.

Заря гасла, стоялъ теплый вечеръ. Отъ густого барскаго сада несло росистою свѣжестью, запахомъ черемухи и цвѣтущихъ яблонь. На Окѣ слышались свистки пароходовъ. Спать еще не ложились; дѣвки и бабы стояли кучками и переговаривались.

— Что же это такое,—святой водицы не смогла испить! — повторяла Донька, прижимая руки къ груди и задумчиво глядя въ темноту.

— Какъ она съ печки-то шарахнулась!—разсказывала широколицая Варька.—Торчмя головой на полъ! Горстями и зубами вонъ какую яму въ полу выгрызла!

У избы Ересовыхъ слышался заунывный вой дѣвокъ, ославленныхъ дочерями колдуньи.

Всю ночь Матрена и Ѳедька провели на воздухѣ около Пелагеи. Она спала спокойно. Утромъ поднялись, стали пить чай. Пелагея пошла въ

Digitized by Google

клѣть чесаться. Вдругъ, съ распущенными волосами, въ одной рубашкѣ, она быстро вошла въ избу, взяла изъ божницы большой мѣдный крестъ и выбѣжала вонъ.

— Ѳедька, бѣги слѣдомъ!—испуганно крикнула Матрена.

Ѳедька вскочилъ и бросился изъ избы. Мы съ Матреною выбѣжали также. Пелагея, полунагая, съ бьющимися по вѣтру волосами, быстро бѣжала росистыми огородами къ рѣкѣ; она бѣжала, какъ очумѣлая, зигзагами, по всходамъ картофеля и по конопляѣ. Блѣдный Ѳедька въ развѣвающейся рубашкѣ мчался низами ей наперерѣзъ. Мы видѣли, какъ Пелагея споткнулась о борозду, грохнулась на-земь и снова забилась, какъ подстрѣленная птица.

— Разступись, расколись, сыра-земля, возьми ты меня!—завыла Матрена, упавъ на дорогу.

Прошло мѣсяца три. Я жилъ въ деревнѣ верстъ за шесть отъ Ненашева. На поляхъ возили рожь и начинали косить овесъ. Дни были душные и тихіе, какая-то молочно-бѣлая пелена окутывала небо, и солнце свѣтило сквозь нее блѣднымъ пятномъ; слегка парило; мошкара непрерывно и однообразно звенѣла въ липахъ, на дворахъ напряженно кричали пѣтухи. Къ вечеру по западу шли черныя облака странныхъ, причудливыхъ очертаній, и поднимался легкій вѣтеръ. Наступала ночь. Тучи исчезали, вѣтеръ падалъ, и въ душной, черной темнотѣ устанавливалась полная тишь; казалось,

Digitized by Google

ночь, затаивая жизнь, съ жаднымъ любопытствомъ чутко прислушивается къ чему-то.

Былъ вечеръ. Мнѣ не сидѣлось дома; что-то томило и куда-то тянуло, — тянуло вдаль, въ эту тихую темь, которая лежала надъ землею. Я вышелъ бродить. Росы не было, теплый вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо. Я шелъ по дорогѣ, средь душной тьмы, наполненной запахомъ спѣлой ржи и полыни, подъ этимъ страннымъ, загадочно-туманнымъ небомъ, на которомъ неподвижно стояли тусклыя, немигающія звѣзды. Чего нужно, чего хочется?—не скажешь, но чего-то хочется страстно, жадно. И обидно становится, что у человѣка такъ мало радостей, что много у него запросовъ и стремленій,—смутныхъ, но неодолимо-властныхъ,—и нѣтъ имъ въ жизни удовлетворенія.

За оврагомъ, у опушки ненашевскаго лѣса, темнѣли большія черныя пятна, слышалось лошадиное фырканье, жеваніе и унылыя переливы дудки. Я перебрался черезъ оврагъ. Лѣсъ глухо и ровно шумѣлъ подъ вѣтромъ, и шумъ его ни усиливался, ни ослабѣвалъ. Подъ кустомъ ракитника, на зипунѣ, сидѣлъ парень, стерегшій ночное. Переливы дудки смолкли, парень окликнулъ меня по имени. Это былъ Ѳедька Липатовъ.

Я присѣлъ къ нему подъ кустъ на сухую траву.

— Гуляешь?—спросилъ онъ.

— Гуляю. Ночь какая хорошая!

— Теплая ночь...

Мы закурили.

— Ну, что, какъ у васъ тамъ дѣла дома?— спросилъ я.

Digitized by Google

— Ничего, слава Богу, помаленьку,—скороговоркою отвѣтилъ онъ.

— Пелагея что?

— Пелагея?—Ѳедька съ широкою улыбкою обратилъ ко мнѣ свое худое, дѣтское лицо.—Что, братъ, такое сдѣлалось съ нею, я и не пойму. Послѣ того раза, какъ былъ ты, все, какъ рукой, сняло! Дурить перестала, всю работу тяжелую работаетъ, не капризится, про корчи и думать перестала... Не иначе должно быть, какъ молитва чья-нибудь дошла.

Онъ помолчалъ.

— Вѣдь два года цѣлыхъ маялись съ нею! Придетъ время, поутихнетъ, а тамъ опять зачнетъ дурить. Въ самую горячую пору вдругъ заартачится, на дыбки, — „не пойду!..“ Что хочешь, дѣлай. Съ дѣвками пойдетъ на поденку,—жалится на насъ, худо, говоритъ, жить. „Провалиться бы мнѣ, чортъ бы, говоритъ, меня измялъ! Загубила я себя!..“ Плачетъ. Со мной тоже,—ничего не поймешь. То ласковая такая, хоть отбавляй, то вся вдругъ задрожитъ, затрясется: „сопливый ты, паршивый, не могу я на тебя глядѣть! Я тебя зарѣжу или удушу!..“ Мѣсяца не пройдетъ, чтобъ чего не натворила.

— А мужъ ея что?

— Серега-то? Онъ что же, — пріѣдетъ на три дня на Святки, на Пасху, на Тройцу. Съ нимъ она ничего, тиха. А уѣдетъ онъ,—и начнетъ колобродить... Ну, а теперь тишь у насъ. Съ чего такое случилось, невозможно и понять.

— Лѣчили вы ее?

— Ну, пора тамъ,—„лѣчили!..“ Это отъ порчи

Digitized by Google

было, а не отъ болѣзни... А помнишь, ты все обижался на нее, зачѣмъ Ваську бьетъ?—прибавилъ онъ съ улыбкою.—Тоже перестала.

Мы поговорили еще съ четверть часа. Я пошелъ дальше.

Среди скошенныхъ луговъ вилась рѣчка Ненаша. Чистая, не подернутая туманомъ, она слабо сверкала въ темнотѣ, впадая въ Оку. На горѣ надъ рѣчкою темнѣлъ густой ненашевскій барскій садъ; тропинка сбѣгала по косогору къ досчатой купальнѣ. Сѣрыя, мокрыя внизу доски купальни заросли зеленою плѣсенью, у мостковъ торчала корма лодки. Я сѣлъ на берегъ, заросшій плакуномъ и мать-мачехою.

Попрежнему томило, было тепло и душно. Гигантская старая береза глухо шепталась сзади, и ей сбоку мягко отвѣчалъ шорохъ прибрежныхъ лозинокъ. Я долго сидѣлъ на берегу. Вѣтеръ стихъ, съ нимъ стихли всѣ шорохи, и ночь опять замерла,—чуткая, какъ будто прислушивающаяся къ чему-то...

На косогорѣ раздались человѣческіе голоса. Сдержанно переговариваясь, къ рѣкѣ спускались двѣ фигуры. Я узналъ голосъ барскаго работника Климентія. Въ заломленной на бекрень бѣлой фуражкѣ, онъ шелъ, обнимая за плечи женщину въ красномъ платочкѣ; она тѣсно и счастливо прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ. Эти крѣпкія, круглыя плечи подъ кисейными рукавами, круглая щека подъ платочкомъ... Да это Пелагея!

Они сѣли въ лодку. Климентій нѣсколькими сильными взмахами вывелъ ее на середину рѣки.

Digitized by Google

Потомъ онъ бросилъ весла и пересѣлъ на корму къ Пелагеѣ. Она снова порывисто приникла къ нему. Лодка, не управляемая веслами, медленно плыла по теченію. Теплая, темная тишь покрывала рѣку.

Digitized by Google

ЗА ПРАВА.

Однажды въ августѣ я ѣхалъ на велосипедѣ по петербургскому шоссе. Ѣхалъ я съ утра и порядкомъ пріусталъ. Солнце стояло высоко и пекло; но по мелкимъ и чахлымъ перелѣскамъ, по болотистымъ луговинамъ ползъ еле видный туманъ, плоскій горизонтъ былъ затянутъ дымкой, а въ душно-тепломъ, сыромъ воздухѣ проползали струйки гнилого холода.

На краю большого торговаго села стоялъ трактиръ. Я подкатилъ къ нему и вошелъ. Въ просторной, низкой комнатѣ было прохладно и пусто. Посѣтителей не было, только у окна сидѣла за чаемъ молодая бабенка съ круглымъ, румянымъ лицомъ; возлѣ нея на стулѣ лежали палка и узелъ. По комнатѣ маленькими шажками расхаживалъ содержатель трактира, низенькій человѣкъ съ короткими ногами, а у стойки, облокотившись о выступъ шкапа, сидѣла его пухлая и толстая жена. Всѣ трое разговаривали, но, когда я вошелъ, замолчали.

Я заказалъ себѣ пару чаю, выпилъ водки и,

Digitized by Google

сѣвъ къ столику, развернулъ свою сумку съ припасами. Молодая путница съ дѣтскимъ, пристальнымъ вниманіемъ слѣдила за тѣмъ, какъ я рѣзалъ икру, какъ намазывалъ ее на хлѣбъ.

— Я, баринъ, не буду говорить, а что я думаю!—заговорила она, широко улыбаясь.—Какъ увижу я эту самую икру, такъ у меня слюна и пойдетъ. Знаете, въ лужахъ, гдѣ лягушата водятся, много яичекъ такихъ наложено. Увижу икру,—сейчасъ мнѣ это и вспомянется, и ужъ такъ то противно станетъ!

Лицо у путницы было наивно-глуповатое, но удивительно открытое и располагающее; говоря съ ней, невольно хотѣлось улыбаться.

— А то попробуйте!—предложилъ я ей.

— Нѣтъ, баринъ милый, нѣтъ! Вотъ выложите вы мнѣ сейчасъ двадцать пять рублей, скажите: „Настасья, поѣшь икры!“—не стану ѣсть, ей-Богу! Сейчасъ лягушки вспомнятся... А вѣдь есть, которые и лягушекъ ѣдятъ,—обратилась она къ хозяйкѣ.—Ей-Богу. Вотъ студенты въ Петербургѣ, они тебѣ, какую хочешь, лягушку съѣдятъ. Ничего, ничего для нихъ нѣтъ святого!.. Около конки книжку продавали: „Конецъ свѣта 15 ноября“. Что же это такое? И кто же это выдумалъ? Не иначе, какъ эти самые студенты, потому, для нихъ ничего, какъ есть, нѣтъ: свѣтъ и свѣтъ, а въ свѣтѣ—ни грѣховъ, и ничего для нихъ нѣтъ. Блудъ, плотоугожденіе,—это тоже для нихъ не грѣхъ. Да, да!.. Запретили имъ эту книгу продавать, сейчасъ же выпустили другую: „Конца свѣту не будетъ!“ Вотъ. А теперь все въ календаряхъ пишутъ, что

Digitized by Google

будетъ всемірная война... Вѣдь это просто ужасти, что такое!—вздохнула путница.—Что ни на есть, а придумаютъ, и никакого намъ спокою не даютъ!

И она съ огорченіемъ оглядѣла насъ своими ясными, наивными глазами. Сразу было видно, что душа у нея на распашку, и что любому желающему она всегда готова выложить ее во всей полности.

— Правда ли, нѣтъ ли, а сказываютъ, что и впрямь война будетъ,—отозвалась хозяйка тонкимъ, высокимъ голоскомъ, странно звучавшимъ изъ ея огромнаго, жирнаго тѣла. — Сказывали, послалъ царь гонца въ Англію, чтобъ воевать намъ съ ними тридцать лѣтъ. Тѣ запросили уступки, чтобъ только десять лѣтъ воевать. И порѣшили на томъ, чтобъ воевать имъ пятнадцать лѣтъ.

— Дура... Вотъ дура!—презрительно произнесъ хозяинъ и, усмѣхнувшись, взглянулъ на меня.— Такъ не воюютъ, на сроки. Какъ побѣдятъ непріятеля, такъ и заключаютъ миръ.

— А что, милые мои, какъ войну объявятъ, чай, и запасныхъ солдатовъ погонятъ?—спросила путница.—Богъ дастъ, и моего тогда хозяина возьмутъ... Она скорбно задумалась.—Господь съ нимъ, пускай угоняютъ! Можетъ, легче мнѣ станетъ, покой будетъ. А то много онъ мнѣ безпокойствъ дѣлаетъ.

— Въ Питерѣ онъ у тебя?

— Въ Питерѣ, голубчикъ, въ Питерѣ... Иду вотъ къ нему добывать свои права!—торжественно произнесла путница.

Digitized by Google

— Обижаетъ?

— Ужъ такъ обижаетъ, что и страданій больше нѣтъ на свѣтѣ!.. Раньше-то мы хорошо жили съ нимъ, въ деревнѣ... Взяли его въ солдаты, въ кавалерію. Отслужилъ срокъ, воротился домой. И захотѣлось ему въ люди итти. Сказался отцу. Отецъ ему такъ отвѣтилъ: „кому дома тѣсно жить, тому ничего не будетъ, пусть съ однимъ крестомъ идетъ“... Уѣхали мы въ Петербургъ, поступилъ онъ въ кучера. Какъ кончился срокъ паспорту, сталъ онъ меня въ деревню назадъ отсылать.— „Куда-жъ я, говорю, поѣду? Причемъ тамъ буду? Вѣдь отецъ ничего тебѣ не далъ“. Никакихъ резоновъ не принимаетъ, прямо въ морду. „Уѣзжай, говоритъ, прочь!“—„Какъ такъ? Нѣтъ, говорю, милый мой, мы съ тобой по закону живемъ, а не какъ-нибудь. Насъ съ тобой попъ къ вѣчной совмѣстной жизни благословилъ, такъ нельзя!“... А онъ дерзкій такой, неспокойный; такая колотушка, что Господи Боже! Бьетъ день и ночь, просто увѣчитъ меня! Дѣвокъ сталъ къ себѣ водить, мнѣ ни копеечки не даетъ... Что же это такое?.. Ужъ я его срамлю, я его срамлю: „какъ тебѣ не стыдно мнѣ, бѣдной жены, полсапожекъ не купить? Я тебѣ жена законная, а безъ полсапожекъ хожу!“.. Вотъ разъ ушелъ онъ. Думаю я: что мнѣ дѣлать? Ничего онъ мнѣ не покупаетъ. Ахъ, ты, Господи Боже!.. Отыскала ключъ, да и вытащила десять рублей.

— Что же онъ?—спросила хозяйка.

— Что-жъ, онъ ничего сказать не можетъ. Сказалъ бы, такъ я бы ему такое показала! „Мало

Digitized by Google

люди, что ли, учены? Онѣ тебя и не такъ еще обчистятъ, хороводься больше!"—Онѣ не обчистятъ, онѣ меня такъ любятъ. — „Та-акъ!... Ужъ, пожалуйста, не ври! Это жена можетъ въ союзной жизни не считаться, а чтобъ баба всякая... На что ты ей такъ-то нуженъ будешь?"... Ну, однако, сталъ онъ меня послѣ этого еще больше бить. Да что,—съ ножомъ на меня набѣгалъ! До того извелъ, что нѣтъ моей мочи... Тутъ люди, которые видѣли мои обстоятельства, научили меня лично подать прошеніе въ канцелярію Его Императорскаго Величества по семейнымъ дѣламъ. Вызвали насъ. Вышелъ начальникъ, поспрошалъ и говоритъ ему, Семену-то моему:

„— Самое лучшее, что я могу вамъ посовѣтовать,—дайте подписку мирной жизни.

„— Нѣтъ, говоритъ, я такой подписки дать не могу, потому знаю мой характеръ.

„Спрашиваетъ меня.

„— Ну, а вы чего отъ вашего мужа желаете?

„— Я, ваше высочество, желаю отъ моего мужа одного: совмѣстной жизни. Ну, а если такой невозможно, то дайте мнѣ,—объ одномъ я буду просить ваше высочество,—дайте мнѣ... отдѣльный пачпортъ!

„Посмотрѣлъ на мужа, говоритъ:

„— Если вы не согласны дать подписки на мирную жизнь... Вы люди молодые, могли бы обойтись.

„Семенъ молчитъ.

„— Ну, тогда намъ придется выдать вашей су-

Digitized by Google

пругѣ отдѣльный видъ, и тогда уже вы до нея некасаемы.

„— Мнѣ, говоритъ, это все равно. А только я ничего не потерплю отъ своей супруги: ежели что замѣчу, я ее изведу. Самъ въ Сибирь пойду, а ужъ не потерплю... А позвольте, ваше благородіе,— можно мнѣ черезъ семь лѣтъ жениться?

„— Это, говоритъ, очень важная суть. Есть, правда, такіе милліонщики, которые этого достигаютъ, но тутъ больше все отъ вашей жены зависитъ...

„Какъ, значитъ, получила я отдѣльный пачпортъ, не даетъ мнѣ Семенъ съ собой жить,—зачѣмъ его осрамила. На мѣсто поступишь,—скандалами изводитъ... Ну, выѣхала я на Черную Рѣчку, сняла чистенькій уголъ и стала на фабрику ходить. А хозяевамъ сказала: „вотъ, хоть и замужняя, а отдѣльный пачпортъ имѣю; если мужъ придетъ, вы его до меня не допускайте“... Мѣсяцъ живу, другой. Пошла какъ-то въ мелочную лавочку, селедки купила, хлѣба, иду назадъ. Смотрю, по панели онъ бѣжитъ. Весь красный. А я ужъ къ воротамъ подхожу. У воротъ дворникъ стоитъ, посередъ улицы— городовой. Подбѣгаетъ ко мнѣ, а въ рукахъ ножъ острый.

„— Кланяйся, говоритъ, вотъ сейчасъ, здѣсь, мнѣ въ ноги!

„— Я тебѣ поклонюсь, я законы знаю, но только спрячь, Христа-ради, ножъ.

„Стоитъ, глаза таращитъ. Я ему опять говорю:

„— Спрячь ножъ, а потомъ я тебѣ сдѣлаю все, что ты пожелаешь!

Digitized by Google

„Опустилъ ножъ въ карманъ, а самъ говоритъ:

„— Кланяйся!

„— Послушай, говорю, пойдемъ ко мнѣ въ комнату, тамъ я тебѣ поклонюсь. Неужели-жъ ты хочешь, чтобъ я здѣсь тебѣ, на улицѣ, кланялась, и чтобъ народъ собрался на насъ смотрѣть?

„Разъ меня по мордѣ! Тутъ городовой, дворникъ подбѣжали. Я имъ говорю:

„— Возьмите, ради Христа, — у него открытый ножъ въ рукѣ!

„Сейчасъ у него ножикъ отобрали и въ участокъ... И тутъ я его пожалѣла. Пожалуйся я, предъяви свой отдѣльный пачпортъ, его бы въ двадцать четыре часа выслали изъ Петербурга. А я пожалѣла. Ну, тутъ, какъ увидѣлъ онъ это, приказалъ мнѣ на утро къ девяти часамъ къ нему ворочаться. И опять стало мое дѣло — при мужѣ жить... Только вотъ что онъ мнѣ сказалъ:

„— Ну, хорошо! Мы можемъ сойтиться жить, но еели ты что будешь ерундить, то я тутъ же могу тебѣ сказать: „ступай, не хочу!“

„Это значитъ, что какъ ужъ онъ со мной не поступай, а я все терпѣть должна. Хорошо. Стали мы жить. И началъ онъ меня издѣвательствами изводить. Ни копейки опять ни на что не даетъ, смѣется. „Ты, говоритъ, женщина молодая, въ соку, съ отдѣльнымъ пачпортомъ,—какъ же тебѣ самой себѣ не заработать?“ А я стала хворать. Двугривеннаго не даетъ на лѣкарство, а самъ рубли швыряетъ. Вижу, плохи мои дѣла. Кое-какъ сколотила копейку и уѣхала въ деревню. Живу, поправляюсь. И что-жъ вы думаете? Девять мѣсяцевъ жила, и

Digitized by Google

ничего онъ мнѣ не шлетъ, не пишетъ,—это мужъ то, супругъ законный! А какъ пріѣхала назадъ въ Питеръ, у него ужъ тутъ всякія, всякія... Не могу я смотрѣть! Такъ обидно, даже тошно: юбки всякія, кофты понавѣшаны въ квартирѣ! Вотъ онъ вышелъ, я все забрала, да въ плиту, а чтобъ гарью не пахло, форточку открыла. Хожу, кутаюсь. Приходитъ, я ему говорю:

„— Какъ у васъ скверно пахнетъ!

„— Извѣстно, говоритъ, не одеколономъ. Вокругъ лошадей тремся.

„Увидѣлъ, что платьевъ нѣту...

„— Куды дѣла?

„— Отстань, пожалуйста, я и не видала!

„Тутъ я и начала, и начала...

„— Ты что это, говорю, дѣлаешь? Ты изъ двухъ законовъ кровь пьешь! Господи ты, Боже! И до чего ты человѣка допустилъ! Ничего мнѣ не остается, какъ руки на себя наложить. Повѣшусь, да и все тутъ!

„— За чѣмъ же дѣло стало? Веревокъ много.

„Я плачу, заливаюсь.

„— Господи, и кто же передъ Тобой мои грѣхи за меня замолитъ?

„— Я, говоритъ, замолю.

„— Ты? Нѣтъ, ты не можешь! Жена за мужа, дѣйствительно, можетъ, и какой бы грѣхъ ни былъ, стоитъ женѣ пожелать, и она всегда замолитъ. А ты не можешь... Ну, вотъ что: хочешь (послѣднее пытаю!),—поѣдемъ къ отцу Іоанну Кронштадтскому? Пусть онъ насъ съ тобой разсудитъ.

Digitized by Google

„— Что-жъ, Іоаннъ Кронштадтскій, онъ, дѣйствительно... Но только мы и безъ него все знаемъ.

„Вотъ! Этимъ самымъ словомъ и отвѣтилъ!—со страхомъ произнесла путница. — Что же это такое? Вѣдь это просто ужасти, что такое!..

„— У тебя, говоритъ, отдѣльный пачпортъ, ты женщина свободная и до меня некасаемая.

„— Нѣтъ, я говорю, милый, Богъ выше пачпорта, это ты мнѣ не говори! Насъ съ тобой законно Богъ связалъ. Ты меня и послѣ пачпорта соблазнялъ къ совмѣстной жизни, у меня на это свидѣтели есть!..

„Такъ три раза отъ него я въ деревню уѣзжала и опять набѣгала, думала,—возьметъ его совѣсть, одумается. Только нѣтъ. Стала я тутъ къ гадалкѣ ходить, хочу узнать, что мнѣ отъ мужа будетъ. Раскрыла она книгу, смотритъ.

„— Вы, говоритъ, замужемъ. Съ мужемъ хорошо живете?

„— Нѣтъ, плохо.

„— Плохо. Онъ дерзкій!.. Водку пьетъ?

„— Пьетъ.

„— Онъ у васъ, какъ левъ...

„И вѣдь это сущая правда!.. Потомъ говоритъ:

„— Онъ не съ одной живетъ. Одна у него въ отъѣздѣ.

„Какъ подумала, такъ и это правда. Я-то сама и была въ отъѣздѣ, а больше и некому... А тѣмъ я на нее обижаюсь, что была я у нея два раза, по шестьдесятъ копеекъ денегъ платила, и вѣдь все ужъ ей досконально извѣстно. Видитъ она, что я мучаюсь, — почему же она не сказала, есть мнѣ приступъ къ Семену или нѣтъ?

Digitized by Google

Путница подперла руками грудь и скорбно задумалась.

— Вотъ ужъ два года я такъ и живу, — снова заговорила она. — Жена — не жена, и неизвѣстно, что я такое. Повѣрите, такъ меня это вотъ тутъ-то мутитъ, что руки бы на себя наложила, кабы души мнѣ не было жалко. Погибнетъ она, какъ червякъ. Да что, хуже червя! Потому, червякъ погибнетъ, и все тутъ, а за погибшую душу ангелы ея охранители будутъ горько плакать вѣковѣчно... Такъ-то они пѣсни-стихи поютъ вѣковѣчные, ну, а какъ съ душой что приключится, то и имъ плохо. Скажемъ, къ примѣру,—убійцъ души, удавицъ, пискунцовъ...

— Что это такое — пискунцы? — спросилъ я.

— А пискунцы, это, милый, выкидышныя дѣти, которыя послѣ шести мѣсяцевъ. Знаете, какъ теперь женщины, особенно по городамъ: все больше норовятъ выкидывать. Если выкидышъ, покуда духъ въ ребенка еще не вселился, значитъ, до шести мѣсяцевъ,—это ни по чемъ не считается; а если послѣ шести мѣсяцевъ, то терпятъ они муки всякія, покуда родители не помрутъ и Богу не дадутъ отвѣта. Ну, хорошо, какъ они скоро помрутъ, а вѣдь есть такіе, что до ста лѣтъ живутъ, — и чего только тогда младенецъ не приметъ!..

Путница замолчала.

— А только не могу я больше терпѣть, и вотъ что я надумала: какъ приду въ Питеръ, куплю я кухольный ножъ съ острымъ концомъ и отправлюсь къ нему. Выжду, когда онъ уйдетъ, конечно, сторожу на чай дамъ, чтобъ ничего не говорилъ... А можно такъ, чтобъ и сторожъ не зналъ... И та-

Digitized by Google

кіе ему фундаменты подведу, что только держись!— Путница воодушевилась. — Проберусь къ нимъ въ комнату да залягу подъ ихнюю постель, и буду до того выжидать, пока они придутъ, улягутся, и настанутъ тихіе часы... Тутъ я и начну выбираться. Если и стукну, такъ что-жъ! Вѣдь спятъ всѣ. Выберусь, и сдѣлаю настоящее сраженіе! Ее,—ее заколю, а его оставлю. И потомъ пускай со мной, что хотятъ, дѣлаютъ. Все равно, его обвиноватятъ: до какихъ обстоятельствъ онъ жену свою довелъ!

Она замолкла и съ торжествующей улыбкой оглядѣла насъ.

— Зачѣмъ вамъ все это дѣлать?—спросилъ я.— Онъ васъ не любитъ, вы вотъ тоже рады будете, если его угонятъ въ солдаты, паспортъ отдѣльный у васъ есть... Чего-жъ вамъ еще нужно? Пускай живетъ, какъ хочетъ, вамъ-то что?

— Нѣтъ, милый, нѣтъ!—съ сожалѣніемъ возразила путница.—Нѣтъ, я этого не могу! У меня есть свои права, онъ долженъ законъ соблюдать. А то что я такое? Вдова — не вдова, и всякій можетъ меня обидѣть.

— А не иначе, бабочка, что есть въ тебѣ какая-нибудь порча, коли мужъ брезгуетъ тобой, — сказалъ кабатчикъ, съ предубѣжденіемъ оглядывая путницу.

— Нѣту, милый, — это я тебѣ, какъ на духу, скажу,—нѣту никакой порчи! Вотъ, вся я тутъ передъ вами; сами видите,—молодая, тѣлистая, красивая. Кабы брезговалъ, такъ не бѣгалъ бы за мной съ ножемъ, не высматривалъ... А я вотъ про что думаю. Въ послѣдній разъ сказалъ онъ мнѣ: „я

Digitized by Google

знаю, что ты мнѣ жена, и жену я ни на кого не промѣняю. Я, можетъ, всю эту шушеру къ утру выгоню, и жену приму. А только далъ я зарокъ передъ Богомъ и не отступлюсь: три раза ты меня покидала, и рѣшилъ я три года къ себѣ жену не подпускать. Какъ ты мнѣ жена, то должна была ты отъ мужа *все* стерпѣть, а теперь нечего!"... И вотъ я все думаю: какъ это, вѣдь вѣрно?..

Путница пригорюнилась и уставилась въ окно. На болотистыхъ полянахъ, по кочкамъ и межъ корявыхъ осинокъ стлался мутный туманъ. Далеко наверху синѣло небо, горячее и яркое, а тутъ, кругомъ, ползли въ воздухѣ струйки гнилого холода, и землю давила душная, тяжелая сырость.

Digitized by Google

Въ сухомъ туманѣ.

Товаропассажирскій поѣздъ медленно ползъ по направленію къ Москвѣ. Вечерѣло, было очень жарко и душно. Въ вагонѣ нашемъ царствовала сонная скука и молчаливость; пассажиры,—преимущественно все изъ „сѣрой“ публики, — спали на скамейкахъ и на пыльномъ, заплеванномъ полу, либо вяло разговаривали, куря махорку. Сидѣвшій противъ меня мѣднолитейщикъ изъ Москвы молча крутилъ свою черную бородку и сумрачно смотрѣлъ въ окно; онъ ѣздилъ на побывку къ себѣ въ деревню и теперь возвращался въ Москву; въ деревнѣ ли у него было что-нибудь неладно, по характеру ли онъ былъ такой, или дѣйствовала на него погода,—но все время онъ смотрѣлъ сурово и обиженно, какъ будто всѣ мы очень досадили ему чѣмъ-то.

Погода была странная. Какая-то сѣроватая муть покрывала небо, солнце свѣтило сквозь нее блѣднымъ пятномъ; неясный горизонтъ терялся въ густой сѣролиловой мглѣ, и трудно было понять, что̀ это тамъ,—тучи, дымъ или что другое. Проносившіяся

Digitized by Google

мимо поля, рощи, деревни,—все было окутано синеватою дымкою, словно туманомъ; но какой туманъ могъ держаться въ этомъ сухомъ, раскаленномъ воздухѣ, въ которомъ почти мгновенно таялъ валившій изъ трубы паръ? Ни одна травинка не шевелилась, надъ полями стояла странная тишина. Что-то непонятное, загадочное было во всей природѣ, и это томило и раздражало.

— Вотъ погода удивительная! — сказалъ я. — Должно быть, гдѣ-нибудь лѣса горятъ.

— Это, баринъ, не лѣса горятъ, — возразилъ сидѣвшій рядомъ плотный, приземистый плотникъ-рязанецъ.—Это сухой туманъ.

— Какой сухой туманъ?

— Къ жарѣ. Жара, значитъ, туманною мглою идетъ по землѣ; гдѣ пройдетъ, все посушитъ на отдѣлку.

— У насъ подъ Чернью три года назадъ такой туманъ на поля палъ,—заговорилъ блѣдный старикъ съ болѣзненнымъ лицомъ, въ рваномъ, заплатанномъ зипунѣ.—Въ одинъ день весь хлѣбъ посохъ. Сыпится зерно, вязать начнетъ баба, — свясла въ труху разсыпаются; такая спѣшка пошла,—косцу по три съ полтиной въ день платили, только коси поскорѣй!

— Что же такое туманъ этотъ? Пыль, что-ли?

— Зачѣмъ пыль? Нѣтъ. Просто сказать,—сухой туманъ!—объяснилъ плотникъ.

— Значитъ, жара самая и есть, сушь!—прибавилъ старикъ.

Конечно, пылью это быть не могло. Но что же это?.. И начинало казаться, что это, дѣйствительно,

Digitized by Google

зной принялъ доступный глазу видъ и зловѣщимъ синимъ туманомъ стоитъ надъ сохнущими полями, высасывая изъ нихъ послѣдніе остатки влаги.

— Подержится такъ еще денекъ-другой,—посохнетъ колосъ! — вздохнулъ старикъ. — Думали, передохнемъ годокъ этотъ: больно по веснѣ корешокъ хорошъ былъ; анъ Господь-Батюшка опять прогнѣвался, немилость свою посылаетъ... А ужъ то-то народъ отощалъ!—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Отощалъ,—подтвердилъ плотникъ.

— Ии-и! Не роди мать на свѣтъ! Живутъ, невѣдомо, какъ! Какъ только зиму продержались! А про скотину и не говори. Солома у насъ по веснѣ *тридцать копѣекъ* пудъ была! Я ужъ сколько живу, а такихъ цѣнъ не видывалъ...

Онъ еще разъ вздохнулъ, почесалъ себѣ подъ зипуномъ плечо и неподвижно сталъ смотрѣть въ окно—на это странное, мутное и въ тоже время безоблачное небо. Поѣздъ пошелъ тише. Мимо промелькнули три расцѣпленныхъ товарныхъ вагона, стрѣлочникъ, водокачка. Поѣздъ подошелъ къ станціи, дрогнувъ, остановился и замеръ, словно мгновенно погрузился въ сонъ.

И все кругомъ словно спало. Теперь, когда поѣздъ не шумѣлъ, была еще поразительнѣе мертвая тишина, царившая надъ землею: по лугамъ и пашнямъ, задернутымъ синеватою дымкою, молча бродили грачи, разинувъ клювы; березы и липы станціоннаго садика не шевелились ни листикомъ; изрѣдка налетитъ вѣтерокъ, вяло закачаетъ ихъ пыльныя вѣтви, — и сейчасъ же упадетъ, словно изнемогши отъ жары. Помощникъ начальника стан-

Digitized by Google

ціи, зѣвая, расхаживалъ по платформѣ; у ограды, какъ изваянія, стояли два мужика-извозчика, поджидавшіе сѣдоковъ; они смотрѣли на поѣздъ, щурясь отъ солнца, и казалось, будто ихъ загорѣлыя лица застыли въ какой-то неподвижной улыбкѣ.

Въ вагонъ вошелъ стройный парень съ картузомъ на затылкѣ, въ желтокоричневой бумазейной блузѣ, испачканной красками,—видимо, маляръ.

— Мѣстечко найдется, земляки?—громко спросилъ онъ, съ быстрой улыбкой оглядываясь кругомъ.—Ну, вотъ и ладно!—продолжалъ онъ, увидѣвъ у окна пустую одиночную скамейку.—Какъ разъ для насъ приготовлена! Доѣдемъ какъ-нибудь!.. Недалеко ѣхать-то,—до Серпухова всего! — объяснилъ онъ, неизвѣстно, кому. — Въ три часа, чай, доѣдемъ.

Маляръ сунулъ подъ скамейку свой узелъ, сѣлъ, поправилъ на головѣ картузъ и сейчасъ же опять всталъ.

— А то нешто водочки пойти выпить?—быстро спросилъ онъ не то себя, не то окружающихъ.

— Давно ужъ буфетчикъ дожидается, — отозвался кто-то изъ пассажировъ.—Куда это, говоритъ, запропалъ малый?

— То же и я говорю!.. Значитъ, работу кончилъ, расчетъ получилъ,—можно выпить, какъ вы скажете?—обратился къ нему маляръ.

— А ты гдѣ работалъ-то?

— А вонъ, за перелѣскомъ, графскій домъ красили. Ворошиловъ графъ,—извѣстнѣйшій! Сыну къ свадьбѣ домъ готовитъ... Нашихъ тамъ артель цѣлая и сейчасъ работаетъ... Эй, эй, землякъ!—произ-

Digitized by Google

несъ онъ, тряхнувъ за плечо дремавшаго мужика, у котораго свалился съ головы картузъ. — Чего шапку на полъ кидаешь? Уговору не было!—Онъ поднялъ картузъ и бросилъ его на колѣни протиравшему глаза мужику.—Ну чтожъ? Нужно пойти, царапнуть!

Онъ вышелъ, и сразу въ вагонѣ опять стало тихо. Я сходилъ за кипяткомъ, заварилъ чай и пригласилъ къ нему своихъ сосѣдей, — старика, плотника и угрюмаго литейщика изъ Москвы. Раздался третій звонокъ и вслѣдъ за нимъ кондукторскій свистокъ. Паровозъ молчалъ. Маляръ воротился и снова заполнилъ вагонъ своимъ громкимъ, веселымъ говоромъ, обращеннымъ неизвѣстно къ кому.

Кондукторъ свистнулъ второй, третій разъ. Паровозъ помолчалъ еще нѣкоторое время, и потомъ вдругъ хрипло и свирѣпо откликнулся.

— Чего ругаешься?—засмѣялся маляръ.—Разоспалась машина-то наша! „Отстань ты, говоритъ, отъ меня, постылый чортъ! Не тревожь!..“

Поѣздъ все не двигался. Маляръ съ любопытствомъ высунулся изъ окошка. Кондукторъ свистнулъ еще разъ. Молчаніе. Гдѣ-то далеко раздался сердитый крикъ: „наддай!“

— Вотъ такъ такъ! Не можетъ машина съ мѣста сдвинуться, кондуктора наддаютъ... Пойдемъ, ребята, подсоблять! — стремительно обратился маляръ къ окружающимъ.

Пассажиры повысунулись изъ оконъ. Паровозъ еще разъ свистнулъ дико и хрипло, словно съ

Digitized by Google

перепою, заворчалъ и вдругъ сильно дернулъ вагоны. Поѣздъ тронулся.

Мы пили чай и вяло разговаривали, въ тонъ вяло ползшему поѣзду и вяло дремавшей природѣ. Маляръ былъ ужъ на другомъ концѣ вагона и громко спорилъ о чемъ-то съ сельскимъ священникомъ съ сѣденькой бородкой и въ пыльной рясѣ; странно было слышать среди царившей въ вагонѣ скуки этотъ веселый голосъ неугомоннаго и, должно быть, очень счастливаго маляра.

Я сталъ разспрашивать литейщика о его поѣздкѣ въ деревню. Онъ сначала отвѣчалъ неохотно, потомъ постепенно разговорился. Оказалось, у него, дѣйствительно, были непріятности: годъ назадъ въ деревнѣ расхворалась старуха-мать литейщика, и на помощь отцу ему пришлось отправить изъ Москвы свою жену; прошелъ годъ, мать все не поправлялась; литейщикъ съѣздилъ въ деревню на побывку и убѣдился, что мать его вообще ужъ больше не работница.

— Вотъ такъ, значитъ, и пойдетъ дѣло,—раздраженно произнесъ литейщикъ.—Жилъ себѣ въ Москвѣ — благородно, чисто, все, какъ слѣдуетъ быть. А теперь—я въ Москвѣ живи, семейство въ деревнѣ... Развѣ это порядокъ?

— Сынъ-то ты одинъ у отца?—спросилъ старикъ въ зипунѣ.

— Одинъ,—отрывисто отвѣтилъ литейщикъ.

— Ну, невозможно! — подтвердилъ старикъ.— Гдѣ жъ безъ бабы съ хозяйствомъ управиться!

— О томъ я и говорю. Старуха на печи лежитъ,

Digitized by Google

не сходитъ; до лавки дойдетъ,—дыханіе запираетъ. Съ нея не спросишь.

Онъ помолчалъ.

— А только я на то ругаюсь, что привыкъ я,— на прежнее положеніе переходить неохота. Какое я могу имѣть удовольствіе безъ жены? Ей о томъ и забота, чтобъ мужу прохладно было, — насчетъ ли харчей, насчетъ ли чего другого. Слава Богу, пять лѣтъ прожилъ человѣкомъ, на Бога не жаловался. А теперь живи, невѣдомо какъ. Веселое это дѣло — съ квартирными хозяйками канителиться! Грязь, безтолочь, порядковъ никакихъ нѣтъ... Наша работа грязная, а хозяйки квартирныя разъ въ мѣсяцъ стираютъ. Что-жъ мнѣ, три дюжины рубашекъ держать? А жена на то не смотритъ, время ли стирать, нѣтъ ли; видитъ, неаккуратно мужъ ходитъ, и выстираетъ. Опять съ ѣдою: обѣдаешь въ трактирахъ, въ закусочныхъ,—какая же пріятность, скажите, пожалуйста?

— Такъ вамъ теперь всегда и придется жить?— спросилъ я.

— Такъ и живи.

— Да, тяжело.

— То-то вотъ я и говорю... А потомъ и то сказать: разъ въ годъ пріѣдешь домой на недѣльку, а вѣдь тоже, извините... Знаете, живой человѣкъ! Тяжело безъ этого самаго... Для чего жъ я въ законъ вступалъ?.. А какъ вы скажете,—могу я знать, что тамъ безъ меня жена дѣлаетъ, какъ обходится? Баба она молодая, горячая.

— И ничего ей не скажешь! — вздохнулъ старикъ. — Бабѣ тоже безъ этого нужда. Горла не

Digitized by Google

перервешь за такое дѣло. Она скажетъ: а ты зачѣмъ со мною не живешь?

— И вѣрно.

— То ли ужъ не вѣрно!—Старикъ снова вздохнулъ. — Бабы у насъ въ деревняхъ живутъ все равно, что сироты! Годъ за годомъ хитрѣе идетъ, жить становится труднѣе; земли мало, а народу разомножилось, всякій хочетъ жить, какъ пригородный, хочетъ жить легко. Нынче машина увозитъ его на четыре года, и не увидишь сколько времени. Самъ-то онъ тамъ нешто тихо живетъ? Эхъ, бра-атъ! — произнесъ онъ, закачавъ головою.

— И многіе у васъ въ Москвѣ такъ живутъ?— спросилъ я литейщика.—Въ Петербургѣ заводскіе больше живутъ съ семьями.

— Нѣтъ, у насъ въ Москвѣ этого мало. Все больше артелями живутъ, а семейство въ деревнѣ... У меня товарищъ былъ,—заговорилъ онъ, помолчавъ,—мы съ нимъ въ парѣ вмѣстѣ крупную работу работали. Горячъ былъ на работу,—не угоняешься! Все въ деревню посылалъ: дай, говоритъ, оправлю хозяйство,—сяду на землю, своимъ домомъ заживу. Пріѣзжаетъ землякъ изъ деревни. „Дядя-Ѳедоръ, а вѣдь баба-то твоя гуляетъ!..“ Не повѣрилъ: сплетки, говоритъ,—мало ли что наплетутъ!.. Другіе пріѣхали,—всѣ тоже разсказываютъ: связалась съ писаремъ... Ну, поѣхалъ, посмотрѣлъ,—вѣрно! Махнулъ рукою, воротился, опять у насъ работаетъ. О домѣ думать пересталъ, сталъ водочкой заниматься: пропадай все пропадомъ... Вотъ-те и оправляй хозяйство!—съ усмѣшкой прибавилъ онъ.

Вошедшій на послѣдней станціи маляръ уже

Digitized by Google

съ десять минутъ стоялъ около насъ, облокотившись о спинку скамейки, и внимательно слушалъ нашъ разговоръ.

— Я такъ разсуждаю, что вы неправильно объ этомъ говорите! —вдругъ громко произнесъ онъ съ своею быстрою усмѣшкою.

— Это насчетъ чего?—спросилъ литейщикъ.

— Вообще насчетъ вашихъ разговоровъ. Кто-жъ виноватъ въ томъ дѣлѣ, позвольте спросить? Говорите: въ хозяйствѣ жена нужна. Въ хозяйствѣ? А мнѣ не нужна?

Ближніе пассажиры, привлеченные громкимъ голосомъ маляра, одинъ за другимъ стали подходить къ нашей скамейкѣ.

— Значитъ, поженился, а тамъ—„прощай, Саша, прощай, милая“?—продолжалъ маляръ.—Ну, нѣтъ, извините, пожалуйста!.. Я и самъ женатый, а только поженился,—и обязательно взялъ жену съ собою въ Серпуховъ. Позвольте вамъ сказать: она мнѣ самому нужна!

— Неспособно мнѣ такъ-то поступать,—неохотно отвѣтилъ литейщикъ.

— Какъ такъ неспособно? Почему такое?—удивился маляръ.—„Неспособно“! Почему неспособно?—Онъ съ вопросительно-недоумѣвающею усмѣшкою оглядѣлъ слушателей.—Нѣ-ѣтъ! Поженили меня эдакъ въ деревнѣ,—весело продолжалъ онъ,—отецъ мнѣ и говоритъ: ну, Вася, ты, говоритъ, поѣзжай теперь къ своему дѣлу, а жена пущай у насъ останется.—Ну, нѣтъ-съ, извините, папаша...—Какъ?! Что?! Ахъ, ты, такой-сякой! Я тебя для чего женилъ? Чтобъ бабу въ хозяйствѣ имѣть!—

Digitized by Google

Бабу въ хозяйствѣ? Эко, дѣло какое! Какъ же это мы раньше не столковались? Ну, а я для того женился, чтобъ жену имѣть!

Кругомъ засмѣялись. Какой-то длинный парень въ сѣрой поддевкѣ быстро поправилъ себѣ на головѣ картузъ и сталъ энергично чесать въ затылкѣ.

— Если здраво разсуждать, въ здравомъ разсудкѣ...—началъ онъ, широко раскрывъ глаза, и замолчалъ, справляясь съ поразившими его словами маляра.

— Вы думаете, я неправильно говорю?—быстро обратился къ нему маляръ.

— Нѣтъ, я говорю... Если здраво разсуждать...

И парень снова замолчалъ, раскрывая ротъ, чтобъ что-то сказать, и ничего не говоря.

Мой сосѣдъ-плотникъ, все время молча слушавшій наши разговоры, теперь вдругъ заволновался, для чего-то поднялся, опять сѣлъ...

— Погоди, я знаю, что тебѣ на это сказать!—обратился онъ къ маляру, возбужденно жестикулируя въ воздухѣ.—Вотъ что. Поженили тебя,—почему? Баба нужна, бабы нѣтъ въ домѣ... Хорошо,—погоди!.. Бабы нѣтъ. Чтожъ ты безъ бабы дѣлать будешь въ хозяйствѣ? Какъ управишься? Какъ безъ бабы управишься? Голубчикъ, голу-убчикъ!.. Безъ бабы хозяйству зарѣзъ!.. Вотъ что я тебѣ сказалъ противъ этого!—удовлетворенно произнесъ онъ, переставъ махать руками.

— Въ хозя-айствѣ?—иронически передразнилъ маляръ, но его прервали, и всѣ сразу заговорили.

— Въ городъ жену свезъ!—рѣзко сказалъ ши-

Digitized by Google

рокоплечій извозчикъ.—Такъ ты, можетъ, графъ, получаешь тыщи? Сказалъ слово! Какъ жить-то будешь въ городѣ съ семействомъ, подумай ты въ своей башкѣ!

— Понятное дѣло, гдѣ-жъ прожить!—отозвался изъ толпы ламповщикъ съ пригороднаго завода.—Восемь рублей мнѣ жалованія идетъ,—обратился онъ ко мнѣ,—гдѣ-жъ тутъ съ семействомъ проживешь, разсудите сами. Дай Богъ на подать скопить, и то слава-те, Господи! Вотъ на мнѣ кафтанъ, а подъ кафтаномъ, можетъ, нѣтъ ничего!

— Не можешь въ городѣ жить? Не лѣзь не въ свое мѣсто!—отрѣзалъ маляръ.—Въ деревню ступай, хозяйствуй!

— А съ чего хозяйствовать будешь, дурья ты голова, козырь!—воскликнулъ извозчикъ.—Насъ вотъ пять братьевъ, а надѣлъ на полторы души. По избѣ построитъ каждый,—и пахать нечего. Полоска,—сюда отвалилъ, туда отвалилъ, и нѣтъ ничего... „Хозяйствуй“!.. И радъ бы хозяйствовать!.. Велика сладость вѣкъ въ чужихъ людяхъ жить!

— Не проживешь нынче съ хозяйства, нѣтъ!—сказалъ мой сосѣдъ-старикъ.—Есть податели со стороны,—ну, обернешься какъ-ни-какъ; а безъ подателей не управишься, гдѣ тамъ!

— „Хозя-айствуй!“—еще разъ сердито повторилъ извозчикъ.—Тьфу! Глупыя твои слова!..

Онъ махнулъ рукою и отошелъ. Возраженія продолжали сыпаться одно за другимъ. Маляръ былъ разбитъ по всѣмъ пунктамъ; онъ не сдавался, но для всѣхъ было уже ясно, что передъ ними

Digitized by Google

просто чрезвычайно легкомысленный человѣкъ, который говоритъ, самъ не знаетъ, что.

Разговоръ разбился на отдѣльныя группы, постепенно захватывая все большее число пассажировъ; по всѣмъ концамъ вагона оживленно и взволнованно обсуждалась и опровергалась еретическая мысль, высказанная забубеннымъ маляромъ.

Поѣздъ, гремя и колыхаясь, мчался впередъ. Тусклое, кроваво-красное солнце медленно опускалось въ грязно-желтую мглу запада; все та же туманная дымка теперь еще гуще окутывала поля, и все такъ же странно и непонятно глядѣла природа. На душѣ у меня было смутно.

Да, маляръ судилъ легкомысленно,—это было ему доказано самыми неопровержимыми доводами, на которые возражать было нечего. Хозяйствовать въ деревнѣ! Но ужъ одинъ грозный сухой туманъ, стлавшійся по полямъ, давалъ на это такой выразительный отвѣтъ, что становилось жутко. А предложеніе все порвать и жить въ городѣ звучало прямо насмѣшкою надъ многими изъ тѣхъ, къ кому было обращено. И тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе еретическая мысль маляра заключалась вѣдь не въ чемъ другомъ, какъ въ томъ,—что *человѣкъ женится для того, чтобъ имѣть жену*! И сумѣлъ же онъ такъ искусно поставить вопросъ! Не даромъ всѣ возражавшіе, предъявляя свои неопровержимые доводы, въ то же время такъ сердились и раздражались: маляръ былъ легкомысленъ, рубилъ сплеча,—но какъ хотите, а человѣку полагается жениться именно для того, чтобъ имѣть жену...

Digitized by Google

Въ Серпуховѣ съ поѣзда сошелъ маляръ, сошли плотники и мой сосѣдъ-старикъ. Мы остались съ литейщикомъ. Въ вагонъ набились новые пассажиры. Поѣздъ пошелъ дальше.

— Ну, а отдохнули вы, по крайней мѣрѣ, въ деревнѣ?—спросилъ я литейщика.

— Въ деревнѣ-то?.. Какъ сказать? Для нашего брата въ деревнѣ отдыхъ плохой. Скука! Прожилъ двѣ недѣли, и не чаялъ, когда уѣду. Вѣдь тоже, знаете, привычка требуется. Ѣду, скажемъ, взять; деревенская ѣда извѣстная,—тюря да лукъ; народъ небалованый. А съ отвычки эдакъ поживешь,—животъ подводитъ. Мнѣ что изъ того, что говядина у меня по двору гуляетъ, мнѣ ее въ чашкѣ надо; а тутъ—нѣтъ! Говядину холь, а ѣшь рѣдьку.

— Вы-то, я вижу, наврядъ ли когда захотите перебраться въ деревню!—сказалъ я.

— Гдѣ ужъ тамъ!—махнулъ онъ рукою.—Я и отъ работы деревенской отвыкъ. Недавно вотъ покосилъ день на барскомъ лугу,—мы его помѣщику міромъ убираемъ за выгонъ,—такъ всѣ руки отмахалъ, посегодня болятъ. Да и то сказать,—чѣмъ жить будешь въ деревнѣ? Вѣдь въ нынѣшнее время, знаете, не кормитъ она, деревня. Надѣлы у насъ малые; лѣтомъ отработался, а зимою заколачивай избу, да иди, куда хочешь, работы искать; на мѣстѣ вотъ какъ платятъ: въ лѣсу колоть-пилить—двадцать пять копеекъ, съ лошадью—шестьдесятъ. А одного оброку, если на правленскія считать, на старосту, на училище,—двадцать пять рублей заплати за двѣ души. Откуда возьмешь?

Digitized by Google

— Такъ вѣдь живутъ же у васъ все-таки землею?

— Гдѣ же живутъ? Безъ податей не проживутъ: сыновья подаютъ со стороны. А если одинъ мужикъ въ домѣ, то на зиму уходитъ на мѣсто, только баба остается. Вы извольте сами разсудить: съ чего жить? Сѣна—дай Богъ, чтобъ на свою скотину хватило, овесъ—двѣ четверти съ двумя мѣрками отдай въ общественную магазею, остальное своей же лошади скормишь; хлѣба—хорошо, какъ до Филиппова дня самимъ хватитъ... А подати, а одѣться? Керосинъ, спички, чай, сахаръ, мелочь всякая? Какъ крѣпко ни живи, а безъ нихъ не обойдешься. Вотъ и разсудите, какъ же тутъ прожить?

— Что же вы будете дѣлать, когда ваши старики умрутъ?

— Тогда безъ работника не обойдешься; придется работника брать на лѣто.

Начиналось что-то непонятное, раздражающее и давящее своею несообразностью

— Да какая же вамъ выгода нанимать работника? Что вы имѣете отъ земли? Что она пять мѣсяцевъ въ году даетъ хлѣбъ вашей семьѣ?.. Вы вотъ въ мѣсяцъ зарабатываете за пятьдесятъ рублей,—сколько однихъ этихъ денегъ вы въ землю всадите! Сами же вы жалуетесь, что вамъ безъ семейства скучно жить. Отчего вамъ его не взять къ себѣ? Слава Богу, на пятьдесятъ-то рублей можно прожить въ городѣ и съ семействомъ.

— А за землей кто будетъ ходить?

— Кто! Ну, въ аренду можно ее сдать.

Digitized by Google

— Какъ же это сдать въ аренду? Въ аренду сдашь,—все хозяйство порѣшишь.

— Да на что оно вамъ, хозяйство?

Литейщикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Вы этого, господинъ, не понимаете,—медленно и поучающе произнесъ онъ, словно говоря съ малымъ ребенкомъ.—Какъ на что? Чуть что коснись,—скажемъ, работы нѣтъ, скажемъ, заболѣлъ, старъ сталъ,—куда дѣнешься? На улицѣ помирать? А тутъ все-таки свой уголъ; сытъ не будешь, такъ хоть съ голоду не помрешь.

Я замолчалъ.

— Наша работа вредная,—спустя минуту заговорилъ литейщикъ.—Мѣдь на грудь садится, все въ чахоткѣ помираетъ народъ; до сорока лѣтъ мало кто доживетъ здоровымъ. Куда тогда пойдешь? Въ деревню, больше некуда.

— Невеселая ваша жизнь будетъ въ деревнѣ.

— Съ одной тоски помрешь.

Литейщикъ смолкъ, задумчиво глядя въ окно. На мглистомъ горизонтѣ, надъ лѣсомъ, алѣли мутно-пурпуровыя пятна; по-прежнему было душно и тихо. По склонамъ лощинъ лѣпились убогія деревеньки, въ избахъ кое-гдѣ засвѣтились огни; окутанныя загадочною сухою мглою, проносились мимо насъ эти деревеньки,—такія тихія, смиренныя и жалкія...

Отвѣтъ моего собесѣдника не былъ для меня новостью; ужъ много-много разъ приходилось мнѣ слышать тотъ же до стереотипности тождественный отвѣтъ: „Какъ порвешь? Чуть что коснись,—

Digitized by Google

заболѣлъ, старъ сталъ или что,—куда дѣнешься?“

Что и говорить, это-ли не основательная причина! Когда человѣкъ въ конецъ измотается на работѣ, когда, безсильный и больной, съ изъѣденными чахоткою легкими, онъ будетъ выброшенъ на мостовую, какъ негодная ветошка,—что тогда?

Тогда себя, мой гордый братъ,
Голодной смертью умори ты?

Лучше ужъ медленная агонія въ деревнѣ. Но вѣдь всетаки же это не больше, какъ агонія! А право на эту агонію приходится покупать цѣною ломки и калѣченія всей жизни...

Digitized by Google

ОБЪ ОДНОМЪ ДОМѢ.

Разсказъ.

I.

На Гремячемъ колодцѣ.

Мы третій день косили въ опасовскомъ лѣсу. Былъ вечеръ, солнце сѣло. Нашъ таборъ расположился на полянкѣ, около лощины. Старики отбивали косы, костры трещали, и синій дымъ медленно стлался между кустами. Дальнія полянки дымились легкимъ туманомъ.

Я лежалъ на склонѣ лощины, около Гремячаго колодца; передъ ужиномъ мы выпили водки, и тяжелая усталость превратилась въ пріятную истому. Не хотѣлось шевелиться, сквозь охватившую глубокую задумчивость медленно проплывали чуть-сознаваемыя мысли; въ просторномъ, меркнувшемъ небѣ загорались звѣзды, и казалось, никогда еще въ немъ не было столько тихой красоты. Около меня, на пригоркѣ, сидѣли и разговаривали три дѣвки изъ нашего табора — Донька Коломенцова,

Digitized by Google

Настька и Аленка. Внизу билъ Гремячій ключъ, холодный, чистый, какъ слеза; ручеекъ журчалъ въ осокѣ, впадая въ зацвѣтшую сажалку, на узкой плотинѣ стояли три старыя ивы, и надъ ними свѣтился серпъ молодого мѣсяца.

Этотъ ключъ, говорятъ, выбитъ изъ земли молніей и обладаетъ цѣлебною силою; на его днѣ, въ чистомъ, бѣломъ пескѣ, всегда лежитъ масса образковъ и мѣдныхъ крестиковъ. А сейчасъ отъ Доньки я узналъ, что и сажалка здѣсь тоже особенная: на ея тинистомъ днѣ лежитъ трупъ убитаго прохожимъ солдатомъ чорта. Дѣло было такъ: въ давнее время шелъ черезъ лѣсъ солдатъ; надъ лѣсомъ бушевала буря; солдатъ подошелъ къ пруду и видитъ: съ неба бьетъ громомъ въ прудъ, вода бурлитъ, а надъ водою мелькаетъ чья-то косматая голова; какъ ударитъ громомъ, она въ воду, а потомъ опять вынырнетъ. Солдатъ стоялъ за кустомъ, приложился изъ ружья, — бацъ! Стонъ прокатился по лѣсу, и голова исчезла подъ водою. Солдатъ испугался, думалъ—застрѣлилъ человѣка; а это Илья-Пророкъ съ неба въ чорта билъ, да никакъ попасть не могъ, а солдатъ ему подсобилъ...

Тайна этого пруда и ключа настраивала душу на особенный ладъ; и покосившійся крестъ надъ ключомъ, и черная вода въ просвѣтахъ зеленой тины, и старыя ивы,—все глядѣло какъ-то значительно, таинственно и необычно. Ко всему этому странно подходила и сидѣвшая на пригоркѣ Донька; стройная, съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ, она разсказывала о загадочныхъ „курдушахъ“, которые водились въ амбарѣ дернополь-

Digitized by Google

скаго лавочника Ивана Левонова. Въ лицѣ Доньки было что-то удивительно-одухотворенное, какъ-бы прислушивающееся, и въ то же время болѣзненное; прошлою осенью съ нею было нѣсколько припадковъ, и она слыла „порченою“. Во всякомъ случаѣ, въ ней было что-то необычное; она жила душою въ какомъ-то совсѣмъ особенномъ мірѣ, полномъ таинственныхъ силъ и существъ, и эти силы въ ея присутствіи какъ бы оживали и для другихъ людей. Я смотрѣлъ на нее, и мнѣ казалось,—вотъ, въ сумракѣ лѣтняго вечера, надъ этимъ прудомъ съ трупомъ чорта, сидитъ задумчивая и серьезная Сказка.

— Онъ потому и богатъ, что ему курдуши служатъ, — разсказывала Донька своимъ медленнымъ грудным голосомъ.—Тетка Матрена сколько разъ видала: какъ ночь, — выйдетъ съ мѣсивомъ на крыльцо и кормитъ ихъ.

— Онъ что же, колдунъ, значитъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, онъ-то не колдунъ, а у него отецъ колдунъ былъ; вотъ, говорятъ, курдушей этихъ ему и оставилъ.

— Да что это такое, курдуши эти?

— А кто-жъ ихъ знаетъ! Вѣдь ихъ не увидишь... Одинъ-то разъ тетка Матрена подглядѣла; пошла она съ Иваномъ Левоновымъ въ амбаръ къ нему, мучицы насыпать; отперла дверь, а изъ закрома какой-то черненькій выскочилъ и—въ нору; вродѣ какъ бы кошка, только подлиннѣе, и съ бородкой. Значитъ, схоронился отъ чужого глаза.

— На что же они ему нужны?

— Какъ на что? А они ночью по чужимъ амба-

Digitized by Google

рамъ ходятъ, хлѣбъ таскаютъ къ хозяину; какъ въ какомъ амбарѣ дверь безъ креста, — хоть на пяти запорахъ будь, пролѣзутъ...— Донька помолчала. — Разъ я ихъ сама слышала, курдушей этихъ,—проговорила она съ медленной улыбкой.— Иду ночью черезъ Дернополье, а они у лавочника въ амбарѣ: у-уу! у-уу!.. Воютъ. Ѣсть, значитъ, просятъ. Такъ вотъ тоже, бываетъ, дворные воютъ.

— А дворные развѣ тоже воютъ?—спросилъ я. Дворными въ нашихъ краяхъ называютъ домовыхъ.

— Дворные? Ну, какъ же не воютъ! Это и въ нашей деревнѣ было, у Сергѣя Чумакова. Онъ со всѣмъ семействомъ ушелъ въ Веневъ, избу заколотилъ. Такъ то-то тамъ по ночамъ дворной вылъ! Никто на деревнѣ не спалъ, боялись. Думали, не собака ли; такъ нѣтъ, не было у него собаки...

— Не знаю, какъ Иванъ Левоновъ, а вотъ, дѣвки, Аринка санинская,—это ужъ вѣрно, что еретица,— заговорила Настька, рябая и скуластая.—Ее давно оговаривали, а нынче на святкахъ испытаніе сдѣлали дѣвки. Какъ жарили яичницу, воткнули ножъ подъ крышку стола, гдѣ Аринкѣ сидѣть. Сѣли, значитъ, яичницу ѣсть, и Аринка сѣла. Вдругъ встала,—„тошно!“ говоритъ, и вышла изъ-за стола... Сколько шуму было! Тутъ же женихъ ея былъ на вечоркѣ, — „а ну тебя, говоритъ, не стану я съ тобой жениться, мнѣ моя душа дороже!“

— Ей отецъ велѣлъ отъ себя взять, она тому не виновна,—понизивъ голосъ, сказала Донька. — Онъ колдунъ былъ, кореньщикъ; сталъ помирать, а колдовства-то сдать некому; долго мучился, ни-

Digitized by Google

какъ не помретъ; наконецъ позвалъ Аринку, велѣлъ ей принять, ну, послѣ этого и померъ.

— Господи, что-жъ ей теперь на томъ свѣтѣ за это будетъ!—отъ глубины души вздохнула Настька.

Донька молчала, задумчиво глядя въ темнѣвшую чащу лѣса.

— Наступитъ часъ, пріѣдетъ за нею *тотъ-то*... — медленно заговорила она. — Вотъ какъ лѣтошній годъ за однимъ ненашевскимъ мужикомъ пріѣзжалъ, Андреяномъ Лаврентьевымъ. Заболѣлъ онъ послѣ водки, всѣ сидятъ, не спятъ, молокомъ его отпаиваютъ. Вдругъ въ полночь слышатъ, по дорогѣ изъ-за церкви кто-то ѣдетъ на тройкѣ, бубенцы звенятъ. Подъѣхали къ дому, остановились. Андреянъ испугался, зачуялъ, значитъ, — велѣлъ огонь подъ лавку спрятать. Стучатъ въ дверь, — хозяева не отпираютъ, боятся. Тѣ все стучатъ. Ну, вышла старуха въ сѣни, спрашиваетъ: „Кто такое тутъ?“ — Отпирай! — „Кто такой, кому отпирать?“—Тебѣ говорятъ, отпирай! Мы за Андреяномъ Лаврентьевымъ пріѣхали. Онъ здѣсь?—„Нѣтъ, говоритъ, нѣту, онъ на ярмарку уѣхалъ“. Духи и говорятъ: „ну, коли его нѣтъ, то и дѣла нѣтъ!“ И поѣхали мимо церкви назадъ... А черезъ три дня вышелъ Андреянъ вечеркомъ на гумно — и не воротился. Стали искать, видятъ: лежитъ онъ подъ ометомъ мертвый, — синій, глаза выпучены... Они вѣдь тоже хитрые, отъ нихъ не убережешься!

— Слушай, Доня, ну, скажи, за что же имъ брать Аринку?—сказалъ я.—Вѣдь сама же ты говоришь, что она не по своей волѣ колдовство взяла, что ей отецъ приказалъ.

Digitized by Google

— Тамъ этого не спросятъ.

— Такъ зачѣмъ она брала у отца? Отказалась бы!

— Какъ откажешься? Кабы онъ ее спросилъ. А то — „возьми“, говоритъ, больше ничего.

— А она бы ему сказала: „не хочу! Самъ грѣшилъ, самъ и расплачивайся! За что же мнѣ-то свою душу губить?“... Ну, ты вотъ, если бы тебѣ отецъ сталъ колдовство передавать,—взяла бы ты?

— Какъ же не возьмешь, — покорно отвѣтила Донька.

Я замолчалъ. Тутъ былъ какой-то совсѣмъ особенный нравственный міръ, настолько чуждый мнѣ и непостижимый, что разговоръ изсякалъ: темныя, слѣпыя силы не отойдутъ отъ разъ обреченнаго, и самый высокій подвигъ не несетъ въ себѣ оправданія. И то, что отвѣтила мнѣ Донька, были не слова: да, она, дѣйствительно, взяла бы на себя вѣчную муку и погубила бы себя,—и взяла бы не какъ подвигъ, не съ душевнымъ подъемомъ, а покорно и безропотно, какъ неотвратимую бѣду. Нѣчто подобное ей и предстояло: домъ ихъ былъ очень бѣдный, мальчиковъ не было; старшія сестры Доньки были повыданы замужъ, и осталась одна Донька. Чтобъ „сохранить домъ“, нужно было выдать Доньку за парня, который бы согласился идти въ пріемные зятья; иначе, послѣ смерти старика-отца земля, по обычаю, должна была отойти къ „обществу“. Но Донька была „порченая“, и три жениха подъ-рядъ отказались отъ нея. О выборѣ нечего было и думать: кто хочетъ, приди и возьми ее, только спаси домъ. И эта дѣвушка покорно

258788 Digitized by Google

стояла, какъ рабыня на торгу, и ждала перваго встрѣчнаго, который бы удостоилъ взять ее. А между тѣмъ она любила одного парня изъ сосѣдней деревни, и онъ былъ радъ жениться на ней, но не могъ итти въ „зятья“.

— Что это, сколько страстей наразсказали! Жутко будетъ спать!—вздохнула Аленка, дѣвочка-подростокъ лѣтъ пятнадцати.

Настька вполголоса пѣла:

Черная чернобылка во полѣ стояла,
Во полѣ стояла, къ землѣ припадала...

Темнѣло. Серпъ мѣсяца сталъ ярче и свѣтилъ теперь сквозь ивы. Внизу, въ осокѣ, ровно журчалъ ручей, лягушка подозрительно и испытующе квакнула въ сажалкѣ и замолчала. На берегу, между двумя пеньками, стройная осинка глухо и ровно шепталась листьями.

Настька пѣла:

Ахъ, ты, мать-сыра-земля!
Ты скажи мнѣ всеё правду,
Что какая зима будетъ,—
Лютые-ль морозы, иль глубокіе снѣги?..

Въ тепломъ, темнѣвшемъ небѣ загоралось все больше звѣздъ.

— Аленка! Скоро, что ли, спать придешь?—раздался отъ табора голосъ тетки Соломониды.—Сидишь тамъ... со всякими! До свѣту, что ли, сидѣть будешь?

— Сейчасъ!—неохотно отозвалась Аленка.

— Вотъ я тебѣ „сейчасъ“! Иди, что-ли! А то возжей пригоню!

Digitized by Google

Аленка еще нѣкоторое время посидѣла, потомъ лѣниво поднялась и пошла къ табору.

— „Со всякими“...—улыбнулась Настька.—Тебя, вѣдьма, омекаетъ!

— Что-то не любитъ тебя тетка Соломонида все придирается, — обратился я къ Донькѣ. — Съ чего это?

— Сердится на меня. Съ осени сердится. И не кланяется. Какъ помѣшалась я осенью, сама не помню, что творила; кричу, плачу, всего боюсь. Посадила по одну сторону маму, по другую батю, сижу подъ образами и молитвы пою... Весною я въ Ненашевѣ у сестры гостила, тамъ баба одна, Пелагея, помѣшалась; такъ та образа святые въ крапиву швыряла. А я все только молитвы пѣла... Сижу, значитъ, пою. А тетка Соломонида подошла къ окошку, смѣется: „знать, говоритъ, дядя Аѳанасій, твоему корню конецъ приходитъ!“ А я вскочила съ лавки, кричу: „конецъ, да не для васъ! Прахомъ пойдетъ земля, а вамъ не достанется, колдунамъ!“... Вотъ и сердится на меня съ той поры, не кланяется. А я чѣмъ виновата? Что крикнула, не знаю... Они-то всѣ, конечно, были рады: не возьметъ меня никто, земля обществу достанется; а землею у насъ всѣ тужатъ.

— И съ чего это, Донька, случилось съ тобою?—вздохнула Настька.—Такая здоровая была, а тутъ вдругъ на-поди, что случилось!

— Я вотъ все думаю, кому бы на работѣ было испортить?—задумчиво отвѣтила Донька.—Вѣдь я на молотьбѣ тогда была въ барской ригѣ. Некому бы испортить, а выказывается порча. Пришла меня

Digitized by Google

крестная провѣдать, въ карманѣ бутылка со святою водицею, камушекъ іорданскій, песочекъ... Она на порогъ, а я вскочила, за плечи ее схватила, смотрю въ глаза: „ты что въ карманѣ несешь?“

— Почуяла, значитъ!

— Да. Не иначе, какъ порча. А кто напустилъ? Развѣ я Святъ-Духъ, могу знать?

И ея глаза съ робкимъ вопросомъ устремились въ темноту.

— И опять же, отчитали меня,—продолжала Донька.—Мама пошла въ Еньково, къ старухѣ. Съ этой старухой каждый годъ припадки бывали; дала зарокъ молебствовать,—сняло. А какъ годомъ не помолебствуетъ, опять припадки... Вотъ, значитъ, сижу я въ избѣ на полатяхъ, и словно котята у меня въ животѣ ходятъ, подъ сердце подкатываются. А какъ пришла пора, значитъ, прочитала тамъ старуха восемьдесятъ двѣ молитвы, поднялась у меня рвота; зеленое что-это пошло, какъ лягушиныя гнѣзда, а въ нихъ головки. И стало легче... Должно быть, порча.—Донька помолчала.—А можетъ, Господь покаралъ. Только ужъ не знаю,—любя ли, за грѣхи ли какіе?

И опять ея глаза съ тѣмъ же вопросомъ медленно уставились въ темноту. И мнѣ казалось, я вижу, какъ подъ этимъ робкимъ взглядомъ въ сумракѣ складываются и волнуются смутныя, загадочныя силы, цѣпко опутавшія всю жизнь безпомощнаго человѣка.

— А что, Донька, вѣдь не пройдетъ ужъ въ тебѣ эта порча! — сказала Настька. — Прежняго цвѣта ужъ не будетъ,—кто тебя возьметъ?

Digitized by Google

— Ѳедоръ дернопольскій бралъ, — произнесла Донька, опустивъ глаза.—Говоритъ: ничего, что ты порченая. А только нельзя ему къ намъ въ домъ итти, ему бабу къ себѣ нужно.

— Ну, вотъ, Богъ дастъ, не найдется тебѣ жениха, и пойдешь за Ѳедора,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, гдѣ же! Нельзя. Кто меня пуститъ? Мама больная лежитъ, батѣ одному не управиться. Мнѣ на сторону идти нельзя...

Серпъ мѣсяца скрылся за лѣсомъ, было темно; отъ сажалки тянуло запахомъ влажной тины. Осинка на берегу робко шумѣла листьями; она была такая же стройная, какъ Донька... Эта осинка стоитъ тутъ,—ее сѣчетъ градомъ, треплетъ вѣтромъ, ребята обламываютъ на ней вѣтки, а она стоитъ, робкая и тихая, и съ неразсуждающею покорностью принимаетъ все, что на нее посылаетъ судьба. Придетъ чужой человѣкъ, подрубитъ топоромъ ея стройный стволъ,—и она съ тою же покорностью упадетъ на землю, и останется отъ нея только сухой, мертвый пенекъ...

Я лежалъ на копнѣ... Въ небѣ теплились звѣзды, съ поля, изъ-за кустовъ, несло широкимъ тепломъ; въ лѣсу стоялъ глухой, сонный шумъ. Тѣло, неподвижное и отяжелѣвшее, какъ будто стало чужимъ, мысли въ головѣ мѣшались, и мѣшались представленія. Стройная осинка, стройная Донька, обѣ робко и покорно смотрящія въ темноту.. Милая, милая!.. Сколько въ ней глубокаго, несознаннаго трагизма, и сколько трагизма въ этой несознанности!..

Digitized by Google

II.

Похороны.

Въ концѣ августа въ домѣ Коломенцовыхъ появился новый человѣкъ; это былъ молодой парень, худой и маленькій, съ землисто блѣднымъ лицомъ; одѣтъ онъ былъ по-городски, въ пиджакъ и жилетку. Проѣзжая по деревенской улицѣ, я не разъ видѣлъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Донькой рубилъ около избы хворостъ или молотилъ на току рожь. И странно было смотрѣть на этого маленькаго, какъ будто недоношеннаго природою человѣчка рядомъ со стройною красавицею Донькою съ ея тонкими, сильными руками... Неужели это новый женихъ?

Однажды вечеромъ я проходилъ мимо избы Коломенцовыхъ. На порогѣ, кутаясь въ тулупъ, сидѣла старуха-мать Доньки, Мавра, съ желтымъ, мертвенно сухимъ лицомъ и громаднымъ животомъ. У нея циррозъ печени и порокъ сердца, она ужъ второй годъ еле двигается и только въ хорошіе дни выползаетъ на порогъ. Поздоровались.

— Какъ дѣла у васъ?—съ любопытствомъ спросилъ я.

Мавра сдѣлала хитрое и торжествующее лицо.

— Батюшка! Женишокъ новый объявился! — таинственно сообщила она.

— Это тотъ-то, маленькій?

— Да, да, да, да, да... Онъ, видишь, шпитонокъ *),

*) Питомецъ воспитательнаго дома.

Digitized by Google

въ Тулѣ живетъ въ музыкантахъ,—зашептала она.— Значитъ, прожилъ у насъ недѣльку, чтобъ и ему присмотрѣться, и намъ его узнать... Нынче утромъ ушелъ въ Тулу... Приглянулась ему дѣвка-то! Извѣстное дѣло, сейчасъ же добрые люди понасказали про нее, ну, а онъ: „пустяки, говоритъ, я этимъ не антиресуюсь!..“ Да ты, батюшка, зайди въ избу!

Вотъ оно, совершилось!.. У меня тяжело сжалось сердце. Мы съ Маврой вошли въ избу. Изба была черная, тѣсная, какъ клѣтушка, съ грязнымъ земляным поломъ; въ ней пахло сажею и залежавшимся навозомъ.

Изъ риги воротились съ молотьбы Донька и ея отецъ Аѳанасій; Аѳанасій былъ высокій и худой старикъ, съ такимъ же, какъ у Доньки, продолговатымъ лицомъ; въ его глазахъ было то спокойно-подчиненное, смиренное выраженіе, какое часто бываетъ у старыхъ мужиковъ.

— Онъ гдѣ же играетъ въ Тулѣ?—спросилъ я Мавру про жениха.

— А тамъ въ хору, что ли, въ какомъ. По десять рублей ему платятъ въ мѣсяцъ... Ученый. Читать можетъ псалтыри надъ покойниками, все, что хочешь. Ростомъ низменный, а ужъ то-то разумомъ уменъ!

— Чудной такой!—медленно улыбнулась Донька, сидя на лавкѣ у окна, съ руками на колѣняхъ.— Деревенской работы совсѣмъ не понимаетъ, робливый. Скажешь: поди, напои лошадь!—„Она забрыкаетъ!“—Пригони корову!—„Она забодаетъ!“

— Плохъ насчетъ нашей работы,—согласилась

Digitized by Google

Мавра,—мало понимаетъ. „Я, говоритъ, мама, только курочекъ на своемъ вѣку и видѣлъ...“ Разъ послалъ его хозяинъ дровецъ порубить, а дѣвка изъ сарая въ щелку и подглядѣла: отрубитъ онъ колышекъ, и къ глазамъ его,—значитъ, плохъ глазами, опытности у него въ глазкахъ нѣту... „Вы, говоритъ, мама, не опасайтесь: я хоть на работу плохъ, а однимъ чтеньемъ на подани заработаю“. Ну, а гдѣ тамъ! Подань у насъ тяжелая!

— Да только ли онъ глазами плохъ? Нѣтъ ли у него еще какой болѣзни?—спросилъ я, вспоминая подозрительно-землистый цвѣтъ лица парня.

— Господь его знаетъ, батюшка! Нешто мы понимаемъ? Дѣвка-то вотъ доглядѣла: подъ мышкой справа у него рубаха въ желтыхъ пятнахъ, вродѣ какъ бы матерія выступаетъ изъ бока... Ну, да вѣдь не всякому здоровымъ быть!

— Загублю я себя!—вздохнула Донька, глядя въ темный уголъ избы.

— Нужно, батюшка, такъ сказать, что и на томъ спасибо!—поучающе заговорилъ Аѳанасій.— Горе такое вышло, испортили дѣвку у насъ, не беретъ никто. А сыновъ-то нѣту, дома передать некому,—видишь? Пропадать приходится дому.

— А сохранить-то, значитъ, хочется!—объяснила мнѣ Мавра.—Присватывался тутъ къ дѣвкѣ женишокъ одинъ, изъ Дернополья, да не можетъ онъ къ намъ въ зятья итти, а мы дѣвку отдать не можемъ: нѣту сына, надобно зятя добывать.

— Плохъ паренекъ, плохъ, это надо правду сказать!—раздумчиво произнесъ Аѳанасій. — Мало пользы отъ него будетъ, а что подѣлаешь? До

Digitized by Google

куда ждать? Брезгуютъ дѣвкою, сами видимъ—съ изъяномъ.

— Отдали бы вы ее за Ѳедора дернопольскаго. Что вы дѣвку-то губите?—сказалъ я.—Сами говорите, плохъ парень, а вѣдь ей съ нимъ всю жизнь маяться. Пожалѣли бы дочь!

— Батюшка, да нешто не жалѣемъ?—скорбно возразила Мавра.—Ужъ такъ-то жалѣемъ! Да что жъ подѣлаешь? Нельзя намъ ее въ чужой домъ отдать,—что съ хозяйствомъ станется? Дуры-то мы, дуры, силы мужичьей у насъ нѣту, а не обойдешься безъ насъ въ хозяйствѣ, нужно, чтобъ баба была. А отъ меня, милый, пользы никакой нѣту, ужъ второй годъ лежу... Старикъ и то иной разъ заругается: „когда ты сдохнешь?“ Извѣстно, наше дѣло хрисьянское, рабочее. Только хлѣбъ задаромъ жуешь.

Доня неподвижно сидѣла на лавкѣ, задумчиво глядя въ уголъ. Керосинка безъ стекла тускло горѣла на столѣ, дымъ коптящею, шевелящеюся струйкою поднимался къ потолку; по стѣнамъ тянулись сѣрыя тѣни, за закоптѣлою печкою шевелилась густая темнота. И изъ этой темноты, казалось мнѣ, пристально смотритъ въ избу мрачный, безпощадный духъ дома; онъ намѣчаетъ къ смерти ставшую ему ненужною старуху; какъ огромный паукъ, невидимою паутиною крѣпко опутываетъ покорно-опущенныя плечи дѣвушки... И мнѣ пришло въ голову: не онъ ли, этотъ закоптѣлый, прикованный къ печкѣ духъ, такъ возмущающій меня своею тупою безпощадностью, не онъ ли одинъ

Digitized by Google

даетъ все-таки хоть какой-нибудь смыслъ всей этой непонятной мнѣ жизни?..

— А какъ намъ вотъ приводить-то теперь зятя!— вздохнулъ Аѳанасій.—Нужно міру ведро вина поставить, чтобъ подписали приговоръ, ветчины выложить на закуску... А капиталъ у насъ тонокъ, не вытянемъ.

Въ концѣ августа, въ воскресенье, Аѳанасій обратился на сходѣ къ міру съ просьбою разрѣшить ему принять въ домъ зятя. Рѣшеніе вышло ужасное: міръ наотрѣзъ отказалъ. Этого, собственно, и слѣдовало ожидать: всѣ томились безземельемъ, земли не хватало своимъ, и безумно было принимать въ общество еще новыхъ членовъ. Правда, нѣкоторые, соблазняясь предстоящимъ угощеніемъ, заговорили, что слѣдовало бы уважить старика. Но противъ нихъ рѣшительно и рѣзко возсталъ Михайло Шестопаловъ, умный, энергичный мужикъ, горячо принимавшій къ сердцу общественные интересы.

— Не принимаемъ! Не согласны! — бунтовалъ онъ. — Не можемъ мы землю отдавать чужакамъ: своимъ мало!

Аѳанасій, блѣдный и смиренный, мялъ въ рукахъ шапку.

— Дозвольте, православные, домъ сохранить!— дрожащимъ голосомъ просилъ онъ.

— Несогласны! — оралъ Михайло. — Староста! Засвидѣтельствуй: несогласны! Не можемъ мы землю

Digitized by Google

раздавать!.. Трехъ зятьевъ ужъ приняли, показали дурость свою... Будетъ! Довольно!

— Вѣрно! Невозможно отдать!—согласился Арсентій, хромой мужикъ съ умнымъ, тонкимъ лицомъ. Онъ и Михайло вертѣли старостою и сходомъ и всегда умѣли заставить міръ принять то, что находили нужнымъ.

— Ужъ видно, дядя Аѳанасій, не иначе, какъ дому твоему конецъ нужно сдѣлать,—сочувственно вздыхая, сказалъ Сергѣй Софронычевъ.

Сходъ расходился. Мавра, несмотря на холодный вѣтеръ, сидѣла на порогѣ своей избы; съ побѣлѣвшими губами и мутными глазами, она растерянно качала головою. Около нея стояла блѣдная Донька, прижимая къ груди руки, и неподвижно смотрѣла на расходившихся по дорогѣ мужиковъ.

Вечеромъ Донька прибѣжала за мною и попросила поскорѣе прійти къ нимъ: Маврѣ стало очень худо, и ее ужъ причастили.

Она лежала на полатяхъ и протяжно охала. Я изслѣдовалъ ее; дѣло было плохо: сердце переставало работать, появился отекъ легкихъ.

Въ темномъ углу, около печки, что-то зашевелилось на землѣ. Это былъ Аѳанасій. Босой, въ распоясанной рубахѣ, онъ поднялся и, шатаясь, подошелъ ко мнѣ.

— Баринъ! Я чувствую! произнесъ онъ.—Вотъ пришелъ ты къ намъ, старуху мою хочешь полѣчить... Дай тебѣ Господь добраго здоровья! Стараешься для насъ!..—Старикъ покачнулся и оглядѣлъ меня пьянымъ взглядомъ.—Извините!—про-

Digitized by Google

бормоталъ онъ.—Извините... Простите меня, грѣшнаго раба, недостойнаго!!

Онъ рухнулъ на колѣни и прижался лицомъ къ моему сапогу. Донька подошла къ нему.

— Батя, оставь! Лягъ на лавку!

Она подняла его и повела къ лавкѣ.

— Уйди!—вдругъ сказалъ онъ, вырвалъ руку и опять сѣлъ на землю около печки.

Снаружи бушевалъ вѣтеръ; онъ съ шелестящимъ шорохомъ проносился по соломенной крышѣ и глухо ворчалъ въ трубѣ. Мавра, покрытая тулупомъ, хрипло стонала, въ груди ея клокотало.

— Ну, ладно!.. Ну, покорно благодаримъ!.. — говорилъ Аѳанасій, сидя въ углу на своихъ босыхъ ногахъ.—Что-жъ, о чемъ толкъ?.. Помиратъ намъ всѣмъ нужно... Правильно? Мы всѣ одного Бога боимся... А съ дѣвки не спросишь. Что дѣвка?—навозъ! Вывезъ въ поле, и нѣтъ ея.—Старикъ помолчалъ.—Жена!—вдругъ грозно позвалъ онъ.

Хриплые, долгіе стоны Мавры наполняли избу и мѣшались съ шумомъ вѣтра. Потомъ вдругъ изъ ея груди вылетѣлъ ясный, чистый, громкій звукъ и замеръ. На минуту стало тихо.

— Жена! — выразительно повторилъ Аѳанасій.

— Охъ! Охъ! Охъ! — быстро захрипѣли снова короткіе, отрывистые стоны.

— Буде тебѣ, батя! Сиди! — убѣждала отца Донька.

— Уйди!—упрямо произнесъ Аѳанасій; онъ поднялся и, въ развалку ступая своими босыми ногами, пошелъ къ полатямъ.

Digitized by Google

— Жена-а! — грозно и протяжно позвалъ онъ снова.

— Ну, куда ты? Помираетъ Мавра, отойди!— сказалъ я, удерживая его.

Старикъ остановился передо мною.

— Баринъ! я понимаю!.. Подсобить хочешь старухѣ,—ну, дай тебѣ Богъ добраго здоровья!.. А что жалко? Я говорю: „дайте домъ сохранить!"—а они... Вѣдь самъ избу-то срубилъ, милый! Любовался на нее, какъ на красное солнышко!.. А хозяйка, знай, все однѣхъ дѣвокъ родитъ... Что же это? Мало я ее училъ за это дѣло?.. Которыя померли, которыя замужъ повыданы... Вонъ дѣвка одна осталась... Ба-аринъ!..

Онъ всхлипнулъ и забилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Конецъ вѣдь дому моему исдѣлали, что-жъ я теперь буду дѣлать? Мы вѣдь не отказываемся, угощеніе поставимъ по закону; зачѣмъ мы будемъ противъ міра капризиться?..

Съ наръ опять раздался ясный, громкій крикъ, и все смолкло. Я поспѣшилъ къ Маврѣ. Она агонизировала, грудь ея тяжело и неровно вздымалась.

Вѣтеръ ударилъ въ оконце избы, зазвенѣлъ склеенными газетою осколками стеколъ и взмылъ по крышѣ къ трубѣ. Въ трубѣ опять заворчало, и какъ будто кто-то въ ней зашевелился.

Аѳанасій, взлохмаченный, съ красными глазами, сидѣлъ у печки и, хитро посмѣиваясь, глядѣлъ на насъ. Вдругъ онъ устремилъ глаза въ землю, лицо его приняло свирѣпое выраженіе.

Digitized by Google

— Аа-а!—ахнулъ онъ и изо всей силы ударилъ кулакомъ въ земляной полъ.

— Батя, да будетъ тебѣ!—увѣщевала его измученная Донька.

— Ничего! — пробормоталъ старикъ.—О чемъ толкъ? Землю не прошибешь... Не прошибешь ее, матушку, она все стерпитъ!..

И съ пьянымъ рыданіемъ онъ припалъ къ полу.

Донька, блѣдная, какъ призракъ, сидѣла на лавкѣ, уронивъ на колѣни свои тонкія руки. А вѣтеръ вылъ на дворѣ, и въ трубѣ какъ будто плакалъ кто-то,—плакалъ старый, закоптѣлый духъ погибающаго дома... И казалось мнѣ,—смертью и могильнымъ холодомъ полна ужъ эта изба, и двигающіеся, корчащіеся призраки хоронятъ что-то, что давало имъ всѣмъ жизнь и смыслъ жизни.

III.

Одинокій.

Года черезъ два, въ началѣ сентября, мнѣ снова пришлось быть въ этихъ мѣстахъ. Я ѣхалъ въ телѣгѣ съ однимъ дернопольскимъ парнемъ, Николаемъ. Небо было въ тучахъ, на поляхъ рыли картошку, заросшія полынью межи тянулись черезъ бурыя, голыя жнивья. На беревской горѣ мы нагнали высокаго, худого и лохматаго старика; онъ медленно шелъ по дорогѣ, опираясь на длинную палку-посохъ. Заслышавъ телѣгу, старикъ посторонился и обратилъ къ намъ свое худое, продолговатое лицо.

Digitized by Google

— Дѣдушка-Аѳанасій, здравствуй!—сказалъ я.

Онъ съ недоумѣніемъ прищурилъ подслѣповатые глаза, потомъ узналъ и оживился.

— Здравствуй, батюшка! Здравствуй!

— Садись къ намъ, подвеземъ!

Старикъ взобрался на телѣгу. Онъ сильно постарѣлъ и обросъ, коричневая шея была покрыта сѣтью морщинистыхъ трещинъ, сѣдая бородка мѣшалась у висковъ съ нависшими космами мочальныхъ волосъ.

— Донька-то твоя умерла!—сочувственно обратился я къ нему. Я ужъ слышалъ, что она неожиданно умерла тою же осенью, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ.

— Померла, — медленно отвѣтилъ Аѳанасій.— Который мѣсяцъ подъ Покровъ бываетъ, въ этотъ. Въ три дня испеклась.

— Съ чего же это?

— Кто-жъ ее знаетъ! Значитъ, смерть пришла.

— Какъ же ты теперь живешь? Одинъ?

— Одинъ, милый, одинъ!—Старикъ подумалъ.— Одинъ!—рѣшительно подтвердилъ онъ.

— Тяжело тебѣ одному управляться!

— Съ чего тяжело?—По тонкимъ губамъ Аѳанасія промелькнула юмористическая усмѣшка.— Лежишь на печкѣ: живъ,—стало быть, слава Богу! Померъ,—смерть все одна! Чего жъ мнѣ? Только бы душу сообщить, а помирать все одинъ будешь. Одинъ, а не вдвоемъ; помогать никто не станетъ,— помирать-то!

— Что-жъ ты, самъ и печку топишь, и обѣдъ варишь?

Digitized by Google

— Самъ. Кому жъ еще?.. Все одинъ. Ни навить, ни подать некому; навьешь сѣна на телѣгу,—полѣзай, притаптывай; а потомъ опять—скокъ на землю!—дальше клади... Придешь домой,—корову подои, ужинъ справь...

Старикъ разсказывалъ, и на его губахъ играла та же усмѣшка, какъ будто онъ забавлялся впечатлѣніемъ, которое должны были производить его слова.

— А народъ пользуется,—помолчавъ, заговорилъ онъ.—Въ лѣтошній годъ связать взяли по двадцать пять копѣекъ съ копны: онъ, говорятъ, отдастъ! Ему вязать некому. Раньше по двадцать пять копѣекъ брали *сжать* копну, а теперь, видишь ты,—*связать*!.. Хреста нѣту. А не связалъ,—такъ и ѣдутъ по твоему хлѣбу, нѣтъ, чтобъ на межу своротить... „А онъ зачѣмъ, говорятъ, не убираетъ?“ Всю рожь въ землю втопчутъ.

Аѳанасій задумался.

— Намедни на работѣ былъ, прихожу домой: дверь изнутри на засовъ заперта, окно высадили. Топоръ скрали, недоуздокъ, хомутъ... Съ кого спросишь? до чужого никому дѣла нѣтъ. А самъ нешто доглядишь? Все одинъ... Вонъ наши исполу взялись у барина землю убирать, своей-то земли мало у насъ. Глаза-то вѣдь смотрятъ, тоже и самому хочется всѣдъ за другими, а гдѣ ужъ!.. А двадцать-то рублей въ годъ на подани отдай. На то не глядятъ, что борода чалая; подъ окошко батожкомъ: стукъ, стукъ! „Дѣдушка-Аѳанасій, неси подань!..“

Онъ сталъ молча глядѣть на далекія, подерну-

Digitized by Google

тыя дымкою жнивья, и въ его взглядѣ была смиренная, неразсуждающая покорность; мнѣ вспомнилось,—совсѣмъ такимъ взглядомъ два года назадъ смотрѣла въ лѣтній сумракъ Донька надъ Гремячимъ колодцемъ.

— Ну, тутъ слѣзать мнѣ,—сказалъ Аѳанасій.— Вамъ кругомъ ѣхать, а я напрямикъ пойду, оврагомъ. Спасибо, батюшка, будь здоровъ!

Онъ слѣзъ и, опираясь на свою длинную палку, пошелъ къ оврагу, за которымъ сѣрѣла деревня; высокій и изсохшій, с спутанными, отросшими волосами, онъ выглядѣлъ пустынникомъ, одичавшимъ въ своемъ безлюдьѣ.

Мой возница, Николай, прищурясь, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Изъ волости идетъ, въ холодной отсиживалъ,—сказалъ онъ.

— За что?

— За что! Что жъ онъ справить можетъ, такой-то? Гдѣ ему землю свою оправдать?.. Зажился дѣдко, чужой вѣкъ живетъ!—неодобрительно прибавилъ Николай и хлестнулъ лошадь.

Вечеромъ я вышелъ на крыльцо. Небо было въ густыхъ тучахъ, въ темнотѣ накрапывалъ теплый дождь; за ручьемъ мигали рѣдкіе огоньки деревни. Я вглядывался въ нее, стараясь различить избу Аѳанасія; но ничего не было видно, только черныя тучи медленно клубились надъ деревней, и между ними кое-гдѣ виднѣлись пятнистые, мутно-блѣдные просвѣты неба.

Этотъ старикъ сидитъ теперь въ своей пустой избѣ; въ ней пахнетъ холодною сажею; за нетоп-

Digitized by Google

леной печкой ежится въ темнотѣ затравленный, одичавшій духъ дома. А съ улицы на развалюшку-избу холодно и враждебно смотрятъ другія избы, крѣпкія сознаніемъ своего права на жизнь.

Черныя тучи клубились и вздымались надъ деревнею. И казалось мнѣ,—огромный, темный духъ наклонился надъ избою Аѳанасія; тяжелою рукою онъ сдавилъ горло приникшаго за печкою „дворного“ и душитъ его,—медленно, спокойно и безпощадно...

Digitized by Google

ВЪ ОДИНОЧКУ.

... Мы вышли изъ сталековочнаго цеха, перебрались черезъ кучу остывшаго шлака и по насыпи спустились внизъ, къ рельсамъ. Здѣсь стоялъ полумракъ, перекрещивающіяся полосы рельсовъ тускло блестѣли въ темнотѣ, и было тихо. Хотѣлось на минуту передохнуть отъ грома мастерскихъ, отъ рѣжущаго глазъ свѣта раскаленнаго желѣза. Мы съ проводникомъ присѣли на земляную насыпь и закурили.

Кругомъ, въ мастерскихъ завода, раздавался бѣшеный лязгъ желѣза и глухіе удары тысячепудовыхъ молотовъ; огненныя пасти горновъ и сварочныхъ печей ярко блестѣли сквозь дымъ. Вдали молчаливыми громадами высились доменныя печи; время отъ времени изъ ихъ дымящихся жерлъ вырывалось огромное фіолетовое пламя и трепетнымъ свѣтомъ освѣщало все вокругъ. Въ воздухѣ было душно, пахло сѣрою и каменноугольнымъ дымомъ.

Порожній паровозъ, весело и угрожающе свистя, промчался мимо насъ къ доменнымъ печамъ. Вокругъ одной изъ нихъ происходила суета, двига-

Digitized by Google

лись тѣни рабочихъ, — и вдругъ яркая, тяжелая струя расплавленнаго чугуна медленно полилась изъ основанія печи. Все освѣтилось вокругъ; освѣтился снизу валившій изъ трубъ дымъ, освѣтились закопченыя стѣны мастерскихъ и гладкія, выкрашенныя въ палевую краску доменныя печи; электрическіе фонари потускнѣли. Чугунъ, сверкая горячимъ, до боли яркимъ свѣтомъ, медленно ползъ въ пескѣ къ проходу между печами и по жолобу полился въ чанъ; онъ лился ровною, огненною струею, и брызги ярко-синими звѣздами разлетались въ стороны. А кругомъ грохотали и дымились мастерскія, гдѣ-то неподалеку слабо и непрерывно свистѣлъ свистокъ, воздухъ сталъ еще душнѣе. Я отвернулся отъ печей. Въ темномъ небѣ мерцали звѣзды, тусклыя и желтыя отъ заволакивавшаго ихъ дыма; какъ-то странно и неожиданно было видѣть ихъ, — странно было подумать, что гдѣ-то тамъ, за этимъ міромъ огня, смраднаго дыма и грохота, существуетъ чистое, тихое небо.

Доменную печь закрыли, кругомъ опять стало темно. Мы поднялись и пошли дальше. Паровозъ съ прицѣпленнымъ къ нему чаномъ промчался мимо насъ въ бессемеровочное отдѣленіе, по прежнему весело и угрожающе свистя въ темнотѣ.

Мы переходили изъ мастерской въ мастерскую. Повсюду вокругъ насъ кипѣло и двигалось раскаленное и расплавленное желѣзо, ногамъ горячо было ступать по полу, глаза слезились отъ яркаго свѣта. Паровые молоты тяжело ухали по огненнымъ массамъ, съ силою разбрасывая въ стороны брызги расплавленнаго шлака; быстро катились

Digitized by Google

желѣзныя тачки съ безформенными массами раскаленной крицы.

— Ге-ей! — раздавались отовсюду предостерегающіе крики.

У меня начинала кружиться голова, я терялся, не зная, куда сторониться отъ этого живого желѣза, со всѣхъ сторонъ катившагося, лившаго и брызгавшаго на насъ.

Кругомъ все лихорадочно спѣшило куда-то, какъ будто что-то невидимое висѣло въ воздухѣ, торопя и гоня впередъ окружавшихъ насъ молчаливыхъ людей. На глазахъ происходили прямо чудесныя превращенія. Раскаленныя толстыя болванки быстро подвозились на тачкахъ къ вальцовой машинѣ; прокатные валки одинъ за другимъ втягивали въ себя эти болванки и выбрасывали ихъ обратно, и онѣ становились все уже, длиннѣе; наконецъ длинными огненными змѣями выбѣгали онѣ изъ машины и ползли по полу на другой конецъ мастерской, къ круговой пилѣ; пила съ визгомъ рѣзала ихъ на куски, взбрасывая на воздухъ фонтаны синихъ искръ, — и полосы, въ видѣ ужъ совсѣмъ готовыхъ рельсовъ, оттаскивались рабочими къ стѣнѣ... Повсюду вертѣлись маховики и жалобно пѣли приводы, машины быстро сверлили, гнули и рѣзали сталь и чугунъ, какъ мягкое дерево. Машины царили вездѣ, и вокругъ нихъ жалкими рабами казались эти угрюмые люди съ черными отъ желѣза и копоти лицами и странно бѣлѣвшими бѣлками глазъ.

Я вышелъ изъ завода въ одиннадцатомъ часу вечера. Надъ пустынной улицей слободы тепли-

Digitized by Google

лись звѣзды, съ Волги дулъ слабый вѣтерокъ и шумѣлъ въ сонныхъ ветлахъ, лачуги спали крѣпкимъ сномъ. А сзади меня грохоталъ безсонный заводъ; окутанный тусклымъ заревомъ, съ чернѣвшими громадами трубъ и доменныхъ печей, онъ выглядѣлъ, какъ огромное пожарище; надъ нимъ медленно клубился огненный дымъ, лишь далеко надъ полями собиравшійся въ густое, черное облако. Я выбрался изъ слободы и пошелъ по дорогѣ.

Ужъ не въ первый разъ я видѣлъ заводъ; но при каждомъ новомъ осмотрѣ меня, какъ новичка, подавляетъ все видѣнное. Подавляетъ эта своеобразная, мрачная поэзія завода, эти нечеловѣческія условія заводской работы и самый характеръ труда,—скучнаго, непривлекательнаго, который въ самомъ себѣ *не можетъ* дать удовлетворенія и счастья; больше же всего подавляетъ машина. Глядя на нее, чувствуешь, что нѣтъ на свѣтѣ силы, которая бы одолѣла ее; могучая и непреоборимая, она все завоюетъ, все подчинитъ себѣ, и бороться съ нею смѣшно; а между тѣмъ вотъ они, захваченные ею люди,—блѣдные и узкогрудые, вмѣсто воздуха дышащіе дымомъ, по двѣнадцати часовъ работающіе чуть не въ пылающемъ огнѣ, — люди, глядя на которыхъ, спрашиваешь себя: „да неужели же нѣтъ границы человѣческой приспособляемости?“ И такъ пойдетъ все дальше, и втягиваться сюда будетъ все больше людей, и предотвратить этого невозможно...

Ночь я провелъ въ сосѣдней деревушкѣ, на сѣнѣ. Спалъ я плохо; ночь была душная; какія-то козявки изъ сѣна ползали по тѣлу, руки и одежда

Digitized by Google

пахли копотью и машиннымъ масломъ; все время я слышалъ сквозь сонъ, какъ въ клѣти трещалъ сверчокъ, и какъ на другомъ концѣ деревни непрерывно блеяла больная овца, словно ребенокъ плакалъ. Когда я засыпалъ, въ моихъ ушахъ звучалъ бѣшеный лязгъ желѣза, передъ глазами тянулись длинныя огненныя полосы и взвивались фонтаны синихъ искръ; мнѣ казалось, что со всѣхъ сторонъ на меня катятся тачки съ раскаленной крицей, слышались предостерегающіе крики: „гей!— и я просыпался.

Всталъ я поздно, съ тяжелою головою, съ потнымъ и зудѣвшимъ отъ сѣнной трухи тѣломъ. Простившись съ хозяевами, я взялъ свой саквояжъ и пошелъ къ Волгѣ. По обрыву крутымъ полукругомъ спускалась къ рѣкѣ дорога, наверху стоялъ трактиръ съ мелочною лавкою. Небо было ясное, нѣжно-синее, по широкой глади Волги играли мелкія темносинія волны, и среди нихъ тянулись вдоль рѣки ровныя, свѣтлыя полосы. Подъ обрывомъ, на берегу, усыпанномъ хрящемъ, рыбакъ съ угрюмымъ, рябымъ лицомъ смолилъ лодку; синій дымокъ отъ костра поднимался вверхъ и терялся въ отрогахъ обрыва, заросшаго елями и березками.

Я спустился къ рѣкѣ и выкупался. На душѣ стало бодро и весело, вчерашнія впечатлѣнія сразу словно смылись, и съ радостнымъ чувствомъ хотѣлось смотрѣть на вольную, чистую рѣку и глубоко дышать свѣжимъ вѣтромъ, слабо дувшимъ съ луговъ.

— Пароходъ вверхъ скоро пройдетъ?—спросилъ я рыбака.

Digitized by Google

— Черезъ часъ прошлепаетъ, — отвѣтилъ онъ, не глядя на меня.

Я договорился съ нимъ, чтобы онъ подалъ меня на пароходъ. Пытался я съ нимъ разговориться, но рыбакъ отвѣчалъ односложно и неохотно. Я сѣлъ недалеко отъ костра на приступочку, образовавшуюся на берегу отъ весенняго приплеска.

Даль рѣки терялась въ голубой дымкѣ, съ нагорнаго берега выбѣгали мысы, заросшіе лѣсомъ; на той сторонѣ желтѣла большая песчаная отмель, за нею, въ густомъ тальникѣ, высились корявыя осокори и березы. Вдоль того берега тянулась по рѣкѣ темная, ровная полоса воды,—такъ называемое „подвалье“, — ограничивавшая широкую мель. Чайки весело кружились надъ проплывавшими баржами и плотами.

Къ рѣкѣ спустились по дорогѣ два путника. Одинъ изъ нихъ былъ коренастый парень съ круглымъ, чернобровымъ лицомъ, аккуратно подстриженный въ скобку, въ новомъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ; на плечахъ онъ несъ довольно тяжелый мѣшокъ. Спутникъ его, невысокій и худощавый человѣкъ лѣтъ тридцати, былъ одѣтъ въ замасленную синюю блузу и оборванные штаны на выпускъ; руки его были черны отъ желѣза, на лѣвомъ глазу сидѣло бѣльмо, блѣдное лицо съ свѣтлыми усиками отливало тѣмъ маслянисто-сѣрымъ глянцемъ, который такъ характеренъ для людей, имѣющихъ дѣло съ желѣзомъ. Въ рукахъ онъ держалъ небольшой узелокъ.

— Низового парохода дожидаетесь?—обратился

Digitized by Google

ко мнѣ чернобровый парень, оглядывая меня своимъ веселымъ, спокойнымъ взглядомъ.

— Да.

— Вмѣстѣ, значитъ, поѣдемъ.

Онъ опустилъ мѣшокъ на землю и, снявъ картузъ, утеръ потный лобъ.

— Вы не съ завода?—спросилъ я.

— Съ завода оба...

Я зажегъ спичку, чтобъ закурить погасшую папиросу.

— Дай-ка, землякъ, огоньку! — сиплымъ голосомъ сказалъ спутникъ черноброваго парня, вынимая изъ бокового кармана блузы смятую папиросу.

Я протянулъ ему горящую спичку. Онъ закурилъ и сѣлъ рядомъ со мною.

— Ушелъ изъ трактира, — обратился онъ ко мнѣ; — зазорно сидѣть, скажутъ: „ишь, Куликовъто: пьянствуетъ!“

— А вы не пьете?—спросилъ я, нѣсколько пораженный такою стыдливостью.

Куликовъ поднялъ брови и вопросительно взглянулъ на своего спутника.

— Спрашиваютъ тебя: не пьешь ты?—крикнулъ чернобровый парень. — Вы съ нимъ погромче говорите, — сказалъ онъ мнѣ вполголоса: — онъ по котельному цеху, плохо слышитъ.

— Со Страшной же не пью! — отвѣтилъ Куликовъ, словно удивившись, что я этого не знаю.

— А это тебя что же, вѣтромъ, что ли, въ сторону сейчасъ шибануло?—спросилъ рыбакъ, искоса оглядѣвъ Куликова.

Digitized by Google

— Съ чего шибать-то? — урезонивающимъ тономъ возразилъ Куликовъ.—Говорю же: со Страшной не пью.

— Пивца мы съ нимъ только выпили сейчасъ парочку-другую, — съ улыбкою сказалъ чернобровый парень (звали его, какъ я потомъ узналъ, Ѳедоръ Серегинъ).

Куликовъ, поднявъ брови, повелъ головою въ его сторону.

— Я говорю: пиво-то мы съ тобою сейчасъ въ трактирѣ пили, — ай позабылъ? — повторилъ Серегинъ.

— Такъ нешто съ пива будешь' пьянъ? Напитокъ легкій.

— Насчетъ легкости что говорить!—иронически согласился рыбакъ.

Куликовъ затянулся папироскою и меланхолически поглядѣлъ на рѣку.

— Изъ завода-то ушелъ я!—сказалъ онъ, тронувъ меня большимъ пальцемъ за плечо.—Просилъ Василій Лукьянычъ: „оставайся, Куликовъ!“—Нѣтъ, говорю... (Онъ снова затянулся и сплюнулъ въ сторону). У насъ на заводѣ сторожъ больше имѣетъ силы, чѣмъ мастеръ! — съ недоумѣніемъ продолжалъ Куликовъ. — Можетъ тебя и подъ штрафъ подогнать, и до работы не допустить... Намедни идемъ на работу, товарищи для смѣху говорятъ: „ишь, Куликовъ-то, пьяный на работу идетъ!“ Понятно, такъ говорятъ, для смѣху... А сторожъ не пускаетъ: ты, говоритъ пьянъ, мнѣ тебя нельзя пропустить. — „Я-то пьянъ? Какъ же это?..“ Не пускаетъ.—„Нѣтъ“, говорю... Конечно, дождался Петра

Digitized by Google

Степаныча, записку взять у него. Онъ не даетъ: ты, говоритъ, дѣйствительно, пьянъ... Сторожу больше вѣритъ! „Ну, говорю, прощайте! Коли до работы не хотите допускать, такъ какъ же это?“...

Куликовъ говорилъ сиплымъ голосомъ, какъ-то добродушно-довѣрчиво поднявъ брови; онъ какъ будто былъ убѣжденъ, что всякій долженъ знать, кто это Василій Лукьянычъ и Петръ Степанычъ,— долженъ знать, что онъ, Куликовъ, работалъ на заводѣ и со страстной не пьетъ.

— Такъ и ушелъ! — продолжалъ Куликовъ, пожавъ плечами.—Взялъ расчетъ въ конторѣ: до свиданья! говорю... Не подошло, значитъ, дѣло у насъ; благородному человѣку я всегда покорюсь, а сторожу,—нѣтъ, не могу: не хватаетъ тону! Что уряднику, что сторожу, что мужику, — убей меня, не поклонюсь. А то я аккуратно живу, никто ничего не скажетъ.

— Поклонишься, братъ, и мужику, какъ нужда придетъ, — хмуро произнесъ рыбакъ.

— Мужику? Нѣ-ѣтъ! — успокоительно отвѣтилъ Куликовъ. — Я этого даже не могу терпѣть, чтобъ мужику кланяться.

— Вы куда же теперь ѣдете, — въ деревню къ себѣ?—спросилъ я.

Куликовъ съ нѣкоторымъ даже упрекомъ взглянулъ на меня.

— Зачѣмъ въ деревню? На Обуховскій же заводъ ѣду, въ Петербургъ! — напоминающе произнесъ онъ. — Что въ деревнѣ-то дѣлать? Невидаль!

— Онъ въ деревнѣ и избу-то свою ужъ четвер-

Digitized by Google

тый годъ, какъ на сносъ продалъ, — съ улыбкою сказалъ Серегинъ.

— Не въ Москву, что ты? Въ Петербургѣ заводъ-то, а не въ Москвѣ,—возразилъ Куликовъ.

— *Избу*, я говорю,—избу свою ты продалъ въ деревнѣ!—засмѣялся Серегинъ.—Не о Москвѣ толкъ, а объ избѣ!

— Вы это отъ работы такъ плохо слышите?—спросилъ и Куликова.

— Я же по котельному цеху,—отвѣтилъ Куликовъ. — Ну, что-жъ тамъ, — ватою уши закладаешь, такъ развѣ этимъ убережешься? Держишь заклепку, а сверху четыре молотобойца бьютъ по штампѣ; въ кувалдѣ каждой полпуда, а то и тридцать фунтовъ. Въ котлѣ какой гулъ стоитъ!.. Глазъ опять,— гдѣ же я испортилъ? — прибавилъ онъ, помолчавъ.—Желѣзо-то кипитъ, по немъ бьютъ, а окалины на тебя сыпятся. Н-ну...

Онъ пожалъ плечами и затянулся папироскою.

Внизъ по рѣкѣ быстро прошелъ большой двухэтажный пароходъ; флагъ длинною полосою развѣвался по вѣтру, вокругъ кормы вилась туча бѣлыхъ чаекъ; обѣ палубы были полны пассажирами. Расходившаяся отъ парохода гряда заплеска налетѣла по ту сторону рѣки на мель и ярыми, пѣнистыми волнами пошла по мели.

Ѳедоръ Серегинъ проводилъ глазами удалявшійся пароходъ.

— Такъ-то вотъ и мы сейчасъ поѣдемъ по Волгѣ-матушкѣ!—сказалъ онъ.

Сказалъ онъ это съ такою радостью, что мнѣ

Digitized by Google

вдругъ вспомнилось время, когда я гимназистомъ ѣздилъ на лѣто домой.

— А вы куда ѣдете?—спросилъ я.

— Домой ѣду, въ Смоленскую губернію. На побывку.

— Должно быть, давно ужъ дома не были?

— Два года не былъ. Пора съѣздить, посмотрѣть,—что, какъ, ладно ли хозяйство идетъ; жену провѣдать.

— Кто же у васъ дома ведетъ хозяйство?

— Братъ старшій ведетъ, мы недѣленые. Раньше отецъ хозяйствовалъ, а теперь, какъ померъ, братъ сталъ хозяиномъ. Я вотъ деньги подаю, — за пять лѣтъ четыреста двадцать рублей подалъ, — а онъ вокругъ дома работаетъ... Хозяйство у насъ хорошее,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Съ землею не тѣсно?

— Нѣ-ѣтъ! У насъ теперь съ землею благодать, дай Богъ всякому. — Серегинъ ближе подсѣлъ ко мнѣ, видимо, радуясь случаю поговорить о своемъ хозяйствѣ.—Пять лѣтъ назадъ мы у нашего барина прикупили земли; баринъ добрый, дешево уступилъ, по сорокъ пять рублей; триста десятинъ мы у него купили. Земскій начальникъ разрѣшилъ, чиновникъ отъ банка пріѣзжалъ, осмотрѣлъ землю, далъ согласіе. Изъ банка, значитъ, двѣнадцать тысячъ мы получили, остальное сами доплатили барину... Ишь, ужъ заснулъ! — прервалъ себя Серегинъ, съ улыбкою кивнувъ на Куликова.

Куликовъ сползъ на песокъ и всхрапывалъ, свѣсивъ голову на грудь и упираясь спиною въ приплескъ; его лицо, съ поднятыми бровями и

Digitized by Google

раскрытымъ ртомъ, густо облѣпленнымъ мухами, попрежнему глядѣло добродушно-довѣрчиво... Мнѣ бросилась въ глаза рѣзкая разница между Куликовымъ и моимъ собесѣдникомъ: рядомъ съ Куликовымъ Серегинъ производилъ необыкновенно-благообразное впечатлѣніе; благообразна была и его наружность, и спокойная неторопливость движеній, и медленная, ясная улыбка.

— Съ землею у насъ теперь хорошо, никто жаловаться не станетъ,—продолжалъ Серегинъ,—занимайся крестьянствомъ, сколько угодно. У дяди моего вонъ восемь парней въ домѣ; совсѣмъ было взвылъ: по полнивкѣ приходилось на брата. А теперь тоже началъ оправляться, съ новою землею.

— Сколько же у васъ теперь, выходитъ, земли?

— Земли у насъ теперь, — скажемъ, на нашъ дворъ,—двадцать десятинъ.

— Ого!

— У насъ съ землею хорошо, можно крестьянствомъ заниматься, — повторилъ Серегинъ. — Вотъ, дай, подѣлюсь съ братомъ, — брошу заводъ, самъ тоже хозяйствовать начну... Пока-то вотъ не съ чѣмъ еще за хозяйство браться: дѣлиться, — оно вѣдь много денегъ стоитъ. Изба старшему брату пойдетъ, мнѣ зато, скажемъ, лошадь, пара овецъ,— какъ тамъ міръ оцѣнитъ,—а избу построить надо; хоть средственная изба, а все рублей восемьдесятъ, а то и сто станетъ. Обзаведеніе, то, другое,—за все деньги дай; надо раньше пріобрѣсти хоть маломаленечко,—вотъ и приходится на чужой сторонѣ жить... А крестьянство у насъ хорошее, это что говорить; заживаться на чужой сторонѣ не станешь.

Digitized by Google

— Зачѣмъ вы дѣлитесь съ братомъ? Вѣдь для хозяйства лучше, если не дѣлиться.

— Какъ сказать? Оно лучше, вѣрно, а только.. Въ нынѣшнее время братья рѣдко живутъ вмѣстяхъ. Живъ былъ отецъ-покойникъ, ну, изъ подъ его начала не выходили; строгъ былъ: взъершишься, такъ полѣномъ успокоитъ! — улыбнулся Серегинъ.—А померъ онъ,—все, думается, какъ-то ладнѣе дѣло, коли самъ себѣ голова. Безъ ссоръ безъ неудовольствій.

— Все бабы ссорятся?

— Да, и бабы...

Серегинъ помолчалъ.

— Интересу нѣтъ вмѣстѣ жить,—сказалъ онъ;—земля-то вѣдь наша поровну; у меня вонъ жена да дѣвочка трехъ лѣтъ, а у брата шестеро ребятъ. Работаемъ мы ровно,—какой-же разсчетъ? Ему-то, конечно, не хотится, и въ письмѣ вотъ отписываетъ, чтобъ не рушить, говоритъ, хозяйства. Ну, а у меня разсчетъ другой.

— Когда же вы думаете дѣлиться?—спросилъ я, помолчавъ.

— Да годикъ-другой придется еще покоптѣть на заводѣ, ничего не подѣлаешь: надо пріобрѣсти, хоть мало-маленечко. А тамъ самъ хозяиномъ заживу, на своей волѣ. Тутъ вѣдь какая жизнь? Тѣмъ только и живешь, чтобъ вырваться поскорѣе; работа-каторга!..

Серегинъ сталъ разсказывать о томъ, какъ хорошо у нихъ въ смоленской губерніи, и насколько „крестьянство“ лучше фабрики; онъ былъ радъ внимательному слушателю. А я смотрѣлъ на Се-

Digitized by Google

регина и старался припомнить,—гдѣ я видѣлъ кого-то, поразительно напоминавшаго его? Серегина я, несомнѣнно, видѣлъ въ первый разъ; между тѣмъ, и то, что онъ говорилъ, и его улыбка, и наружность—все это было мнѣ до странности знакомо.

Храпѣвшій Куликовъ вдругъ вздрогнулъ и, быстро поднявъ голову, сталъ протирать глаза.

— Никакъ я заснулъ!—сказалъ онъ, удивленно оглядываясь.

Куликовъ поднялся на ноги, обдернулъ блузу и досталъ изъ кармана папиросу.

— Пойти, кваску испить,—произнесъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Гдѣ теперь идти-то? Гляди, пароходъ сейчасъ подойдетъ,—замѣтилъ Серегинъ.

— Однимъ вѣдь махомъ наверхъ сбѣгаю, чудакъ!

Куликовъ не спѣша пошелъ по дорогѣ, закуривая на ходу папиросу.

— Много вы вырабатываете на заводѣ?—спросилъ я Серегина.

— Зарабатываемъ ничего, слава Богу! Въ мѣсяцъ двадцать пять цѣлковыхъ выработаешь, а то и тридцать. Работа у насъ *отрядная*,—все равно, что сдѣльная; тутъ „отрядно“ говорятъ; какая, значитъ, выработка будетъ, столько и получишь; иной разъ и до тридцати пяти нагонишь... Ничего, заработать можно. Я вотъ тутъ—сколько?—пять лѣтъ живу; домой подалъ четыреста двадцать рублей, да себѣ кое-что приберегъ. Только живи аккуратно, а деньги заработаешь хорошія.

Digitized by Google

— А какъ у васъ тутъ съ штрафами?

— Съ штрафами у насъ строго, — улыбнулся Серегинъ,—баловаться не дозволяютъ. Запьянствовался,—два рубля штрафу. Тутъ вѣдь какой народъ? Зачнутъ пить, такъ только держись. Получитъ въ субботу деньги,—въ тую же субботу все просадитъ; и сапоги спуститъ, и пиджакъ, самъ на работу въ опоркахъ идетъ. Кабы на такое пьянство, да не гроза, такъ что бы такое только было! Вольный народъ тутъ, радъ погулять, — всякаго съ пути собьетъ. Я вотъ тоже, какъ мальчонкой пріѣхалъ сюда,—чуть было и меня не закружили. Пришелъ Покровъ. Ну, выпили мы съ товарищами, погуляли,—все, какъ слѣдуетъ быть; утромъ поднялись, стали опохмѣляться. Опохмѣлялись, — и перехмѣлили, а, перехмѣливши, стали пить. Два дня и прогуляли. Получка пришла,—четыре рубля штрафу!.. Батюшки вы мои! Ужъ тутъ-то горя у меня было! Деньги въ деревню нужно посылать, а былъ я тогда еще на выучкѣ, чернорабочимъ, пятьдесятъ пять копѣекъ получалъ въ день. Четыре рубля штрафу, да сколько прогуляли. Съ той поры закаялся я: нѣтъ, думаю, гулять нужно не зря, а чередомъ.

Я сталъ подробнѣе разспрашивать Серегина о порядкахъ; за время моего пребыванія въ заводѣ я ужъ успѣлъ наслушаться о нихъ много невеселаго. Серегинъ отвѣчалъ на мои разспросы коротко и неохотно; нельзя было замѣтить, чтобъ онъ почему либо находилъ для себя неудобнымъ говорить со мною объ этомъ; я видѣлъ, что то, о чемъ я его спрашивалъ, просто-на-просто чрезвычайно

Digitized by Google

мало интересовало его; отвѣтитъ въ двухъ словахъ—и незамѣтно снова перейдетъ къ своей деревнѣ. Нѣкоторое время между нами происходила какъ бы скрытая борьба: я старался заставить его разсказывать о заводѣ, онъ—заставить меня слушать о Смоленской губерніи; борьба продолжалась довольно долго, но въ концѣ-концовъ мнѣ пришлось смириться, и Серегинъ заговорилъ о деревнѣ.

Я слушалъ его и въ то же время перебиралъ въ памяти свои прежнія встрѣчи и знакомства; положительно, я гдѣ-то ужъ видѣлъ кого-то, до мелочей похожаго на Серегина: тотъ же ясный взглядъ, то же благообразіе во всей фигурѣ, тѣ же разговоры о деревнѣ... Наконецъ я вспомнилъ.

Вспомнилъ я дымную кочегарку на далекомъ югѣ, въ одномъ изъ донецкихъ рудниковъ. Изъ жерлъ двухъ громадныхъ печей пышитъ жаромъ; кочегаръ Исаенко сидитъ на приступочкѣ, поглядывая на манометръ котла, и по цѣлымъ часамъ разсказываетъ мнѣ о своей курской деревнѣ. Блуза Исаенки перепачкана углемъ и масломъ, но сидитъ на немъ очень аккуратно; вообще все въ немъ аккуратно,—и черные усики, и гладко причесанные волосы, и вся фигура. Часы и дни напролетъ готовъ онъ говорить о своей деревнѣ и никогда не устанетъ. Ни у кого изъ тамошнихъ рабочихъ не встрѣчалъ я такого глубокаго отвращенія къ своей работѣ и такого страстнаго стремленія вырваться на родину, сѣсть на землю; какъ въ могилѣ, томится Исаенко въ своей дымной и душной кочегаркѣ. Вечеромъ онъ уходитъ въ степь и бродитъ по ней цѣлыми часами; между мѣстными хох-

Digitized by Google

лами-земледѣльцами у него много знакомыхъ; вмѣстѣ съ ними онъ болитъ душою за выгорающіе всходы, вмѣстѣ съ ними ждетъ, не дождется дождя. Печаль его совершенно безкорыстна, потому что лично для него, кочегара, рѣшительно все равно, стоитъ ли засуха или нѣтъ. Въ то же время радости и печали шахтерской жизни нисколько не волнуютъ Исаенко; въ этомъ отношеніи его печалитъ только то, что касается лично его, напр., сокращеніе платы; но и къ этому онъ относится совершенно страдательно. Года два передъ тѣмъ на рудникахъ была большая стачка; работы прекратились, стачечники никому не позволяли спускаться въ шахты; начальствующія лица выѣхали съ рудниковъ. Исаенко, въ толпѣ другихъ шахтеровъ, явился къ начальнику ближайшей желѣзнодорожной станціи съ просьбой переписать ихъ всѣхъ. какъ не принимавшихъ участія въ стачкѣ. Къ своему брату-шахтеру онъ относится вѣжливо и сдержанно, но подъ этою сдержанностью чувствуется глубокая пропасть, раздѣляющая ихъ другъ отъ друга. Этотъ кочегаръ Исаенко остался въ моемъ воспоминаніи самымъ яркимъ представителемъ типа „шахтера-мужика“, который такъ еще частъ на нашихъ южныхъ рудникахъ и заводахъ.

Здѣсь, за добрую тысячу верстъ отъ донецкаго края, я теперь встрѣчалъ человѣка, походившаго на Исаенко, какъ на брата-близнеца... Странно, что въ обоихъ,—и въ Исаенкѣ, и въ Серегинѣ,—особенно бросалось въ глаза ихъ необыкновенное благообразіе, которое вѣдь вовсе не такъ ужъ характерно для мужика.

Digitized by Google

Далеко на востокѣ, надъ прибрежными горами, показалась темная свинцовая туча. Небо теперь было покрыто бѣлесоватыми облаками, и солнце свѣтилось сквозь нихъ блѣднымъ пятномъ; вѣтра почти не было; тяжелыя массы воды медленно поднимались и опускались, и по нимъ быстро бѣгали подъ солнцемъ серебряныя змѣйки; эти змѣйки то разсыпались въ милліоны точекъ, то собирались въ сплошныя серебряныя волны. Туча на востокѣ росла, солнце тускнѣло, блѣднѣвшія серебряныя змѣйки бѣгали по волнамъ все быстрѣе. Вдругъ налетѣлъ рѣзкій порывъ вѣтра, затрепалъ парусъ на плывшей вдоль берега полулодкѣ и закружилъ въ воздухѣ сухіе листья; рѣка сразу потемнѣла, и по ней пошли тускло-свинцовыя волны. Вѣтеръ притихъ, но потемнѣвшая рѣка продолжала волноваться; надъ волнами тревожно мелькали чайки.

— Сейчасъ пароходъ пробѣжитъ, пора садиться,—сказалъ рыбакъ, подходя къ намъ.

— А гдѣ же Куликовъ?—спохватился я.

Мы посмотрѣли на дорогу, скрывавшуюся за откосомъ; Куликова не было и слѣда. Серегинъ развелъ руками.

— Ну, что ты съ нимъ будешь дѣлать?.. Ахъ, ты, наказаніе! Кваску, видишь ты, пошелъ испить!.. Пойти, поискать его?—неувѣренно спросилъ онъ.

— Пора тамъ!.. Иди, ищи!—возразилъ рыбакъ.— Пароходъ ждать не станетъ.

— Эко дѣло какое! Небось, опять въ трактирѣ сидитъ, пиво пьетъ,—глухарь пьяный!

Серегинъ взволнованно поглядѣлъ на дорогу

Digitized by Google

на ней по прежнему было пусто, только березы надъ обрывомъ бились и метались подъ налетѣвшимъ вѣтромъ.

Туча совсѣмъ надвинулась на небо и низкимъ, чернымъ пологомъ висѣла надъ землею; лишь вдали на западѣ еще свѣтлѣла узкая полоса. Свѣжій вѣтеръ мчался по рѣкѣ, волны съ раскатывающимся шорохомъ набѣгали одна на другую и разбивались о берегъ. На той сторонѣ рѣки, по широкой мели, шелъ длинный, пѣнистый валъ; съ шумомъ и плескомъ онъ тяжело двигался впередъ, пѣнистыя волны то и дѣло выбѣгали изъ вала и снова сливались съ нимъ; какъ будто эта шеренга волнъ шла куда-то на приступъ.

Вдали, изъ-за поросшаго деревьями мыса, выбѣжалъ пароходъ; валившій изъ трубы паръ ярко бѣлѣлъ на свинцовомъ фонѣ неба. Рыбакъ вошелъ въ лодку.

— Ну, садись,—нечего ждать!—сказалъ онъ.

Мы послѣдовали за нимъ.

— А вонъ-онъ и Куликовъ!—радостно произнесъ Серегинъ.—Эй, землякъ!—крикнулъ онъ, махая рукою.—Скорѣ-ѣй!..

Куликовъ ужъ спустился съ откоса и быстро шелъ къ лодкѣ. Но чѣмъ больше онъ къ намъ приближался, тѣмъ подозрительнѣе приглядывались мы къ нему: Куликовъ шагалъ, высоко поднявъ голову и потряхивая волосами, поразительно-твердо и увѣренно ступая по песку... Онъ былъ пьянъ, какъ стелька.

— Ну, какъ его теперь брать!— воскликнулъ

Digitized by Google

я.—Да вѣдь онъ въ воду свалится, какъ будемъ садиться на пароходъ.

— Гдѣ же можно!—сердито сказалъ лодочникъ.—По эдакой-то погодѣ! Тутъ дай Богъ и тверезому цѣлу взойти.

— Чортъ ты пьяный!—накинулся на Куликова, Серегинъ.—Не могъ обождать, налимонился! Гдѣ теперь ѣхать тебѣ? Вѣдь потонешь,—голова! Глядн, погода какая играетъ!

— Чего кричишь, чудакъ!—спокойно возразилъ Куликовъ и, поднявъ съ земли узелокъ, собрался садиться въ лодку.

— Куда прешь,—ты, бурмистръ!—крикнулъ рыбакъ.—Осади-ка назадъ!

— Въ чемъ дѣло?—удивленно спросилъ Куликовъ.

— Въ чемъ дѣло! Пьянъ ты, вотъ въ чемъ дѣло!—отвѣтилъ Серегинъ.—Нельзя ѣхать тебѣ, оставайся!

— Буде толковать, что ты? Какъ же это я пьянъ?

— Садись, баринъ, на корму!—сказалъ рыбакъ, берясь за весла.—Тоже еще, говорить тутъ съ тобою!..

— Обождалъ бы!—возмущался Серегинъ.—Сѣлъ бы на пароходъ,—а тамъ пей, сколько въ душу влѣзетъ,—нѣтъ!.. Гдѣ теперь ѣхать тебѣ, посмотри ты на себя!

— Нализался, такъ иди на песокъ спать!—сурово и поучающе прибавилъ рыбакъ.

Куликовъ подумалъ.

— Нѣтъ, я имѣю свою амбицію!—сказалъ онъ.

Въ это время рыбакъ съ силою оттолкнулъ

Digitized by Google

лодку, и Куликовъ, только что было собравшійся садиться, остался на берегу. Лодка запрыгала по волнамъ. Куликовъ стоялъ, остолбенѣвъ отъ неожиданности, и съ нѣмымъ упрекомъ смотрѣлъ намъ вслѣдъ. Вскорѣ все наше вниманіе сосредоточилось на бушевавшихъ вокругъ насъ волнахъ; онѣ то взносили насъ вверхъ, то сбрасывали внизъ, обдавая дождемъ брызгъ. Пароходъ завидѣлъ насъ и убавилъ ходу.

Мы взошли на пароходъ. Взявъ билетъ, я вышелъ на палубу. Вѣтеръ крѣпчалъ, по волнамъ, какъ тѣнь, быстро проносилась темная рябь и исчезала вдали; бѣляки на волнахъ вскакивали все чаще; назади, далеко отставъ отъ насъ, по прежнему яро ползъ по мели высокій, пѣнистый валъ. Куликовъ все еще неподвижно стоялъ на берегу и съ упрекомъ смотрѣлъ вслѣдъ уходившему пароходу. Началъ капать дождь.

Я пообѣдалъ и пошелъ въ каюту спать.

Проснулся я къ вечеру. Въ каютѣ царила тишина, не было слышно ни стука машины, ни шума пароходныхъ колесъ. Я вышелъ на палубу. Солнце садилось, небо было чистое, безъ единаго облачка. Нашъ пароходъ шелъ тихо-тихо, робко прижимаясь къ нагорному берегу; на луговомъ желтѣла громадная песчаная отмель. Матросъ-наметчикъ въ красной рубашкѣ стоялъ на носу и длиннымъ шестомъ вымѣрялъ дно.

— Ше-есть!.. Ше-есть!.. Пя-ать!—зловѣщимъ голосомъ выкрикивалъ онъ.

Digitized by Google

Стоявшій на крышѣ матросъ, какъ эхо, повторялъ его слова, передавая ихъ на рубку. Пассажиры толпились на носовой части палубы. Пароходъ, словно затаивая дыханіе, безшумно и чуть замѣтно подвигался впередъ.

Я походилъ по палубѣ. Публика была неинтересная. Толстый господинъ съ пьянымъ лицомъ сидѣлъ за столикомъ, перебирая въ портфелѣ бумаги; возлѣ него стояла бутылка долговки и порція стерлядки по татарски. Три барышни, шушукая и смѣясь, ходили по палубѣ, переглядываясь съ красивымъ жандармскимъ офицеромъ въ сѣрой тужуркѣ; въ залѣ перваго класса играли въ винтъ; студентъ-медикъ, съ впалою грудью и больнымъ, исхудалымъ лицомъ, сидѣлъ на носу, кутаясь въ шинель, и угрюмо слѣдилъ за наметчикомъ.

— Де-евять!.. Де-есять!.. Де-есять!..—теперь весело выкрикивалъ тотъ.

Нѣсколько разъ матросъ наметнулъ молча.

— Подъ-табакъ!—коротко сказалъ онъ.

— Положь!—отвѣтилъ матросъ на крышѣ. Пароходъ встрепенулся и пошелъ полнымъ ходомъ.

Я спустился на грузовую палубу. На кормовой, „бурлацкой“ части палубы, между тюками пеньки и бочками минеральнаго масла, спали въ повалку мужики въ лаптяхъ, за столиками между наръ пили чай; полъ былъ густо усыпанъ скорлупой подсолнуховъ и окурками. На кормѣ толпа грузчиковъ, ѣхавшихъ въ Рыбинскъ, обступила кучку татаръ. Высокій парень въ расписанныхъ красными узорами валенкахъ передалъ свою большую гармонику татарину, и тотъ тихо перебиралъ на ней клапаны.

Digitized by Google

Другой татаринъ, въ бархатной фіолетовой ермолкѣ, съ насмѣшливой складкой между тонкими губами, отпускалъ сальныя остроты насчетъ проходившихъ по верхней палубѣ женщинъ.

— Ну-ка, вашу какую-нибудь пѣсню сыграй!— обратился парень къ татарину съ гармоникой.

Тотъ сталъ играть. Его сосѣдъ, широкорожій и приземистый татаринъ въ отрепанномъ халатѣ, слушалъ, держа въ зубахъ трубку, и вдругъ запѣлъ. Онъ пѣлъ, ни на кого не глядя, не выпуская изъ зубовъ трубки и медленно раскачивая бритою головою. Пѣсня была очень заунывная, съ чуждымъ для нашего уха строемъ; въ припѣвѣ постоянно слышалось что-то вродѣ: „нàа-ии!.. дàа-ии!..“

— Мо-ои!.. Мои!..—засмѣялись парни, переглядываясь.

Народъ, улыбаясь, столпился вокругъ татаръ. Въ числѣ слушателей я узналъ и Ѳедора Серегина. Пѣвецъ пѣлъ, по прежнему раскачивая головою и ни на кого не глядя. Татаринъ въ фіолетовой ермолкѣ теперь молча сидѣлъ на корточкахъ и слушалъ безъ улыбки, задумчиво теребя бородку; загорѣлый, съ оттопыренными ушами татарченокъ неподвижно смотрѣлъ вдаль большими, черными глазами.

— Наа-ии!.. Даа-ии!..—неслось по рѣкѣ.

— Мо-ои!.. Дивно, а? Ха-ха-ха!—въ дѣтскомъ восторгѣ хохоталъ парень въ валенкахъ, хватаясь за животъ.

Вода бурлила подъ рулемъ, отъ кормы далеко по рѣкѣ расходились взволнованныя полосы. Западъ горѣлъ нѣжно-розовымъ сіяніемъ, въ воз-

Digitized by Google

духѣ разливалось что-то тихое; вверхъ по рѣкѣ, хлопотливо пыхтя и дымясь, поднимался черный буксирный пароходикъ, а за нимъ медленно и задумчиво плыла большая баржа. На правомъ берегу тянулись заросшіе лѣсомъ обрывы.

Ѳедоръ Серегинъ подошелъ ко мнѣ и остановился, молча глядя на проплывавшіе мимо лѣса.

— А у насъ въ Смоленской губерніи лѣса куда лучше супротивъ здѣшнихъ, — заговорилъ онъ.— У насъ тамъ лѣсъ, — дерево къ дереву, хочется смотрѣть! У барина нашего лѣсокъ есть, двѣсти десятинъ. Хорошій лѣсъ, только заросъ сильно. Мы съ нимъ договариваемся, чтобъ далъ намъ прочистить за хворостъ. Оно вѣдь для лѣса лучше, когда прочищенъ лѣсъ.

— Лучше-то, лучше,—возразилъ я, сдерживая улыбку;—а только у насъ обыкновенно даютъ прочищать съ третьей кучи.

— Ну, нашъ баринъ такъ отдастъ, за весь хворостъ. Баринъ добрый у насъ; придти къ нему міромъ, поклониться,—всегда уважитъ. Много старается для мужика, дай ему Богъ! Вотъ и землю вѣдь онъ же намъ продалъ, дешево уступилъ,— „только, говоритъ, держитесь, ребята, земли, не уходите на сторону!..“ Потѣшный баринъ,—прибавилъ Серегинъ, помолчавъ:—все книжки мужикамъ раздаетъ; про ангела, какъ душу изъ бабы вынималъ, про странниковъ, про Иванушку-дурачка. Пуще всего не любитъ, когда скотину бьешь: „душе моя, не бей ты ее! Ей тоже больно!“

— Есть у васъ тамъ на мѣстѣ какіе-нибудь заработки?—спросилъ я.

Digitized by Google

— Какіе же заработки? Нѣтъ. Отъ желѣзной дороги далеко живемъ, фабрикъ нѣту; лѣтомъ только заработать можно, въ полѣ.

— Такъ какъ же мужикамъ на сторону не уходить? Вѣдь вамъ и въ банкъ вотъ платить надо, и подати. Хоть и прикупили вы земли, а всетаки ею одною теперь не проживешь.

Серегинъ улыбнулся.

— Съ удовольствіемъ прожить можно полнымъ крестьяниномъ! У насъ много такихъ, что никогда и не бывали на чужой сторонѣ, и не знаютъ, что это за чужая сторона. Конечно, иной разъ случится, что хочешь-не хочешь, а иди,—вотъ какъ со мною, а только больше почему люди на сторону идутъ? Въ деревнѣ-то, всетаки, жить надо съ нуждою, а имъ и чайку хочется попить, и въ трактиръ пойти подъ органъ, газетку подъ музыку почитать. Ну, понятно, въ деревнѣ имъ и скучно.

— Полноте, причемъ тутъ органы! У васъ вотъ будетъ десять десятинъ земли, — вы-то, можетъ быть, какъ-нибудь перебьетесь. А вонъ у дяди вашего, сами же вы говорили, восемь парней; сколько имъ на душу придется земли? Полторы-двѣ десятины. Развѣ съ этого проживешь? Вѣдь если старикъ передѣлу запроситъ, вы, небось, противъ будете?

— Такимъ-то, дѣйствительно, не управиться; гдѣ жъ съ двухъ десятинъ прожить!

— А если они запросятъ передѣлу, вы что скажете?—повторилъ я.

— Да что-жъ, я, что ли, парней старику наро-жалъ?—съ улыбкою отвѣтилъ Серегинъ.—Мы надъ

Digitized by Google

нашею землею старались, охоливали ее,—а теперь имъ отдать? За что же это?

Я ждалъ, что Серегинъ при моемъ вопросѣ сконфузится, но онъ отвѣтилъ безъ всякаго смущенія; и мнѣ стало странно: на какомъ основаніи я ждалъ этого смущенія? Конечно, „по божески", „по справедливости", Серегину слѣдовало быть за передѣлъ, но... но вѣдь онъ былъ обыкновеннѣйшимъ человѣкомъ, а не подвижникомъ, отъ котораго можно было ждать готовности подѣлиться съ ближнимъ послѣднею рубашкою.

Нѣкоторое время мы молчали. Западъ гасъ, темнѣло; на берегу и на плотахъ засвѣтились костры; съ луговъ тянуло тонкимъ, нѣжнымъ ароматомъ только что скошеннаго сѣна.

— А *вамъ* въ дѣревнѣ не будетъ скучно жить?— спросилъ я Серегина.

— Мнѣ? Нѣтъ. По мнѣ лучше нѣтъ жизни, какъ въ деревнѣ. Живешь, какъ господинъ какой; хлѣбъ, всякое удовольствіе... Скотъ. Работа только лѣтомъ тяжелая, а зимою у насъ такъ только, вокругъ дома работаютъ... Вечеромъ сойдутся:„какъ? что? объ чемъ тамъ?" Побесѣдуютъ—и на покой. Днемъ, конечно, кто что,—дрова порубитъ въ лѣсу, плетень поправитъ... Вольная жизнь, самъ надъ собою хозяинъ. Мастеръ тебѣ ничего не можетъ сказать, опоздалъ на работу,—твое дѣло; объ томъ не думаешь, чтобъ полюбиться мастеру; не то, что на заводѣ. У насъ вѣдь мастеръ много силы имѣетъ; не уважишь его, – начнетъ тѣснить, такую работу дастъ, что и двадцати рублей не получишь; а то на поденную переведетъ,—а это какой же

Digitized by Google

разсчетъ?.. Тѣсная жизнь на заводѣ у насъ. Опять, скажемъ,—квартиры. Двѣнадцать тысячъ народу у насъ работаетъ,—гдѣ-же квартиръ напасешься въ слободѣ? Хоть въ чуланчикѣ какомъ дай уголокъ,—и то бы рады были. Приходится жить въ городѣ, восемь верстъ каждый день на заводъ ходить. Я вотъ такъ прошлымъ лѣтомъ въ городѣ жилъ,—всю недѣлю и на квартирѣ своей не бывалъ; отработаешься,—да тутъ же около завода и спишь на травкѣ. Развѣ это ловко? Вѣдь собакѣ, и той конура полагается. Ну, да мнѣ-то что! Годика два еще покрѣплюсь. Главное,—пріобрѣсти чтобы... хоть мало маленечко... А тамъ прощай.

Серегинъ долго еще разсказывалъ мнѣ о своей деревнѣ и объ ея преимуществахъ передъ заводомъ. Его разсказы были прямо какимъ-то гимномъ,—любовнымъ, восторженнымъ гимномъ „крестьянству“. Для этого „крестьянства“ Серегинъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ; для него онъ былъ готовъ безропотно переносить тягости заводской жизни, былъ готовъ спать на землѣ, надрываться надъ работой въ раскаленной мастерской, жить вдали отъ жены и дѣтей, дрожать передъ мастеромъ. Все это—только временное, все это можно перетерпѣть, потому что впереди ждетъ она, земля, съ любимымъ трудомъ, съ теплотою и уютомъ *своего* хозяйства...

Слушалъ я Серегина, и мнѣ вспоминались впечатлѣнія, которыя годъ назадъ я вынесъ отъ „крестьянства“. Прошлое лѣто я провелъ въ одной тульской деревнѣ; лѣтъ десять передъ тѣмъ крестьяне этой деревни приняли въ общество трехъ

Digitized by Google

„пріемныхъ зятьевъ“, передавъ имъ надѣлы ихъ тестей; тѣмъ временемъ подросли ихъ собственные мальчики, и съ землею стало тѣсно; мужики спохватились, что „зятьевъ“ не слѣдовало принимать, но дѣло ужъ было сдѣлано. Пріемнымъ зятьямъ пришлось больно почувствовать на себѣ послѣдствія мірской оплошности. Началась неистовая травля пришельцевъ: ихъ систематически затирали и обходили повсюду, систематически отравляли имъ жизнь, чѣмъ только возможно; нужно было удивляться тому искусству, съ какимъ въ этой травлѣ дѣйствовала вся деревня. Обезумѣвшіе отъ нужды люди превратились въ звѣрей и прямо стремилось загрызть чужаковъ, посягнувшихъ на ихъ скудный кусокъ. Жутко было видѣть и само это озвѣрѣніе,—еще болѣе жутко было ощущать свою полнѣйшую безпомощность передъ происходившимъ: съ чѣмъ подойти къ этимъ людямъ, какой указать выходъ? И единственное, что здѣсь оставалось дѣлать,—это говорить очень хорошія, но для голоднаго желудка совершенно неубѣдительныя слова о любви къ людямъ.

Въ разсказахъ Серегина то же „крестьянство“ являлось передо мною въ другомъ свѣтѣ: въ воображеніи рисовалось тихое, радостное существованіе, рисовалась та „красота и благодать прочнаго крестьянскаго хозяйства“, о которой Глѣбъ Успенскій писалъ: „Тотъ кусокъ хлѣба, который добывается деревенскою хозяйственною суетою суетъ,—мнѣ кажется, ставитъ и душу человѣческую въ невозможность быть проданною изъ-за куска хлѣба. И во мнѣ рождается сомнѣніе: точно ли

Digitized by Google

въ этой хозяйственной суетѣ суетъ забота только о единомъ хлѣбѣ? Можетъ быть, въ этой неустанной суетѣ суетъ вокругъ своего дома и своей личности сказывается самая тонкая щепетильность человѣческаго достоинства, не желающаго подвергнуть малѣйшему насилію свою неизломанную душу?"

Можетъ быть... Но тщетно искалъ я въ своей душѣ радостнаго отклика на радостныя мечтанія Серегина. Если даже въ основѣ указанной суеты суетъ, дѣйствительно, лежитъ „самая тонкая щепетильность человѣческаго достоинства", то какая же цѣна можетъ быть этому достоинству, стремящемуся лишь запрятаться подальше въ свою уютную келью? Какая цѣна всей этой радостной суетѣ „вокругъ своего дома и своей личности", если она ведетъ за собою такое глубокое равнодушіе ко всему, что находится внѣ этого дома и личности?.. Слушалъ я Серегина, и во мнѣ шевелилась мысль: „нѣтъ, здѣсь-то именно душа человѣческая и продается!" Не говорю ужъ о нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, съ которыми я познакомился на томъ же заводѣ, но даже безпутный пьяница Куликовъ, у котораго „не хватаетъ тону" поклониться сторожу,—и тотъ, казалось мнѣ, меньше способенъ поступиться своею душою, чѣмъ „неизломанный" Серегинъ.

Благополучіе свое Серегинъ устраивалъ въ одиночку; отъ его благополучія только ему одному и становилось хорошо, и всею душою радоваться этому благополучію онъ, естественно, могъ только въ одиночку. Дай ему Богъ, конечно,—какъ дай Богъ выздоровѣть и пріобрѣсти богатую практику

Digitized by Google

тому чахоточному студенту-медику, какъ дай Богъ расторговаться пѣвшему подъ гармонику оборванному татарину; но всѣмъ этимъ *личнымъ* радостямъ не могло чужое сердце забиться въ отвѣтъ съ такою же радостью...

Ужъ стемнѣло, когда я простился съ Серегинымъ и ушелъ наверхъ. Спать еще не хотѣлось. Я сѣлъ на скамейку на носовой части палубы.

Заря погасла, въ небѣ ярко горѣли звѣзды, и было тепло; даль рѣки терялась въ мягко-сѣрой мглѣ, въ кустахъ нагорнаго берега трещали сверчки. Нашъ пароходъ далъ протяжный свистокъ встрѣчному буксиру,—эхо повторило свистокъ за горою, потомъ на луговой сторонѣ, потомъ гдѣ-то далеко сзади, на Унжѣ... Машина стучала мягко и мѣрно, подъ носомъ журчала вода, пароходъ чуть подрагивалъ, быстро мчась по широкой, темной глади.

— Главное—пріобрѣсти чтобы... хоть мало-маленечко...—звучали у меня въ ушахъ слова Серегина.

Digitized by Google

НА ХОЛОДУ.

Вечерѣло. На церковной колокольнѣ, надъ береговымъ обрывомъ, пробило ужъ семь часовъ, а парохода сверху, изъ Вятки, все не было: должно быть, застрялъ гдѣ-нибудь на перекатѣ и Богъ-вѣсть, когда придетъ. Я сидѣлъ съ гоньщиками на кормовомъ плотѣ длиннаго „самосуда“ *); на очагѣ горѣлъ огонь и закипалъ котелокъ.

Было холодно, съ запада дулъ ровный, сильный вѣтеръ; крупныя бревна подъ ногами вздымались и опускались вмѣстѣ съ волнами, истрепанная мочала на мачтѣ билась по вѣтру; ели и пихты надъ обрывомъ гудѣли сухимъ, мрачнымъ шумомъ. Третій день дулъ боковой вѣтеръ, плоты стояли на сошилахъ, и гоньщики томились въ бездѣйствіи.

Ихъ было четверо. Одинъ, закутавшись, лежалъ на соломѣ въ досчатой шалашкѣ, и я видѣлъ только его ноги; другой, съ продолговатымъ, скуластымъ лицомъ, съ жесткою и рѣдкою черно-сѣдою бород-

*) *Самосудами* на Вяткѣ и Камѣ называются плоты-однорядки.

Digitized by Google

кою, молча и сосредоточенно подкладывалъ подъ котелокъ хворостъ. Двое остальныхъ были сильно подвыпивши, поэтому оживлены и говорливы: ихъ угостилъ возвращавшійся изъ Казани землякъ-боцманъ. Они-то, разговорившись со мною на берегу, и затащили на плотъ. Одного изъ нихъ звали Илюхой, другого Арсентіемъ.

Арсентій съ пьяно-серьезнымъ лицомъ сидѣлъ рядомъ со мною на мокромъ бревнѣ и курилъ взятую у меня папироску, сплевывая на бревна. Илюха,—мягкій мужикъ съ круглою, рыжею бородою и блаженнымъ лицомъ,—стоялъ передо мною, босой и распоясанный, въ надувавшейся отъ вѣтра кумачной рубашкѣ; широко размахивая руками, онъ разсказывалъ мнѣ о привольной жизни гоньщиковъ въ низовыхъ городахъ, о крупныхъ заработкахъ, о сказочно-богатыхъ и великодушныхъ хозяевахъ; онъ разсказывалъ съ восторгомъ, блаженно уносясь въ яркій и веселый міръ фантазіи. А кругомъ было холодно и сыро, мошки, несмотря на вѣтеръ, неистово и назойливо впивались въ лицо и руки. Скуластый гоньщикъ, кутаясь въ рваный полушубокъ, угрюмо смотрѣлъ въ огонь; онъ былъ трезвъ, и отъ пьяной счастливости товарищей, казалось, особенно тяжело чувствовалъ свою трезвость и скуку.

— Добѣжали мы до Самары, — разсказывалъ Илюха, балансируя на колебавшихся бревнахъ,— получили расчетъ, взялись гулять. Недѣлю цѣлую гуляли, вотъ и онъ скажетъ!—Илюха кивнулъ на Арсентія.—А было это въ холерный годъ. И схватила меня холера. Стащили въ байракъ, мѣсяцъ

Digitized by Google

пролежалъ; вышелъ, — еле на ногахъ стою. Пришелъ къ хозяину. Вошелъ, вотъ такъ плечомъ къ косяку уперся, — значитъ, отъ слабости! „Здравствуй, говорю, Никандра Степанычъ!“—„Здравствуй, Илюха! Какъ живешь?“ И сейчасъ лѣзетъ въ карманъ: „на, говоритъ, тебѣ двадцать пять рублей добѣжать до дому!..“ Ей-Богу! Спрашиватъ меня: „не мало тебѣ? Ты скажи, Илюха!“ — „Нѣтъ, говорю, будетъ! Много доволенъ тобою, Никандра Степанычъ!..“ Есть ли другой такой хозяинъ? Двадцать пять рублей! Сейчасъ, значитъ, лѣзетъ въ карманъ,—вотъ такъ! На тебѣ, говоритъ...

— Сядь, не махай руками!—вдругъ строго произнесъ Арсентій.

— Я человѣку разсказываю!—обиженно возразилъ Илюха.

— Я понимаю, а только сядь!

— Что ты? Я разсказываю по совѣсти! Я по честности человѣку разсказываю!

— Ты языкомъ разсказывай... Сядь!—отрывисто повторилъ Арсентій.

Илюха сѣлъ.

— Вы на какой ваканцыи?—такимъ же строгимъ тономъ обратился Арсентій ко мнѣ.

— Я?—Я въ Петербургѣ служу, докторомъ.

— При царскомъ дворцѣ?—отрывисто спросилъ Арсентій. Онъ спрашивалъ, какъ судья, строгій и нелицепріятный, но которому его дѣло сильно надоѣло.

— Нѣтъ.

— Гм!.. А у насъ землякъ одинъ въ царскомъ

Digitized by Google

дворцѣ служитъ, поваромъ, по тридцать рублей въ день получатъ... То-бишь... по семьдесятъ рублей! По семьдесятъ за день.

— На царя готовитъ?

— Нѣтъ, не на царя.—Арсентій подумалъ.—Не на царя, а на тлѣ... тѣль... тѣло... охранителей его!

— А другой землякъ въ Москвѣ,—вмѣшался Илюха.—Унтеръ-офицеръ на старшемъ окладѣ, жандармой служитъ на вокзалѣ...

— Почто сюда пріѣхали?—продолжалъ Арсентій свой допросъ.

— Къ голодающимъ ѣздилъ.

Арсентій неопредѣленно крякнулъ. Илюха стремительно рванулся съ мѣста.

— Вотъ - они, голодающіе! — объявилъ онъ, предупредительно указывая мнѣ обѣими руками на скуластаго гоньщика.—А другой вонъ въ шалашкѣ второй день лежитъ, застылъ отъ сырости!

— Ну, да! — подтвердилъ Арсентій.—Мы, значитъ, съ нимъ всегда въ плавѣ работаемъ, природные гоньщики, а этихъ бѣдность завлекаетъ.

— Вы откуда сами? — спросилъ я гоньщика, копошившагося у огня.

Онъ поднялъ на меня свое худое, скуластое лицо.

— Слышь, человѣкъ тебя спрашиватъ: отколѣ самъ? — вполголоса передалъ ему мой вопросъ Арсентій.

Гоньщикъ сказалъ.

— Пособіе выдаютъ у васъ?

— Выдаютъ... По полфунта выдаютъ на чело-

Digitized by Google

вѣка... А работникамъ и ребятамъ до пяти лѣтъ ничего.—Онъ вдругъ оживился и заволновался.—А много ли въ полуфунтѣ мозгу? Это надобно понять. Неурождай у насъ два года подрядъ, скотъ весь палъ, жрать нечего никому...

Онъ заставлялъ себя говорить, стараясь выяснить передо мною положеніе дѣлъ, видимо предполагая, что въ моей власти лежитъ его измѣнить.

— Вотъ изъ-за этого и пошли они на сплавъ,—прервалъ его Арсентій.—Голодомъ маются, а не изъ какой-либо причины... А мы вотъ на вольной службѣ работаемъ, не тужимъ хлѣбомъ; лѣтомъ заработаемъ,—имѣемъ зимою себѣ на воспитаніе.

— А почемъ вы гоните?—спросилъ я.

Скуластый гоньщикъ при моемъ вопросѣ съежился и сталъ усерднѣе подкладывать на очагъ сучья. Илюха сорвался съ бревна, на которомъ сидѣлъ.

— „Почемъ"!,. По восемь копѣекъ!—крикнулъ онъ и остановился передо мною, подперевъ бокъ кулакомъ.

— Ну, да!—произнесъ Арсентій, качнувъ головою.—Раньше всегда по двадцать пять, по тридцать гоняли, а теперь, значитъ, по восемь копѣекъ даютъ за дерево.

— Сколько же вы за все выработаете?

— Ничего!—отрѣзалъ Илюха, рѣшительно махнувъ рукою по воздуху.—Вода высокая, а вѣтры, видишь, какіе? Сколько стоимъ! Изъ восьми-то копѣекъ! Все по дорогѣ проѣшь! Всю ряду потеряешь, и назадъ выбѣжать будетъ не на что!

Digitized by Google

— Значитъ, и на выбѣжку не хватитъ!—объяснилъ мнѣ Арсентій.

— Во-отъ!..—Илюха мрачно покосился на скуластаго гоньщика.—Раньше, бывало, за три недѣли четвертной билетъ домой привезешь, а нынче, изъ восьми-то копѣекъ, — поди-привези! А вонъ въ Кукаркѣ спрашивали,—ужъ по пять копѣекъ грузятъ!... Все отъ нихъ вотъ!

Я сталъ разспрашивать подробнѣе,—получалось нѣчто удивительное: выходило, дѣйствительно, такъ, что гоньщики ѣдутъ какъ-будто за одно лишь удовольствіе прокатиться, и было весьма вѣроятно, что назадъ имъ придется идти пѣшкомъ. И чѣмъ больше я разспрашивалъ, тѣмъ ярче выступала эта нелѣпость и передо мною, и передъ самими разсказчиками, и все больше съеживался скуластый гоньщикъ.

— Все изъ-за нихъ, изъ-за подлецовъ!—возмутился Илюха.—Чего не въ свое дѣло лѣзешь? Что ты понимаешь въ сплавѣ?.. Въ воду тебя надо бросить!—неожиданно закончилъ онъ.

Скуластый гоньщикъ угрюмо молчалъ.

— Можешь ли ты идти противъ насъ?.. Вездѣ голодающій поперекъ горла сталъ, всѣмъ дорогу заслонилъ!

— Ну, да!.. Ну, да!..—повторялъ совсѣмъ опьянѣвшій Арсентій, кивая головою.

Илюха начиналъ волноваться все больше. Я всталъ

— Мнѣ ѣхать пора, сейчасъ пароходъ придетъ, — сказалъ я. — Спасибо, оставайтесь здоровыми!

Digitized by Google

— Ступай съ Богомъ!—отвѣтилъ Илюха.

Мнѣ хотѣлось дать заработать скуластому гонь-щику, и я попросилъ его доставить меня на лодкѣ прямо къ пароходной конторкѣ. Мы сѣли въ лодку и отчалили.

Гоньщикъ усердно работалъ веслами, неуклю-жая черная лодка быстро двигалась вдоль берега по теченію. Волны набѣгали сбоку на глинистый береговой откосъ и разбивались объ него, взбра-сывая высоко вверхъ фонтаны бѣло-коричневыхъ брызгъ.

— Часто они такъ корятъ васъ?—спросилъ я гоньщика.

— Такъ вѣдь съ чего-жъ идешь-то? Не съ ра-дости,—отвѣтилъ онъ, исподлобья взглянувъ на меня.—Идешь, чтобъ дома не сидѣть, не глядѣть, какъ ребята сохнутъ... Полфунта выдаютъ на че-ловѣка,—много ли въ немъ пищи? Чѣмъ сытъ будешь?

Своимъ медленнымъ, скрипучимъ голосомъ онъ опять заговорилъ о малыхъ размѣрахъ пособія. И все больше меня стало охватывать то чувство без-силія, чувство полнѣйшей безвыходности и без-надежности, которое я вывезъ изъ всей своей по-ѣздки по округѣ.

Гоньщикъ пристально оглядѣлъ меня сбоку.

— Вы отколѣ къ намъ посланы?—осторожно спросилъ онъ.

— Ни откуда. Такъ, самъ отъ себя ѣздилъ.

Онъ замолчалъ и сталъ усердно работать вес-лами.

— А въ этомъ году, кажется, урожай у васъ

Digitized by Google

будетъ хорошій, — сказалъ я, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Да-а, похоже, — неохотно отвѣтилъ онъ и снова замолчалъ.—„Хорошій“... Что-жъ, что хорошій?—про себя проговорилъ онъ.

— Какъ, „что-жъ, что хорошій“? Богъ дастъ, поправитесь теперь.

Гоньщикъ молчалъ, работая веслами, и какъ будто думалъ.

— Не поправишься, купецъ, и съ урождаю!— медленно произнесъ онъ. — Время не то. Плохо стало жить теперь: тѣсно! Земли мало, людей много. Всѣмъ задолжали, подать дорогая... Лѣса сведёны, протопиться нечѣмъ, жердей негдѣ нарѣзать, поскòтину огородить. Прежде время-то было,—скотина одна по поскòтинѣ ходитъ, сама знаетъ, гдѣ ѣду найти; про пастуховъ мы и не слыхали. А нынче жердей нѣту, луга огородить нечѣмъ, наймай пастуха. А пастухъ что? Пастухъ—батракъ: солнышко садится, — онъ веселится, солнышко всходитъ,—онъ съ ума сходитъ. Только бы спать ему. Чтобъ въ хлѣбъ не зашла скотина, сгонитъ ее въ одно мѣсто и стоитъ; скотина сгруживается и не бываетъ сыта... Плохо, куда ни глянь,—плохо! А главное дѣло — народу расплодилось, простора нѣтъ человѣку... — Онъ помолчалъ. — А что, говорятъ, хворь по нашимъ мѣстамъ пошла, кровью человѣкъ исходитъ... Правда-а?—спросилъ онъ, повятски странно растягивая послѣдній звукъ.

— Правда.

— Можетъ, почиститъ народъ, свободнѣе жить станетъ...— задумчиво произнесъ онъ.

Digitized by Google

Я дрогнулъ и поднялъ голову: не ослышался я? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же равнодушнымъ, спокойнымъ голосомъ, — говорить о „чисткѣ“ народа цынгой, какъ о единственной надеждѣ стать на ноги!..

Гоньщикъ повернулъ лодку къ берегу и врѣзался носомъ въ глину. Я расплатился съ нимъ, простился и пошелъ на конторку.

О пароходѣ все еще не было слышно. Солнце садилось въ тучи, береговыя сосны мрачно шумѣли подъ холоднымъ вѣтромъ. За конторкою, въ небольшомъ затонѣ, грузили бревна, слышался однообразный, протяжный напѣвъ:

Впередъ давай,—еще!.. еще!..
Тащи!.. Тащи!..

Разорванныя, клочковатыя тучи бѣжали по болѣзненно-блѣдному небу, напѣвъ грузчиковъ звучалъ какимъ-то тупымъ, сосредоточеннымъ надсадомъ, и все вокругъ смотрѣло такъ вяло и безнадежно... Я долго ходилъ по пристани. Душу охватывала тоска. Казалось,—никогда, никогда не можетъ случиться, чтобъ подъ этимъ небомъ вдругъ стало тепло, чтобъ береговыя сосны зашумѣли веселымъ шумомъ, чтобъ доносящійся съ затона напѣвъ зазвучалъ дерзкимъ и сильнымъ вызовомъ холодной судьбѣ...

Я пошелъ наверхъ, къ постоялому двору, высившемуся надъ обрывомъ. Навстрѣчу мнѣ невѣрнымъ шагомъ спускалась по тропинкѣ низенькая, темная фигура. Это былъ скуластый гоньщикъ, „согрѣвшійся“ въ трактирѣ на полученныя отъ

Digitized by Google

меня деньги. Его шапка съѣхала на ухо, онъ шелъ, качаясь, поднявъ брови, и съ блаженно-скорбнымъ видомъ моталъ головою.

На постояломъ дворѣ было безлюдно. Только въ углу за некрашеннымъ столомъ сидѣло за чаемъ двое посѣтителей, дожидавшихся парохода. Я сѣлъ около и спросилъ себѣ пару чаю. Они перестали разговаривать и съ любопытствомъ смотрѣли на меня.

— Парохода изволите дожидаться? — съ любезною улыбкою обратился ко мнѣ одинъ изъ нихъ,— плотный, толстый мужчина съ рыжею бородкою, въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ; когда онъ улыбнулся, верхняя губа его поднялась и обнажила блѣдныя десны, въ которыхъ два переднихъ зуба отсутствовали. По виду онъ походилъ на деревенскаго лавочника.

— Да, жду парохода сверху.

— Сильно запоздалъ пароходъ. Вотъ и мы тоже, который часъ ждемъ... А отколѣ изволите ѣхать?— спросилъ онъ, помолчавъ.

— Такъ, по округѣ проѣхался.

— По голодающимъ?

— Да.

— Угу!..—лавочникъ сочувственно мигнулъ бровями.—Сильно народъ бѣдствуетъ!—вздохнулъ онъ.

— „Бѣдствуетъ“... Которые бѣдствуютъ, а которые лодырничаютъ! — рѣзко произнесъ его сосѣдъ, худой и загорѣлый, съ быстрыми движе-

Digitized by Google

ніями и энергичной складкой подъ рѣдкими черными усами; одѣтъ онъ былъ въ сѣрое бумазейное пальто на ватѣ, черезъ шею по жилету вилась серебряная цѣпочка отъ часовъ. — Бѣдствуй, не бѣдствуй,—все равно накормятъ. Зачѣмъ работать? Не нужно! И такъ все дадутъ... У насъ тутъ не бѣдный нынче бѣдствуетъ, а зажиточный. Зажиточный, — онъ старается, подати платитъ справно, въ общественную магазею свою долю ссыпаетъ. А пришелъ неурожай,—„онъ, говорятъ, можетъ жить, у него еще двѣ лошади есть, ему не надо!“... Значитъ, разоряйся!

— А тутъ еще круговая порука сдѣлалась, — осторожно вставилъ лавочникъ.

— Обязательно!—подхватилъ человѣкъ въ ватномъ пальто.—Взыскивать станутъ, — съ кого? Съ бѣднаго ничего не возьмешь, взыскиваютъ опять— съ богатаго!.. Нѣтъ, вся эта кормежка — одни пустяки, развратъ! — отрѣзалъ онъ, враждебно покосившись на меня.—Это все корреспонденты выдумали, буквоѣды! Буквой питаются... Прекратить нужно, больше ничего! Ничего не давать!

— Что-жъ имъ, все-таки, не съ голоду же помирать! — благодушно возразилъ лавочникъ. — Не собаки.

— Не собаки?.. Хуже собаки! — желчно произнесъ его сосѣдъ. — Собака лаетъ, свое дѣло дѣлаетъ, а онъ... Зовешь его на работу, жать, — „ты полтинникъ даешь; давай семьдесятъ копеекъ, — пойду!“ А зажиточный не спрашиваетъ, прямо идетъ: ты, говоритъ, не обидишь... А лодырь-то этотъ, негодяй,—возьметъ удочку и идетъ... удить!..

Digitized by Google

Позови-ка его овинчикъ обмолотить! Пять копеекъ даешь денегъ, — „нѣтъ, говоритъ, не пойду!“... А въ Слободскомъ вонъ по три копейки платятъ! А онъ за пятакъ не хочетъ!

— Не знаю, конечно, какъ у васъ; но вотъ я сейчасъ былъ внизу на плотахъ,—сказалъ я.—По пять копѣекъ гонятъ съ бревна. Вы понимаете, какая это цѣна?

— Словъ не говоря, есть и у насъ смирные!— поспѣшно поправился человѣкъ въ пальто.—Такихъ я жалѣю, такимъ надо помогать. Семья у него въ тринадцать- четырнадцать человѣкъ, даешь цѣну,— не торгуется, идетъ... А этотъ,—чего ему? Сидитъ себѣ, пьетъ чай. Заработалъ гдѣ двадцать копѣекъ, и ладно: на чай-сахаръ хватитъ, а хлѣба даромъ дадутъ... Ты пройдись по деревнѣ въ одиннадцать часовъ ночи, у кого огонь горитъ? У богатаго, у меня! А бѣдный ужъ спитъ. Утромъ рано богатый идетъ на работу, а бѣдный... чай пьетъ! У насъ чаи теперь пошли. Солнце ужъ вонъ гдѣ, позавтракали люди, а онъ выѣзжаетъ...—Что, Михайло, поздно?—Да баба проспала: самоваръ долго не закипалъ, углей не было... А?! Не надо его выпороть хорошенько? Солнце ужъ вонъ гдѣ, а онъ...

— Чаевничаетъ!—со смѣхомъ докончилъ лавочникъ, обнажая свои верхнія беззубыя десны.

— Чайничаетъ, да!.. И вотъ такихъ-то бѣдныхъ преимущественно много!

Человѣкъ въ пальто всталъ изъ-за стола и быстро заходилъ по комнатѣ.

— Ежели кто бѣденъ, тотъ отъ своей вины бѣденъ! Я тотъ же мужикъ, такой же надѣлъ имѣю,—

Digitized by Google

а почему у меня теперь сорокъ десятинъ? Почему вотъ цѣпочка серебряная черезъ шею при часахъ?.. Позвольте вамъ сказать: милости я ни отъ кого не видалъ, что добылъ, добылъ вотъ этимъ своимъ горбомъ!.. Мнѣ давай помочь, я не приму! Не надо мнѣ! У меня вотъ голова есть, руки есть,—чего мнѣ еще?

— Нѣтъ, Трифонъ Ивановичъ, ты все-таки... того...—возразилъ лавочникъ.—Есть, которые бѣдствуютъ, —жалко. Какъ его не накормишь? Христіанская душа, тоже пить-ѣсть проситъ.

Трифонъ Ивановичъ остановился у стола и слушалъ, нетерпѣливо сдвинувъ брови, словно пережидая, что послѣдуетъ послѣ этихъ глупыхъ словъ, на которыя возражать не стоитъ.

— Круто не гни!—продолжалъ лавочникъ, помолчавъ.—Къ тебѣ же въ амбаръ залѣзетъ. А попадется, —что ему острогъ? Тамъ хлѣбомъ кормятъ. Видалъ? Какъ говорится: собаку не дразни... Не дразни собаку, укуситъ!

— Э, вотъ оно что!—презрительно разсмѣялся Трифонъ Ивановичъ.—Нѣтъ, братъ! Треску боятся,—въ лѣсъ не ходить!

— Онъ скажетъ: дай хлѣбца! — Не дамъ.—Не да-ашь?—Не дамъ.—Та-акъ! Ну, жди, разсчитаемся съ тобою!

— Это что подожжетъ-то?.. Эка! А ты сейчасъ свидѣтелей, да въ волостномъ и засвидѣтельствуй. Самъ сторожить станетъ, какъ бы кто другой тебя не поджогъ!..

Онъ сѣлъ къ столу, налилъ изъ чайника въ

Digitized by Google

стаканъ чаю и сталъ быстро прихлебывать изъ него.

— А что, конечно, для богатаго прискорбно,— вздохнулъ лавочникъ.—Онъ старается, работаетъ, ночей не спитъ,—а отвѣчай за бѣднаго. Ну, конечно, удумываетъ, какъ дѣлу своему помочь. У насъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ сосѣднемъ селѣ общественную магазею разнесли мужички. Три раза у земскаго начальника просили подѣлить,—нѣтъ, не дозволяетъ. Ну, ладно! Богатые и начали подбивать общество: разнесемъ магазею! Богатый-то всегда посмыслениствѣе: весною все бы изъ магазеи бѣднымъ бы пошло, а тутъ каждый свое возьметъ поровну. А бѣдные — дураки; ему шепни: „вотъ, братцы, по четыре пудовки муки выйдетъ на душу“,—онъ и радъ... Значитъ, и говорятъ старостѣ: „ты уѣзжай, какъ будто не знаешь ничего!“ Двери бревномъ выломали и подѣлили ровно по душамъ. Староста поѣхалъ къ земскому; такъ, молъ, и такъ! Пріѣхалъ земскій: кто разнесъ?— Мы! Ругался, а что подѣлаешь? Ничего никому не было.—Онъ лукаво засмѣялся.

— Было!—коротко возразилъ Трифонъ Ивановичъ.—У насъ въ Дубровкахъ пятерыхъ въ Сибирь угнали за это самое дѣло. Разсуждали: хлѣбъ-то нашъ, чего-жъ ему лежать? Подѣлимъ! А разъясненіе вышло, что хлѣбъ-то не нашъ, а все равно, что подань...

Далеко за горами раздался заунывный свистокъ приближавшагося парохода. Всѣ поднялись и стали собираться.

Черезъ четверть часа нашъ пароходъ быстро

Digitized by Google

бѣжалъ внизъ по Вяткѣ. Была ночь,—сѣверная, бѣлая,—стало еще холоднѣе. На западѣ, подъ нависшими черными тучами, свѣтилась длинная, ярко-огненная полоска заката; волны рѣки тускло переливались, не отражая полосы. Тучи на западѣ все сгущались, все плотнѣе и тяжелѣе налегали на ясную полоску, и все мрачнѣе становились и рѣка, и берегъ.

На встрѣчныхъ плотахъ, подъ обрывами, сонно и тускло мигали огоньки... Тамъ, облѣпленные мошками, стынутъ въ сырости обезсиленные, обезнадежившіеся люди. А между тѣмъ есть же, есть и въ этихъ мѣстахъ сила, бодрость и способность постоять за себя; но почему же ими такъ богаты одни лишь двуногіе волки, съ волчьими душами и волчьими стремленіями?.. Надъ обрывами мрачно и сухо шумѣли черные боры, холодныя волны вяло и безсильно плескались о берега.

Digitized by Google

ВЪ ПУТИ.

„40 человѣкъ—8 лошадей“... Въ нашемъ вагонѣ четвертаго класса лошадей не было, но людей, если считать ребятъ, было много больше сорока. Въ маленькія оконца подъ потолкомъ свѣтило вечернее солнце, и золотые столбы лучей перерѣзывали наискось пыльный полумракъ закупореннаго переселенческаго вагона; лучи медленно двигались и захватывали то обсаленный уголъ наръ, то дѣтскую головку, то кучу грязныхъ, яркихъ тряпокъ. Вагонъ тяжело гремѣлъ и колыхался, пахло махоркою, лукомъ и дѣтскими пеленками.

Переселенцы были большею частью изъ Черниговской губерніи, но были и туляки. Черниговцы, въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ и бѣлыхъ свитахъ, сидѣли и лежали на нарахъ, молча слушая старика-бѣлевца,—низенькаго и лохматаго, съ рѣдкою, мочальнаго цвѣта бороденкою. У него, видимо, много накипѣло въ душѣ; рѣчь его лилась безъ перерыву; такъ какъ вагонъ грохоталъ, старикъ

Digitized by Google

говорилъ громкимъ, напряженнымъ голосомъ, и казалось, что онъ держитъ рѣчь передъ большимъ собраніемъ.

— Тридцать лѣтъ назадъ нашему селу было двадцать три двора,—говорилъ онъ, — а нынче— шестьдесятъ пять, и въ каждомъ по два, по три мужика, а то и по пяти. Вотъ! Народу-то все больше родится, а земля отъ земли не родится, все столько же, что на пять душъ, что на пятьдесятъ. Какъ жить? Вертишься, какъ ворона на колу, а для чего, неизвѣстно. Ребята чуть подросли, — учуждаются въ дальнюю сторону, хоть не ворочайся ко двору; а воротились,—ѣсть нечего никому. Такъ и бьешься вдвоемъ со старухой... Пугаютъ: замерзнешь въ Сибири, климатъ худой!.. Э!—Онъ махнулъ рукою. —Ну, климатъ у насъ хорошій, это нечего говорить Климатъ хорошій, а земледѣліе скудное! Съ землею не стоитъ дѣла дѣлать! Вотъ и иди на сторону. А что же намъ на сторонѣ мотаться? Мы природные мужики!

Черниговцы сочувственно поддакивали. Старикъ чиркнулъ сѣрною спичкою по нарамъ и раскурилъ потухшую папироску.

— Намъ на сторону ходить не къ чему, хорошаго дѣла тамъ не сдѣлаешь!—продолжалъ онъ.— Хочется жить хорошо? Эка ты какой! Намъ, голубчикъ, этого не надобно. Живемъ мы безъ нѣги, воспитаніе получаемъ сѣрое. Намъ, чтобы хлѣбушка хватало, — больше намъ ничего не нужно. А ты что? — обратился онъ къ какому-то невидимому слушателю. — „Чай мало пьете! Жена зачѣмъ въ

Digitized by Google

сарафанѣ ходитъ! Зачѣмъ каблучковъ нѣту у нея?..“ Э-э, братъ!..

Онъ махнулъ рукою.

— А я, отецъ, вотъ что тебѣ скажу,—обратился онъ ко мнѣ.—Мы сами, о себѣ самихъ!.. Нынче народъ вотъ какой бѣдовый сталъ! Раньше былъ смирнѣе. Раньше изъ земли да въ землю, ничего не видавши... А теперь жить съ нимъ нельзя. Невозможно! Отъ дому отбился, жительства настоящаго не имѣетъ... Выдалъ я дочку въ село на бѣлую дорогу, какъ изъ Тулы ѣхать. Парень—слесарь, въ Москвѣ работаетъ, шибкую деньгу зашибаетъ; на это и польстились. А вышло дѣло горьше горькаго. Пожилъ онъ съ нею недѣлю,—уѣхалъ въ Москву, живетъ тамъ. Онъ—тамъ, она—тутъ, при свекорѣ. Деньги подавалъ, какъ слѣдуетъ, а пріѣдетъ когда на праздникъ,—и не смотри, что дѣлаетъ! На Покровъ полѣномъ голову ей расшибъ,—съ ведро крови печенками вышло... Смотрѣть, говоритъ, мнѣ на тебя, на деревенщину, тошно! Хоть бы сдохла поскорѣй!.. И стали намъ люди говорить, что связался онъ въ Москвѣ съ другою, живетъ, дѣтей приживаетъ. Пошла дочка въ Москву и накрыла ихъ. Ну, нечего ему дѣлать, прогналъ полюбовницу, пріѣхалъ домой. Пьянствуетъ съ утра до ночи, жену бьетъ смертнымъ боемъ. Потомъ вдругъ какъ будто притихъ, сталъ смирный...

Старикъ докурилъ папиросу, раздавилъ огонь между корявыхъ пальцевъ и бросилъ окурокъ.

— Вотъ разъ на Тройцу легъ онъ съ женою на кровать,—продолжалъ онъ,—обнялъ, сталъ во-

Digitized by Google

зиться. — „Буде, говоритъ, намъ съ тобою худо жить! Вотъ я у бабки заговоренной водки досталъ, выпьемъ! Только ты раньше пей“... А она забоялась: напьется, опять бить станетъ.—„Сейчасъ, говоритъ, мнѣ неможется, утромъ выпью“... Немножко пойла этого пролилось на тулупъ. Утромъ, какъ свѣтать стало, смотритъ она,—всю шерсть на тулупѣ прожгло. Была это, братецъ мой, ложная водка... Вотъ какой звѣрина мужикъ!.. Ну, а послѣ этого дѣла пошелъ онъ съ нею въ лавку, новыя ботинки ей купилъ, платокъ, свелъ въ кузницу и повѣсилъ. Пришелъ народъ, — виситъ она на веревкѣ, и ботинки около стоятъ, какъ-будто, значитъ, шла къ родителямъ, т. е. къ намъ... Судили его, насъ всѣхъ вызывали въ окружной, къ присягѣ приводили. Онъ говоритъ: „знать ничего не знаю!“ Спрашиваютъ насъ: „худо жили?“—„Худо“.—„Ну, говорятъ, значитъ, сама повѣсилась“. Присудили его на шесть мѣсяцевъ въ острогъ и сколько-то еще времени молиться. А тутъ царь, что-ли, померъ, али наслѣдникъ родился у него, — всѣхъ невольниковъ и простили. Такъ что онъ сейчасъ же и пришелъ назадъ, нигдѣ не сидѣвши, — опять въ Москву уѣхалъ къ полюбовницѣ своей; говорятъ, женился на ней... Вотъ какое дѣло!

Старикъ погладилъ по головѣ сидѣвшую на нарахъ, крѣпкую, румяную дѣвочку лѣтъ восьми, въ красномъ платочкѣ, завязанномъ на головѣ побабьи, на затылкѣ.

— Вотъ еще дочка у меня! Пущай же она за природнаго мужика идетъ, чтобъ земледѣльствомъ занимался настоящимъ!—продолжалъ онъ смѣясь,

Digitized by Google

а голосъ его дрожалъ отъ слезъ.—Не то что, какъ у насъ: старый съ малымъ да съ бабой вокругъ земли ковыряются, а люди всѣ въ отлетѣ... Будетъ онъ учить ее по хорошему, по справедливому, а не зря... Дочка, хочешь за мужика замужъ?

— Хочу,—отвѣтила дѣвочка, потупившись.

— Ну, во-отъ!.. — Старикъ добродушно захохоталъ.—„Климатъ худой“... Эка! Вездѣ люди живы бываютъ! Это для насъ ничего не значитъ. Намъ бы только, чтобъ жить по справедливому, а разноголосовъ намъ не надо. А въ Рассеѣ-матушкѣ мужику приходитъ конецъ; ненадобенъ онъ сталъ никому... Ну, прощайте, — можетъ, и сами тамъ лучше заживемъ, спасеніе себѣ сдѣлаемъ... Прасильно я сказалъ?

Онъ побѣдоносно подмигнулъ, поспѣшно утеръ рукавомъ носъ и глаза и весело разсмѣялся.

— Конецъ мужику приходитъ, это вѣрно,—сказалъ одинъ изъ черниговцевъ, бородатый, съ высокимъ лбомъ и печальными, умными глазами. — Невозможно стало жить дома. Кто хочетъ, обижай, а ничего не подѣлаешь, силы нема. У насъ панскую землю закупилъ Тарашко, богачъ кіевскій,—извѣстнѣйшій: въ степу за Кіевомъ имѣній у него,—конца-берегу нѣту! Выгонъ совсѣмъ прекратилъ, скотину выгнать некуда. Приказчикъ условія даетъ, такія условія,—все равно, какъ крѣпостные, работай на него даромъ все лѣто. Стали условіе писать,—самъ писарь волостной говоритъ: „да этакую услугу невозможно отслужить!“... А мы безъ выгона не можемъ жить, — покосу у насъ немного,

Digitized by Google

часть малая. Что же дѣлать?.. Ни жалости, ни милости нѣтъ у нихъ.

— Одно только остается,—утикать!—съ медленною улыбкою проговорилъ молодой, смуглый парень съ черными усиками.

— И вездѣ, гдѣ онъ землю закупитъ, — вездѣ народъ утикаетъ... Невозможно жить!..

Мнѣ бросился въ глаза сидѣвшій на нарахъ старый-старый „дідъ“. Съ длинной, лохматой бородой, выцвѣтшими глазами и отвисшими, красными нижними вѣками, онъ слушалъ, полуоткрывъ беззубый ротъ, и, словно въ полудремѣ, подтверждающе кивалъ головою.

— Раньше восемь лѣтъ нѣмцы у насъ хозяйствовали,—продолжалъ бородатый черниговецъ, — и то легче было.

— Судьяги тоже были вонъ какіе; а все же легче! — добавилъ лысый, усатый мужикъ съ бритымъ, щетинистымъ подбородкомъ.

— А пытались вы сами купить имѣніе?—спросилъ я.

— Купить имѣніе, — нужно сто рублей взятки дать приказчику. Нѣмецъ или еврей это скорымъ обычаемъ въ руку сунетъ, и готово. А у насъ, чтобъ съ міру сто рублей собрать, — раньше весь свѣтъ дрыганется!.. Нѣтъ, утикать, утикать,—одна намъ дорога...

— Тамъ, братъ, въ Сибири—просторъ!—вдругъ бодро заговорилъ бѣлевецъ. — Тамъ мѣста всѣмъ хватитъ, прижимокъ не будетъ, жизнь вольная!..

И его бодрый голосъ сразу повернулъ разговоръ на другую колею, и томившая всѣхъ вели-

Digitized by Google

кая земельная тоска стала утихать подъ свѣтлыми надеждами на ея удовлетвореніе.

— Тамъ мѣста много, это вѣрно,—подтвердилъ бородатый черниговецъ. — Намъ въ Маріинскомъ уѣздѣ по пятнадцать десятинъ отведено земли, — земля хорошая, рѣчка есть, жито вотъ какое, пшеница вызрѣваетъ!

— Тамъ живутъ не по нашему,—добавилъ другой.—Нашъ ходокъ разсказывалъ: дядя у него въ Сибири,—девять лошадей у него, восемь коровъ, свиньи, овцы, пшеницы тысяча пудовъ; дочки одѣваются, какъ паняночки. Поѣхали они всѣ вмѣстѣ въ гости, — надѣнь, говорятъ, нашу шубу, а то совѣстно сказать людямъ, что ты намъ племянникъ.

— А говорятъ: „климатъ худой!“...—воскликнулъ бѣлевецъ. — Э, въ томъ климатѣ, можетъ, еще лучше жить крестьянину!..

И лица всѣхъ оживились, глаза смотрѣли весело. Только старый дѣдъ съ отвисшими красными вѣками по прежнему качалъ головою, полураскрывъ ротъ и глядя въ пространство тусклыми глазами, и, казалось, ничего не видѣлъ онъ впереди, кромѣ мутнаго, тяжелаго и холоднаго мрака...

Поѣздъ остановился у станціи. Я простился съ собесѣдниками и слѣзъ. Солнце садилось. По ту сторону рельсовъ высилась дубовая роща; съ ярко-зеленыхъ полянокъ тянуло крѣпкою, бодрящею свѣжестью, лѣсные сверчки наполняли чащу чистыми и сухими, какъ будто стригущими звуками. Поѣздъ постоялъ недолго; раздался звонокъ,

Digitized by Google

и онъ покатилъ дальше по волнистымъ пензенскимъ равнинамъ. Громъ его стихъ.

Я выѣхалъ въ телѣжкѣ на гору. Далеко среди полей ползъ поѣздъ,—длинный, окутанный пылью и дымомъ. Я долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Поѣздъ ползъ на востокъ, пыхтя и спѣша, какъ будто и онъ самъ тоже „утикалъ“ отъ кого-то...

Digitized by Google

ЛИЗАРЪ.

Солнце садилось за боръ. Телѣжка, запряженная парою низкорослыхъ лошадокъ, звякая бубенчиками, медленно двигалась по заросшему муравкою глинистому гребню; я сидѣлъ въ телѣжкѣ, сомнительно поглядывая на моего возницу. Направо, прямо изъ-подъ колесъ телѣжки, бѣжалъ внизъ обрывъ, а подъ нимъ весело струилась темноводая Шелонь; налѣво, также у самыхъ колесъ, шелъ оврагъ, на днѣ котораго тянулась размытая весенними дождями глинистая дорога; телѣжка переваливалась съ одного бока на другой, наклоняясь то надъ рѣкою, то надъ оврагомъ. Въ какую сторону предстояло намъ свалиться?.. Мой возница Лизаръ,—молчаливый, низенькій старикъ съ втянутою въ плечи головою,—дергалъ локтями и осторожно повторялъ: „тпру!.. тпру!..“

— Какъ ты, дѣдко, не боишься? Вѣдь мы свалимся!—не выдержалъ я наконецъ.

— Свалимся, баринъ, — Христосъ-правда, свалимся!—неожиданно отвѣтилъ Лизаръ, отъ кото-

Digitized by Google

раго я готовился услышать классическое „небось“.—Какъ же не бояться? Ужъ то-то боюсь!

— Такъ ты бы на дорогу съѣхалъ.

— На дорогу! Увязнешь на дорогѣ, гораздъ топко. Дожди-то какіе лили! Погляди на Шелонь,— видишь, вздулась: вода въ ней свѣжая, чистая, что серебрина, а нынче вонъ какъ потемнѣла,— всю воду съ болотъ взяла... „Не боюсь!“—повторилъ онъ, помолчавъ.—Ужъ такъ-то боюсь,—ажно вспотѣлъ!

Онъ снялъ свою облѣзлую шапку и утеръ рукою лобъ.

— А ты вотъ что, баринъ любимый: слѣзай съ телѣжки, да вонъ до того яру черезъ кустики и дойди; а я на дорогу спущусь, кругомъ объѣду.

Я сошелъ съ телѣжки. Лизаръ оживился, быстрѣе задергалъ возжами и покатилъ по откосу въ оврагъ; бубенчики закатились испуганнымъ, прерывистымъ звономъ; телѣжка прыгала по промоинамъ, Лизаръ прыгалъ на облучкѣ, натягивая возжи.

— Н-но, гамыры! — донеслось со дна оврага, словно изъ преисподней. Телѣжка, увязая въ глинѣ, потащилась въ гору.

Я перебрался черезъ оврагъ и пошелъ указаннымъ мнѣ Лизаромъ перелѣскомъ. По ту сторону Шелони, надъ боромъ, тянулись ярко-золотыя тучки, и самъ боръ подъ ними казался мрачнымъ и молчаливымъ; а кругомъ стоялъ тотъ смутный, непрерывный и веселый шумъ, которымъ и днемъ и ночью полонъ воздухъ въ началѣ лѣта. Сегодня всю дорогу онъ сопровождалъ меня; съ шелонскихъ

Digitized by Google

луговъ, отъ боровъ и рощъ, отъ тихихъ, ясныхъ озеръ,—отовсюду несся этотъ живой шумъ вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтущей земли. Я былъ радъ, что возница мнѣ попался молчаливый. Разговоры и встрѣчи послѣднихъ дней порядкомъ истомили меня: растутъ и поднимаются вопросы безъ конца, одинъ другого тяжелѣе, мясомъ и нервами сросшіеся съ окружающею непонятною, неподступною жизнью; всѣ эти вопросы цѣпляются другъ за друга, переплетаются и свиваются въ какой-то громадный клубокъ, гдѣ нельзя и намека найти на практическій выходъ. И является мысль: не нужно этихъ вопросовъ, подальше отъ нихъ,—для чего это безполезное теоретическое изученіе, это безцѣльное „констатированіе фактовъ“? Лучше ѣхать вотъ такъ, ни о чемъ здѣшнемъ не печалясь, дышать полною грудью и думать о другой жизни, гдѣ пролегаютъ широкіе пути, гдѣ есть сила и вѣра въ себя.

Кругомъ, среди орѣховыхъ и ольховыхъ кустовъ, все пѣло, стрекотало, жужжало. Въ тепломъ воздухѣ стояли веселые рои комаровъ-толкачиковъ майскіе жуки съ серьезнымъ видомъ кружились, вокругъ березъ, птички проносились черезъ поляны волнистымъ, порывистымъ летомъ; пахло сосною и лѣсными цвѣтами. Вдали повсюду звучали дѣвическія пѣсни, — была Троица, по деревнямъ водили хороводы.

Я остановился на опушкѣ, около межи, за которою тянулась матово-зеленая рожь. Когда стоишь такъ одинъ, не шевелясь, лицомъ къ лицу съ природой, то овладѣваетъ странное чувство: кажется,

Digitized by Google

что она не замѣчаетъ тебя, и ты, пользуясь этимъ, вотъ-вотъ сейчасъ увидишь и узнаешь какую-то самую ея сокровенную тайну; и тогда все окружающее кажется необычнымъ и полнымъ этой тайны. Подъ зеленѣвшими дубками земля была усыпана темнобурыми прошлогодними листьями; каждый изъ этихъ листьевъ шуршалъ и шевелился, какая-то скрытая жизнь таилась подъ ними; что это тамъ,—лѣсные муравьи, проростающая трава?.. И все кругомъ слабо шумѣло и шуршало, словно живое,—трава, цвѣты, кусты. Не замѣчая человѣка, все какъ будто ожило и зажило свободно, не скрываясь. Вѣтеръ мягко пронесся по ржи и перебѣжалъ въ осины; осины зашептались, заволновались, съ короткимъ шумомъ вздрагивая листьями; цѣлое облако бѣлыхъ пушинокъ сорвалось съ ихъ сережекъ и, словно сговорившись съ вѣтромъ, весело понеслось въ темнѣвшую чащу.

Мнѣ показалось, что справа кто-то смотритъ на меня. Я оглянулся. Въ десяти шагахъ сидѣли въ травѣ два выскочившіе изъ ржи зайца; они сидѣли спокойно, съ любопытствомъ и какъ-то юмористически глядя на меня, какъ будто имъ было смѣшно, что и я надѣюсь проникнуть въ ту тайну, которую сами они и всѣ кругомъ прекрасно знаютъ. При моемъ движеніи зайцы переглянулись и, не спѣша, нѣсколькими большими, мягкими прыжками, безшумно отбѣжали къ кустамъ ракитника; тамъ они снова сѣли и, шевеля ушами, продолжали поглядывать на меня.

— О-го-го-го-го-ооо!!—глухо донесся изъ-за ржи крикъ Лизара.

Digitized by Google

Я откликнулся. Зайцы снялись и стали удаляться неуклюжими и въ то же время легкими прыжками; между кустовъ долго еще мелькали ихъ рыжія, горбатыя спины и длинныя уши. Я вышелъ на дорогу.

Мы поѣхали дальше. Солнце сѣло, изъ лощинъ потянуло влажнымъ холодкомъ.

— Хорошо-бы теперь чайку попить,—сказалъ я.

— Ну, что-жъ! Вотъ пріѣдемъ въ Якоревку, и попьешь чайку,—отвѣтилъ Лизаръ.—Ты, значитъ, чайку попьешь, отдохнешь, я походомъ коней покормлю, а тамъ съ холодочкомъ и поѣдемъ дальше.

— А далеко до Якоревки?

— До Якоревки-то? — удивился Лизаръ. — Да вонъ она!

Надъ рожью сѣрѣли соломенныя крыши деревни. Лизаръ встрепенулся и сильнѣе задергалъ возжами. На краю деревни, у казенной винной лавки, подъ корявою березою сидѣли мужики, пили водку и громко спорили; издалека неслась хороводная пѣсня. Мы въѣхали въ узкую, ужъ потемнѣвшую улицу, заросшую ветлами; избы здѣсь, какъ и вообще въ этихъ краяхъ, были очень высокія, съ окнами вѣнцовъ на пятнадцать-двадцать отъ земли.

Лизаръ подъѣхалъ къ избѣ, около которой на сукѣ ивы висѣли веревочныя качели. На высокомъ крылечкѣ никого не было, въ окнахъ было темно; Лизаръ остановилъ лошадей, поглядѣлъ на качели и задумчиво почесался.

— Эй, кума Агаѳья! Нельзя-ли на качеляхъ по-

Digitized by Google

зыбаться у тебя? Гораздъ качели хороши!—крикнулъ онъ.

На крыльцѣ показалась высокая баба, прямая и худая, съ сухимъ, строгимъ лицомъ.

— Кого говоришь?—спросила она.

— Самоварчикъ барину надобенъ, проѣзжающему... Будь здорова!

Баба внимательно оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Здравствуйте... Сейчасъ сами отпили, можно наставить,—медленно отвѣтила она.—Дунька!—позвала она такъ, какъ будто Дунька стояла рядомъ съ нею.—Подложи шишекъ въ самоваръ!.. Сейчасъ готовъ будетъ тебѣ.

Изъ сѣней выглянула дѣвушка съ широкимъ лицомъ и бойкими глазами подъ черными бровями. Она съ любопытствомъ оглядѣла меня и исчезла.

Черезъ десять минутъ на высокомъ крылечкѣ кипѣлъ самоваръ. Я заварилъ чай.

Заря догорала; небо было покрыто легкими тучками, освѣщенными сверху страннымъ полусвѣтомъ надвигавшейся бѣлой ночи. На улицѣ, окутанной блѣднымъ сумракомъ, были жизнь и движеніе, съ конца ея лилась хороводная пѣсня; громкіе голоса, скрашенные разстояніемъ, звучали въ воздухѣ задумчиво и нѣжно:

Не на много время жизнь давалася,
За единый часъ миновалася...

Въ барскомъ саду щелкалъ и заливался соловей, оттуда тянуло запахомъ сирени и росистою свѣжестью сада. Эта ночь начинала томить, въ

Digitized by Google

душѣ поднимались какія-то смутныя желанія, становилось хорошо и грустно.

— Ты чтожъ гулять не приходишь?—послышался подъ крыльцомъ мужской шопотъ.

— А тебѣ что?— лукаво спросилъ голосъ Дуньки, также вполголоса.

— Что, что! Всѣ дѣвки въ хороводѣ, а тебя нѣту. На кой онѣ мнѣ?.. Кто это у васъ сидитъ?

— Баринъ проѣзжающій чай пьетъ. Самоваръ ему наставляла я.

— Самоваръ?—переспросилъ мужской голосъ, вдругъ задрожавшій отъ волненія.—Само...варъ?

— Пошелъ ты, дьяволъ!

— Нишни! Идутъ!

Голоса смолкли. Лизаръ, засыпавшій лошадямъ овесъ, поднялся на крылечко. Я досталъ бутылку, налилъ водкою рюмку и чашку и предложилъ послѣднюю Лизару. Лизаръ задвигалъ плечами, его маленькіе глаза подъ нависшими бровями блеснули.

— Ну, почеремонимся! — стыдливо усмѣхнулся онъ и, быстро стащивъ съ головы шапку, принялъ чашку.—Здравствуй!

Мы выпили, закусили и стали пить чай. Лизаръ держалъ въ своихъ корявыхъ рукахъ блюдечко и, жмурясь, дулъ въ него. Хозяйка снова появилась на порогѣ, прямая и неподвижная; за ея юбку держались два мальчугана; засунувъ пальцы въ ротъ, они исподлобья внимательно смотрѣли на насъ. Изъ оконца подъизбицы тянуло запахомъ прѣлаго картофеля.

— Разродилась сноха твоя?—спросила хозяйка.

Digitized by Google

— Разродилась, матушка, разродилась, — поспѣшно отвѣтилъ Лизаръ.

— Мертваго выкинула?

— Зачѣмъ мертваго? Живого.

— Живого?.. А у насъ тутъ баяли, мертваго выброситъ. Старуха Пафнутова гомонила,—гораздъ тяжко рожаетъ, не разродится.

— Съ чего не разродиться? За дохторомъ сослали!—произнесъ Лизаръ съ длинной, насмѣшливой улыбкой. — Пріѣхалъ, клещами ребеночка вытащилъ,—живого, вотъ и гляди.

— Клещами! — проговорила хозяйка, покачавъ головою.

— Дѣлаютъ незнамо что!—вздохнулъ Лизаръ.

— Какъ незнамо что? — возразилъ я.—Живого вѣдь вытащили, чего жъ тебѣ? А не помогъ бы докторъ, такъ ребенокъ бы умеръ.

— „Живого“, .„живого“! — повторилъ Лизаръ и замолчалъ.—Такъ они намъ ни къ чему, ребята-то, ни къ чему!—объяснилъ онъ мнѣ.—Довольно, значитъ! Будетъ! И такъ полна изба. Чего жъ балуются, дохтора безпокоятъ? Сами хлѣбъ жевали-жевали, а дохторъ пріѣзжай къ нимъ—глота-ать!.. Избаловался нынѣ народъ, вотъ что! Съ нѣгой стали жить, съ заботой, о Богѣ не мыслятъ. Вонъ бобушки *) по деревнямъ ходятъ, ребятъ клюютъ; сейчасъ пріѣдетъ фершалиха, начнетъ ребятъ колоть; всѣхъ переколетъ, ни одного не оставитъ. Заболѣлъ кто,—сейчасъ къ дохтору ѣдетъ... Прежде не такъ было...

---

*) *Бобушками* въ Псковской губерніи называютъ оспу.

Digitized by Google

Лизаръ вздохнулъ.

— Прежде, баринъ мой жадобный, лучше было. Жили смирно, Бога помнили, а Господь-Батюшка заботился о людяхъ, назначалъ всему мѣру. Мѣра была, порядокъ! Война объявится, а либо голодъ,—и почиститъ народъ, глядишь, — другимъ жить слободнѣе стало; бобушки придутъ,—что народу поклюютъ! Знай, домовины готовь! Сокращалъ Господь человѣка, жалѣлъ народъ. А таперичка нѣту этого. Ни войны не слыхать, вездѣ тихо, фершалихъ наставили. Вотъ и тужитъ народъ землею. Что сталось-то, и не гляди! Выѣдешь съ сохою на нивку, а что орать, не знаешь. Сосѣдъ кричитъ: „эй, дядя Лизаръ, мою полоску зацѣпилъ!“ Повернулся, — съ другого боку: „мою-то зачѣмъ трогаешь?!“ Во-отъ какое стѣсненіе!.. Скажемъ, куму взять.—Лизаръ кивнулъ на хозяйку.—Пять сыновъ у нихъ, видишь? Ребята все малые, что паучки, а вырастутъ,—всѣхъ нужно произвести къ дѣлу... Къ дѣлу нужно произвести! А земли на одну душу. Вотъ и считай тымъ разомъ,—много ли на каждаго придется?

— Да такъ сказать, ничего и не придется,— поучающе произнесла хозяйка.

Лизаръ развелъ руками.

— Ничего! На кой же они нужны? На сторону намъ ходить некуда, заработки плохіе!.. Ложись да помирай. По нашему дѣлу, баринъ мой любимый, столько ребятъ не надобно. Если чей Богъ хорошій, то прибираетъ къ себѣ,—значитъ, сокращаетъ семейство. Слыхалъ, какъ говорится? Дай, Госпо-

Digitized by Google

ди, скотинку съ приплодцемъ, а дѣтокъ съ приморцемъ. Вотъ какъ говорится у насъ!

Хозяйка сочувственно слушала Лизара, ласково гладя рукою головки жавшихся къ ея юбкѣ ребятъ.

— Губятъ насъ, можно сказать, пустячныя дѣла, — продолжалъ захмѣлѣвшій Лизаръ. — Безсмертная сила народу набилась, а сунуться некуда, концовъ-выходовъ нѣту. А каждый на то не смотритъ, старается съ своей бабой... Э-эхъ! Не глядѣли бы мои глаза, что дѣлается!.. Ужъ наказываешь сынамъ своимъ: быдьте, ребятушки, посмирнѣе,—сами видите, дѣло наше малое, пустячное. И понимаютъ, а глядишь,—то одна сноха неладивши породитъ, то другая...

— И то сказать: не изъ соломы сплетёны,— вздохнула хозяйка.

— Тяжкое дѣло, тяжкое дѣло!—въ раздумьѣ произнесъ Лизаръ.—А только я такъ домекаюсь, что бабамъ бы тутъ порадѣть нужно, вотъ кому. Сходи къ дохтору, поклонись въ ножки,—они учены, знаютъ дѣло. Поклонишься,—дадутъ тебѣ капель. Вѣдь за это не то, что яичекъ,—гуся не пожалѣешь. Какъ скажешь, — есть такія капли?— спросилъ Лизаръ, значительно и испытующе поглядѣвъ на меня.

Онъ говорилъ еще долго. Передо мною развертывалась цѣлая система,—законченная и оформленная, дышавшая наивною и страшною безпощадностью. А вдали звучали пѣсни, и природа кругомъ изнывала отъ избытка жизни. И казалось,— вотъ стоятъ два разлагающихся трупа и говорятъ

Digitized by Google

какія-то мертвыя, холодныя, дышащія могильною плѣсенью рѣчи. Мнѣ становилось жутко.

— Пора ѣхать!—сказалъ я, вставая.

— И то пора!—поспѣшно отвѣтилъ Лизаръ и, суетливо поднявшись, пошелъ къ лошадямъ.

Заря ужъ совсѣмъ погасла, когда мы двинулись. Была бѣлая ночь, облачная и тихая. У околицы еще шелъ хороводъ, но онъ ужъ сильно порѣдѣлъ и съ каждою минутою таялъ все больше. А тамъ, въ блѣдномъ полумракѣ,—на гумнахъ, за плетнями, подъ ракитами,—вездѣ слышался мужской шопотъ, сдержанный дѣвичій смѣхъ...

Изъ проулка навстрѣчу намъ вышла парочка; молодцоватый парень съ русой бородкой и дѣвушка въ красномъ платочкѣ медленно переходили дорогу, тѣсно прижавшись другъ къ другу; съ широкаго, миловиднаго лица дѣвушки безъ испуга глянули на насъ глаза изъ подъ черныхъ бровей. Кажется, это была Дунька.

За околицей насъ снова охватилъ стоявшій повсюду смутный, непрерывный шумъ весенней жизни. Была ужъ поздняя ночь, а все кругомъ жило, пѣло и любило; пахло зацвѣтающею рожью и полынью. Въ прозрачно-сумрачномъ воздухѣ, колыхаясь и обгоняя другъ друга, неслись вдаль бѣлыя пушинки ивъ и осинъ,—неслись, неслись безъ конца, словно желая заполонить своими сѣменами весь міръ.

Отдохнувшія лошади бойко бѣжали по дорогѣ; свѣтложелтый песокъ весело шуршалъ подъ колесами. Водка испарилась изъ головы Лизара, онъ снова примолкъ. Я съ страннымъ чувствомъ, какъ

Digitized by Google

на что-то чужое тутъ и непонятное, смотрѣлъ на него... Мы спустились въ лощину.

— Тпру!.. Тпру!..—вдругъ испуганно произнесъ Лизаръ; онъ остановилъ у мостика лошадей и, соскочивъ, сталъ торопливо привязывать сорвавшуюся съ валька постромку. Шумъ телѣжки смолкъ.

И тогда меня еще полнѣе охватила эта черезъ край бившая кругомъ жизнь. Отовсюду плыла такая масса звуковъ, что, казалось, имъ было тѣсно въ воздухѣ. Въ лѣсу гулко, перебивая другъ друга, заливались соловьи, вверху лощины задумчиво трещалъ коростель; кругомъ, въ влажной осокѣ обрывисто и загадочно стонали жабы, квакали лягушки, изъ подъ земли бойко неслось слабое и мелодическое „турррррррр“... Все жило вольно и безъ удержу, съ непоколебимымъ сознаніемъ законности и правоты своего существованія. Хороша жизнь! Жить, только жить,—жить широкою, полною жизнью, не бояться ея, не ломать и не отрицать себя,—въ этомъ была та великая тайна, которую такъ радостно и властно раскрывала природа...

И тутъ-то, среди этого таинства неудержимо развивающейся и размножающейся жизни,— онъ, забитый и сжавшійся въ себѣ „царь природы“, съ его проповѣдью собственнаго сокращенія!..

Digitized by Google

Конецъ Андрея Ивановича.

(Повѣсть).

I.

Былъ вечеръ субботы. Переплетный подмастерье Андрей Ивановичъ Колосовъ, въ туфляхъ и безъ сюртука, сидѣлъ за некрашенымъ столомъ, покрытымъ газетой, и быстро шерфовалъ куски краснаго сафьяна; его жена, Александра Михайловна, стоя у комода, клеила гильзы для переплетовъ. Андрей Ивановичъ ужъ пять дней не ходилъ въ мастерскую: у него отекли ноги, появилась одышка, и обычный кашель сталъ сильнѣе; всѣ эти дни онъ мрачно лежалъ на постели, пилъ дигиталисъ и придирался къ Александрѣ Михайловнѣ; сегодня отеки значительно спали, и Андрей Ивановичъ почувствовалъ себя настолько лучше, что принялся за работу, которую взялъ съ собою изъ мастерской на домъ.

Александра Михайловна съ самаго утра зорко слѣдила за его настроеніемъ: ей нужно было имѣть съ нимъ одинъ важный разговоръ, и она выжидала

Digitized by Google

для этого благопріятнаго момента; все время она была очень предупредительна къ Андрею Ивановичу и старалась предугадать его малѣйшее желаніе. Александра Михайловна была очень полная женщина лѣтъ двадцати пяти, съ свѣтлосиними глазами и густыми русыми волосами, гладко зачесанными надъ дѣтски-чистымъ, низкимъ лбомъ. Она надѣла вокругъ шеи кружевную косынку, зная, что это нравится Андрею Ивановичу.

Въ комнату вошла шестилѣтняя Зина, дочь Колосовыхъ, въ накинутомъ на голову большомъ материнскомъ платкѣ. Она передала матери полубутылку коньяку.

— Хозяинъ велѣлъ сказать, что въ послѣдній разъ даетъ въ долгъ,—шопотомъ сказала она, робко косясь на спину Андрея Ивановича.

Александра Михайловна мигнула ей, чтобъ она молчала, и стала накрывать на столъ; она достала остатки обѣда, подала самоваръ и заварила чай.

— Ну, Андрюша, довольно работать! Иди ужинать. — Александра Михайловна подошла къ Андрею Ивановичу и, секунду поколебавшись, поцѣловала его въ голову: она не была увѣрена, въ настолько-ли хорошемъ расположеніи духа Андрей Ивановичъ, чтобъ позволить ей это.

Андрей Ивановичъ терпѣливо перенесъ ея поцѣлуй и пересѣлъ къ столу. Увидѣвъ коньякъ, онъ просіялъ.

— Вотъ спасибо, Шурочка, что припасла!—съ умиленіемъ произнесъ онъ.—Недурно коньячку теперь выпить.

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ опрокинулъ въ ротъ рюмку и взялъ кусокъ солонины.

— Э-эхъ!— съ наслажденіемъ крякнулъ онъ.— Ей-Богу, какъ выпьешь рюмочку, то какъ будто душа въ раю находится... Дай-ка хрѣну!

Они стали ужинать. Зина ѣла молча; когда Андрей Ивановичъ обращался къ ней съ вопросомъ, она вспыхивала и спѣшила отвѣтить, робко и растерянно глядя на отца: вчера Андрей Ивановичъ жестоко высѣкъ Зину за то, что она до восьми часовъ вечера бѣгала по двору. Вчера всѣмъ досталось отъ Андрея Ивановича: женѣ онъ швырнулъ въ лицо сапогомъ, квартирную хозяйку обругалъ; теперь онъ чувствовалъ себя виноватымъ и былъ особенно мягокъ и ласковъ.

— Что же это Ляховъ не идетъ?—спросила Александра Михайловна.—Обѣщалъ сейчасъ же съ получки деньги занести, а до сихъ поръ нѣтъ.

— Ну, гдѣ же сразу! Раньше въ „Сербію“ нужно зайти, выпить. Ему порядокъ извѣстенъ.

Пришла отъ всенощной квартирная хозяйка. Сосѣдка Колосовыхъ, папиросница Елизавета Алексѣевна, воротилась съ фабрики; сквозь тонкую досчатую стѣну было слышно, какъ она переодѣвалась.

— Александра Михайловна, можно у васъ кипятку раздобыться? — спросила она сквозь стѣну.

— Пожалуйста, Лизавета Алексѣевна!

Въ комнату вошла невысокая дѣвушка съ очень блѣднымъ лицомъ, строгими, грустными глазами, съ какою-то презрительною складкою между бровями.

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ конфузливо поздоровался съ нею. Елизавета Алексѣевна сурово пожала его руку и, отвернувшись, заговорила съ Александрой Михайловной. Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя неловко: Елизавета Алексѣевна была вчера дома, когда онъ бросилъ въ Александру Михайловну сапогомъ.

— Вы бы, Лизавета Алексѣевна, напились чаю съ нами, — сказалъ онъ. — Что вамъ тамъ однѣмъ пить?

— Спасибо. Мнѣ еще къ завтраму сочиненіе нужно писать.

— Ну, что сочиненіе! Напьетесь, и сядете писать.

— Я вмѣстѣ съ чаемъ буду писать.—Елизавета Алексѣевна налила въ чайникъ кипятку. — Какъ ваше здоровье?—спросила она Андрея Ивановича, не глядя на него.

— Слава Богу, поправляюсь. Хочу въ мастерскую итти. Въ понедѣльникъ — Срѣтенье, во вторникъ, значитъ, и пойду. Пора, а то все лежу.. Вонъ и жена ужъ всякое уваженье теряетъ; сейчасъ въ макушку меня поцѣловала, какъ вамъ это нравится!

— Это я, любя тебя,—улыбнулась Александра Михайловна.

— А я остался недоволенъ. Что же это такое, если жена мужа въ макушку цѣлуетъ? Это значитъ, — жена выше мужа; ну, а это власть вполнѣ неумѣстная, хе-хе!

Елизавета Алексѣевна простилась и ушла. Андрей Ивановичъ потянулся.

Digitized by Google

— Поработаю еще немножко, пока Ляховъ придетъ, — сказалъ онъ. — Ты не убирай самовара.

Онъ сѣлъ къ столу, поточилъ ножъ о литографскій камень и снова принялся за работу. Александра Михайловна подсѣла къ столу съ другой стороны и стала рѣзать бумагу для гильзъ.

— Къ Корытовымъ въ уголъ новая жиличка въѣхала, — заговорила она.—Жена конторщика; конторщикъ подъ новый годъ умеръ, она съ тремя ребятами осталась. То-то бѣдность! Мебель, одежу,— все заложили, ничего не осталось. Ходитъ на водочный заводъ бутылки полоскать, сорокъ копѣекъ получаетъ за день. Ребята рваные, голодные, сама отрепанная.

Александра Михайловна украдкою взглянула на Андрея Ивановича. Андрей Ивановичъ недовольно сдвинулъ брови: по тону Александры Михайловны онъ сразу замѣтилъ, что у нея есть какая-то задняя мысль.

— Говоритъ мнѣ: то-то дура я была!—продолжала Александра Михайловна. — Замужемъ жила, ни о чемъ не думала. Ничего я не умѣю, ничему не научена... Какъ жить теперь? Хорошо-бы кройкѣ научиться, — на Вознесенскомъ пятнадцать рублей берутъ за обученіе, въ три мѣсяца обучаютъ; съ кройкою всегда деньги заработаешь. А гдѣ теперь учиться? О томъ только и думаешь, чтобъ съ голоду не помереть.

Она стала говорить какимъ-то поучающимъ голосомъ, словно читала нравоучительную басню.

Digitized by Google

— Тебѣ-то какая печаль?—съ усмѣшкою спросилъ Андрей Ивановичъ.—Всѣ сплетни въ домахъ знаешь, кто что дѣлаетъ; настоящая гаванская чиновница! Видно, самой дѣлать нечего.

— „Какая печаль“... Будетъ печаль, какъ самой придется идти бутылки полоскать, — сказала Александра Михайловна, понизивъ голосъ.

Андрей Ивановичъ выдохнулъ воздухъ черезъ ноздри и взглянулъ на Александру Михайловну.

— Послушай, Саша опять ты этотъ разговоръ заводишь? — угрожающе произнесъ онъ. — Я тебѣ ужъ разъ сказалъ, чтобъ ты не смѣла со мной объ этомъ говорить; я это запретилъ тебѣ, понимаешь ты или нѣтъ?

— Андрюша, ну, ты подумай же самъ! Ты вотъ все хвораешь, — вѣдь неровенъ часъ, все можетъ случиться. Куда я тогда дѣнусь, что стану съ ребенкомъ дѣлать?

— Ахъ, оставь ты, пожалуйста, свои глупости! Ты все хочешь доказать, что у меня чахотка. Никакой у меня чахотки нѣтъ, а просто хроническое воспаленіе легкихъ, мнѣ самъ докторъ сказалъ. Вотъ придетъ лѣто, поживу въ Лѣсномъ, и все пройдетъ.

— Такъ почему же мнѣ все-таки не поучиться, пока есть время?

— Потому что твое дѣло хозяйство. У тебя и такъ все не въ порядкѣ; посмотри, какой самоваръ грязный, посмотри, какая пыль вездѣ. Словно въ свиномъ хлѣвѣ живемъ, какъ мужики! Ты лучше бы вотъ за этимъ смотрѣла!

Александра Михайловна замолчала. Андреи

Digitized by Google

Ивановичъ, сердито нахмурившись, продолжалъ шерфовать; его огромная, всклокоченная голова съ впалыми щеками мѣрно двигалась взадъ и впередъ, лезвее ножа быстро скользило по камню, ровно спуская края сафьяна.

— Тебѣ же бы отъ этого помощь была,—снова заговорила Александра Михайловна.—Ты вотъ все меньше зарабатываешь: раньше семьдесятъ-восемьдесятъ рублей получалъ, а нынче хорошо, какъ сорокъ придется въ мѣсяцъ, да и то, когда не хвораешь; а теперь и совсѣмъ пустяки приносишь; хозяинъ вонъ впередъ ужъ и давать пересталъ, а мы и въ лавочку на книжку задолжали, и за квартиру второй мѣсяцъ не платимъ; погребщикъ сегодня сказалъ, что больше въ долгъ не будетъ отпускать... А тогда бы все-таки помощь была тебѣ.

— Саша! ради Бога, оставь ты говорить о томъ, чего не понимаешь!—сказалъ Андрей Ивановичъ, стараясь сдержаться.—Я работаю съ утра до вечера, содержу тебя,—могу же я имѣть хоть то удовольствіе, чтобъ обо мнѣ заботились! Я хочу, чтобъ у меня дома былъ обѣдъ, чтобъ мнѣ давали съ собой готовый фрыштикъ. А твои гроши никому не нужны, я и безъ тебя обойдусь. Ты прежде всего должна быть порядочной женщиной; а если женщина поступаетъ въ работу, то она должна забыть свой стыдъ и стать развратной, иначе она ничего не заработаетъ. Ты этого не знаешь, а я довольно насмотрѣлся въ мастерской на дѣвушекъ и очень много понимаю.

Digitized by Google

— А вотъ Елизавета Алексѣевна вѣдь тоже работаетъ.

— Елизавета Алексѣевна на тебѣ чета.

— Такъ позволь мнѣ хоть въ воскресную школу съ нею ходить: я еле писать умѣю. Умъ никогда не помѣшаетъ.

— Тебѣ умъ будетъ только мѣшать,—сердито сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Умъ никогда никому не можетъ мѣшать,— упрямо возразила Александра Михайловна.

— Саша, ну, я тебя наконецъ... прошу!—грозно и выразительно произнесъ Андрей Ивановичъ.— Замолчи, ради Бога! Что-то ты ужъ и теперь больно умна стала.

Александра Михайловна заволновалась и быстро заговорила:

— А вонъ, прошлое воскресенье ты весь день съ какимъ-то оборванцемъ пропутался; по всему видно,— жуликъ, ночлежникъ, а ты ему пальто отдалъ.

— „Жуликъ"! Который человѣкъ бѣденъ, тотъ и называется жуликъ,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ, съ глубокимъ презрѣніемъ слѣдя за логическими скачками Александры Михайловны. — А пальто мнѣ не нужно, потому что у меня другое есть, новое.

— Можно было татарину продать; полтора рубля далъ бы, а то и два. Намъ деньги самимъ нужны.

— Ты все цѣнишь на деньги. Деньги—вздоръ, хламъ! Ты говоришь о деньгахъ, а я говорю о человѣкѣ, о честности. Ты одно, я другое. Онъ—быв-

Digitized by Google

шій переплетчикъ, значитъ, мой товарищъ, а товарищу я всегда отдамъ послѣднее.

— Онъ, все равно, пропьетъ пальто.

— Это тебѣ неизвѣстно. Мы только съ тобою хорошіе люди, а всѣ остальные—жулики, дрянь!

— Ты вотъ все разнымъ оборванцамъ отдаешь...

— Да замолчишь ли ты наконецъ?! Чучело!— грозно крикнулъ Андрей Ивановичъ.

— Работать ты мнѣ не позволяешь, а самъ объ насъ не заботишься,—торопливо продолжала Александра Михайловна.—Смотри, у ребенка совсѣмъ калоши продырявились, а погода мокрая, таетъ; шубенка вся въ лохмотьяхъ, какъ у нищей; стыдно на дворъ выпустить дѣвочку.

Андрей Ивановичъ положилъ ножъ и, скрестивъ на груди руки, сталъ слушать Александру Михайловну.

— Тогда бы ты ужъ долженъ больше объ насъ заботиться... На черный день у насъ ничего нѣту. Вонъ, когда ты у Гебгарда разбилъ хозяйской кошкѣ голову, сколько ты?—всего два мѣсяца пробылъ безъ работы, и то чуть мы съ голоду не перемерли. Заболѣешь ты, помрешь,—что мы станемъ дѣлать? Мнѣ что, мнѣ-то все равно, а за что Зинѣ пропадать? Ты только о своемъ удовольствіи думаешь, а до насъ тебѣ дѣла нѣтъ. Товарищу ты послѣдній двугривенный отдашь, а мы хоть по міру иди, тебѣ все равно!

Александра Михайловна вдругъ оборвала себя: Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на нее тяжелымъ, неподвижнымъ взглядомъ, въ его зрачкахъ горѣло то дикое бѣшенство, передъ которымъ Александра

Digitized by Google

Михайловна испытывала всегда прямо какой-то суевѣрный ужасъ.

— Я тебѣ говорю, чтобъ ты мнѣ никогда не смѣла говорить того, что ты мнѣ сейчасъ сказала,—сдавленнымъ голосомъ произнесъ Андрей Ивановичъ.—Я это запрещаю тебѣ!!—вдругъ рявкнулъ онъ, бѣшено ударивъ кулакомъ по столу.—Погань ты эдакая! Отъ чьихъ трудовъ ты такая гладкая и румяная стала? Я для васъ надрываюсь надъ работою, а ты рѣшаешься сказать, что я о васъ не думаю, что мнѣ все равно?!

Александра Михайловна была блѣдна. Въ ея красивыхъ глазахъ мелькнуло что-то тупое, упрямое и злобное.

— А зачѣмъ же ты тогда...—начала она.

— Молчать!!! — гаркнулъ Андрей Ивановичъ, вскочивъ на ноги; онъ сталъ быстро оглядывать столъ, ища, чѣмъ бы запустить въ Александру Михайловну.

Въ дверь раздался стукъ.

— Александра Михайловна, можно у васъ еще кипятку взять?—спросила Елизавета Алексѣевна, пріотворивъ дверь.

— Пожалуйста, Лизавета Алексѣевна, — обычнымъ голосомъ отвѣтила Александра Михайловна.

Андрей Ивановичъ загородилъ собою дверь.

— Кипятку нѣтъ,—самоваръ остылъ!—отрѣзалъ онъ.

Елизавета Алексѣевна вспыхнула.

— Простите!—сказала она, закрывая дверь.

Андрей Ивановичъ молча заходилъ по комнатѣ, стиснувъ зубы.

Digitized by Google

— Что у тебя до сихъ поръ Зина не уложена?— грубо произнесъ онъ.—Ужъ одиннадцатый часъ. Убери самоваръ, Ляховъ не придетъ.

Андрей Ивановичъ сѣлъ къ столу и налилъ себѣ коньяку. Онъ выпилъ рюмку, потомъ другую. Александра Михайловна видѣла, что онъ дѣлаетъ это на-зло ей, такъ какъ она уговаривала его не пить много. Если онъ теперь напьется, ей не сдобровать.

Она молча уложила Зину, убрала самоваръ; потомъ тихо, стараясь не шумѣть, раздѣлась и легла на двуспальную кровать, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

Андрей Ивановичъ сидѣлъ у стола, положивъ кудлатую голову на руку и устремивъ блестящіе глаза въ окно. Онъ былъ пораженъ настойчивостью Александры Михайловны: раньше она никогда не посмѣла бы спорить съ нимъ такъ упорно; она пытается уйти изъ-подъ его власти, и онъ знаетъ, чье тутъ вліяніе; но это ей не удастся, и онъ сумѣетъ удержать Александру Михайловну въ повиновеніи. Однако, чтобъ не давать ей впредь почвы для попрековъ, Андрей Ивановичъ рѣшилъ, что съ этого дня постарается какъ можно меньше тратить на самого себя.

Небольшая лампа съ надтреснутымъ матовымъ колпакомъ слабо освѣщала коричневую ситцевую занавѣску съ выцвѣтшими разводами; на полу валялись шагреневые и сафьянные обрѣзки. Въ квартирѣ всѣ спали, только въ комнатѣ Елизаветы Алексѣевны горѣлъ свѣтъ и слышался шелестъ бумаги. Андрей Ивановичъ раздѣлся и легъ спать,

Digitized by Google

но заснуть долго не могъ; онъ кашлялъ долгимъ, надрывающимъ кашлемъ, и ему казалось, что съ этимъ кашлемъ вывернутся всѣ его внутренности.

II.

Ляховъ явился на слѣдующій день послѣ обѣда. Андрей Ивановичъ лежалъ на кровати, злой и молчаливый: Александра Михайловна подала къ обѣду только три ломтика вчерашней салонины; когда Андрей Ивановичъ спросилъ еще чего-нибудь, она вызывающе отвѣтила, что больше ничего нѣтъ, такъ какъ нигдѣ не вѣрятъ въ долгъ, это была чистѣйшая выдумка, при желаніи всегда можно было достать. Андрей Ивановичъ ничего не сказалъ, но запомнилъ себѣ дерзость Александры Михайловны.

Ляховъ пришелъ немного навеселѣ. Это былъ стройный и сильный парень, съ мускулистымъ затылкомъ и безпечнымъ, удалымъ взглядомъ; носъ его былъ залѣпленъ поперекъ кусочкомъ пластыря.

— Василій Васильевичъ, что это? Гдѣ вы себѣ носъ ушибли?—встрѣтила его Александра Михайловна, скрывая улыбку.

Ляховъ поздоровался съ нею и потрогалъ указательнымъ пальцемъ пластырь.

— Это у меня вчера на Тучковомъ мосту съ одной барышней недоразумѣніе вышло,—отвѣтилъ онъ, поднявъ брови и почесывая затылокъ.

Digitized by Google

Оживившійся Андрей Ивановичъ спустилъ ноги и сѣлъ на кровати.

— „Недоразумѣніе“!..—засмѣялся онъ.

— Дѣйствіемъ! Недоразумѣніе дѣйствіемъ!—пояснилъ Ляховъ.—Увязался съ нею, сталъ ей комплименты говорить... А она...

— Ай-ай-ай!—проговорила Александра Михайловна, смѣясь и качая головою.—Погодите, вотъ увижу Катерину Андреевну, я ей раскажу, что вы вчера на Тучковомъ мосту дѣлали.

Катерина Андреевна, работница картонажной мастерской, была сожительница Ляхова.

— Ну, что, какъ здоровье твое?—обратился Ляховъ къ Андрею Ивановичу, ставъ серьезнымъ.

— Поправляюсь понемножку. Послѣ Срѣтенья выйду на работу. Что въ мастерской у насъ хорошенькаго?

— Что хорошенькаго! Все тоже!—неохотно отвѣтилъ Ляховъ.—Деньги принесъ тебѣ.

Онъ досталъ изъ кошелька четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ и подалъ ихъ Андрею Ивановичу.

— Ни копѣйки впередъ не даетъ хозяинъ,—прибавилъ Ляховъ.—Мы ужъ съ Ермолаевымъ поругались съ нимъ за тебя... Уперся: нѣтъ! Эдакій жохъ.

Андрей Ивановичъ пересчиталъ деньги и сумрачно сунулъ ихъ въ карманъ жилетки.

— Тебѣ, Андрей, деньжатъ не нужно ли?—быстро спросилъ Ляховъ.—У меня есть.

— Ну, вотъ еще! Нѣтъ, мнѣ не нужно,—поспѣшно и беззаботно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Что жъ, въ „Сербію“, что ли, пойдемъ?

Digitized by Google

Онъ отозвалъ Александру Михайловну въ кухню и отдалъ ей четыре рубля, оставивъ себѣ пятьдесятъ копѣекъ.

— Андрюша, ты бы лучше не ходилъ,—просительно сказала Александра Михайловна.—Вѣдь тебѣ нельзя пить, докторъ запретилъ!

— Это ты меня, что ли, учить будешь, какъ я обязанъ поступать?—злобно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ и воротился къ Ляхову.

Въ „Сербіи“, по случаю праздника, было людно и шумно. Половые шныряли среди столовъ, изъ „чистаго“ отдѣленія неслись звуки органа, гремѣвшаго маршъ тореадоровъ изъ „Карменъ“; ярко освѣщенный буфетъ глядѣлъ уютно и привѣтливо.

У Андрея Ивановича сразу стало весело на душѣ. Цѣлую недѣлю онъ провелъ дома, въ опротивѣвшей обстановкѣ, въ мелкихъ и злобныхъ дрязгахъ съ Александрой Михайловной. Теперь, отъ этой шумной, веселой толпы, отъ всей любимой, привычной атмосферы „Сербіи“, на него пахнуло волею и просторомъ.

Андрей Ивановичъ и Ляховъ прошли въ заднюю комнату, гдѣ всегда можно было встрѣтить знакомыхъ. Они сѣли къ столику около камина, украшеннаго большимъ тусклымъ зеркаломъ въ позолоченной рамѣ, и заказали полдюжины портеру.

Ляховъ сталъ разсказывать о своемъ вчерашнемъ романѣ на Тучковомъ мосту. Подошелъ знакомый артельщикъ, Иванъ Ивановичъ Арсентьевъ, солидный человѣкъ съ цыганскимъ лицомъ и съ

Digitized by Google

зонтикомъ; Андрей Ивановичъ усадилъ его къ своему столу.

— Да мнѣ, собственно, ужъ итти пора,—возражалъ Арсентьевъ.

— Ну, ну, пустяки какіе! Выпьете стаканчикъ портеру и пойдете. За ваше здоровье!

Они чокнулись втроемъ и выпили. Андрей Ивановичъ сейчасъ же снова налилъ стаканы.

— Что это, никакъ у тебя новая палка?—обратился онъ къ Ляхову.—Съ обновочкой! Покажи-ка!

— Палочка, братъ... сенаторская!—съ гордостью отвѣтилъ Ляховъ и, поднявъ палку, съ силою махнулъ ею въ воздухѣ; палка была крѣпкая и гладкая, съ массивной головкой, вся изъ чернаго дерева.

Андрею Ивановичу она очень понравилась; онъ любилъ хорошія вещи.

— Хороша палочка! Дай, поправлюсь немножко, обязательно заведу себѣ такую... А-а, муравейчикъ, здравствуй!—вдругъ разсмѣялся Андрей Ивановичъ.—Куда бѣжишь? Садись съ нами, выпьемъ,—расходы пополамъ!

„Муравейчикъ“,—молодой переплетный подмастерье Картавцовъ,—торопливо проходилъ черезъ комнату, держа подмышкой двѣ бутылки пива.

— Не могу, Андрей Ивановичъ, гости дома,—отвѣтилъ онъ поспѣшно.

Андрей Ивановичъ, смѣясь, оглядывалъ приземистую фигуру Картавцова съ выгнутыми ногами и круглой, стриженой головой на короткой шеѣ.

— Ну, ну, какіе тамъ гости, вѣдь все ты врешь,—

Digitized by Google

сказалъ онъ.—„Гости“!.. кто же это для гостей двѣ бутылки ставитъ?.. Придетъ онъ домой,—обратился Андрей Ивановичъ къ Арсентьеву, — запрутся вдвоемъ съ женою и выпьютъ пиво,—вотъ имъ и праздникъ!

— Ей-Богу, Андрей Ивановичъ, тетка изъ Твери пріѣхала,—скороговоркой произнесъ Картавцовъ и поспѣшилъ къ выходу, переваливаясь на ходу и шевеля лопатками.

— Ты бы для тетки-то на третью бутылочку раскошелился!—крикнулъ ему вдогонку Ляховъ.

— Ей-Богу, чудачекъ!—засмѣялся Андрей Ивановичъ, обратившись къ Арсентьеву.—Я его муравейчикомъ называю. Никогда ни копѣйки не поставитъ на угощеніе! Работаетъ-работаетъ, суетится,—въ субботу всю получку домой несетъ. Жена у него такая же,—коротенькая, крѣпкая, тоже у насъ работаетъ въ мастерской... Принесутъ домой деньги,—считаютъ, разсчитываютъ: это вотъ на керосинъ, это—на сахаръ, это въ сберегательную кассу... Настоящіе нѣмцы! Кто заболѣетъ изъ товарищей или помретъ,—подойдешь къ нему съ подписнымъ листомъ... „Я... я потомъ!“...—и убѣжитъ; а потомъ въ самомъ концѣ листа мелко-мелко напишетъ: „Григорій Картавцовъ—десять копѣекъ“... Вотъ Васька, онъ у насъ молодчина!—сказалъ Андрей Ивановичъ, хлопнувъ Ляхова по колѣнкѣ.—Ни надъ чѣмъ для товарища не задумается... Будь здоровъ, Васька! За товарищество!

Они выпили уже по четыре стакана. У Андрея Ивановича слегка затуманилось въ головѣ, и на душѣ стало тепло; онъ съ довольной улыбкой

Digitized by Google

оглядывалъ посѣтителей, и всѣ они казались ему пріятными и симпатичными.

Въ дверяхъ показался невысокій, худощавый человѣкъ съ испитымъ, развязнымъ лицомъ и рыжеватыми, торчащими, какъ щетина, усами; картузъ у него былъ на затылкѣ, пальто въ накидку; подмышкой онъ держалъ цитру въ холщевомъ мѣшкѣ. Вошедшій остановился на порогѣ и, посвистывая сквозь зубы, оглядѣлъ комнату.

— Сенька! — окликнулъ его Андрей Ивановичъ.—Иди скорѣй къ намъ!.. Вотъ намъ кого не хватало! Иди, садись!.. Это, господа, Захаровъ, бывшій переплетчикъ. Онъ намъ такую музыку изобразитъ на цитрѣ! И сыграетъ, и споетъ,—все вмѣстѣ... Голубчикъ, какъ я радъ! Садись!—повторялъ Андрей Ивановичъ, тряся руку Захарова.

Захаровъ положилъ мѣшокъ подъ стулъ, сѣлъ и уперся руками въ колѣни.

— Эге!—встрепенулся Ляховъ, щелкнувъ пальцами.—На цитрѣ играете? Тащите цитру!

— Да неохота чтой-то играть,—отвѣтилъ Захаровъ, предупредительно принимая изъ рукъ Андрея Ивановича стаканъ портера.

— Ну, неохота! Всячески же ты намъ долженъ сыграть... Пей, пей раньше!

Андрей Ивановичъ ужасно обрадовался Захарову: это былъ тотъ самый „оборванецъ“, которому Андрей Ивановичъ подарилъ пальто, и который, по увѣренію Александры Михайловны, обязательно долженъ былъ его пропить; между тѣмъ это пальто было на немъ.

Digitized by Google

— Чего тамъ,—„неохота“!.. Валяй!..

Давно готова лодка,
Давно я жду тебя...

басомъ запѣлъ Ляховъ, вытаращивъ глаза и размахивая рукою.

Захаровъ отнѣкивался. Только послѣ долгихъ упрашиваній онъ, наконецъ, вынулъ цитру и, разложивъ ее на столѣ, сталъ настраивать. Арсентьевъ, солидно опершись на зонтикъ, брезгливо оглядывалъ его отрепанный пиджачишко и дырявые штиблеты.

Захаровъ взялъ нѣсколько аккордовъ, тряхнулъ волосами и, закинувъ голову, запѣлъ тонкимъ, очень громкимъ фальцетомъ:

Смотря на лучъ пурпурнаго заката,
Стояли мы на берегу Невы...

Взгляды всѣхъ присутствующихъ обратились на него. Захаровъ пѣлъ съ чувствительнымъ дрожаніемъ въ голосѣ, медленно поводя закинутою головою. Подошелъ отставной чиновникъ, худой, съ жидкою бородкою и красными, мягко смотрящими глазами.

— Какъ ты, милый мой, славно играешь!— проговорилъ онъ умиленнымъ голосомъ.—Ну-ка, вотъ тебѣ на струны!

Чиновникъ протянулъ ему двугривенный. Захаровъ кивнулъ головою, сунулъ монету въ жилетный карманъ и залился еще слаще:

До гроба вы клялись любить поэта...
Страшась людей, боясь людской молвы,
Вы не исполнили священнаго обѣта,
Свою любовь, и ту забыли вы...

Digitized by Google

Чиновникъ слушалъ, оглядывая окружающихъ влажными, умиленными глазами.

— Самодѣльный инструментъ-то! — обратился онъ къ Андрею Ивановичу.

— Онъ у насъ на всѣ руки мастеръ,—съ гордостью отвѣтилъ Андрей Ивановичъ. – Садитесь, пожалуйста, къ намъ,—что-жъ вамъ стоять!

Чиновникъ переставилъ на ихъ столъ бутылку съ пивомъ и сѣлъ.

— А ну-ка, милый мой, сыграй: „Выйду-ль я на рѣченьку“,—національную!.. Знаешь?—сказалъ онъ Захарову.

— Извините, я этой не знаю. „По улицѣ мостовой“ могу.

Захаровъ выпилъ стаканъ портеру, рванулъ струны,—онѣ заныли, зазвенѣли, и задорно-веселая пѣсня полилась. Чиновникъ раскачивалъ въ тактъ головою, моргалъ и съ блаженной улыбкой оглядывалъ слушателей. Ляховъ поднялся съ мѣста и, подперевъ бока, притоптывалъ ногами.

— Какая у васъ прелестная музыка! Вы мнѣ позволите послушать?—сказала подошедшая женщина лѣтъ тридцати пяти, въ длинной, поношенной тальмѣ и платочкѣ; у нея было круглое и еще довольно миловидное лицо, но у угловъ глазъ было много морщинокъ. Она держалась жеманно и разыгрывала даму. Это была фальцовщица изъ той-же мастерской, гдѣ работали Андрей Ивановичъ и Ляховъ.

Красавица ты моя,
Есть словечко до тебя!

Digitized by Google

пропѣлъ Ляховъ, схвативъ ее сзади за талію; онъ сѣлъ къ столу и посадилъ фальцовщицу къ себѣ на колѣни.—Тебя Авдотьей Ивановной, что ли, звать? Ну-ка, Авдотья Ивановна, опрокинемъ по бокальчику!

— Ахъ, нѣтъ, я не для этого!—жеманясь, возразила Авдотья Ивановна.—Я только къ тому, что какая у васъ прекрасная музыка.

Портеръ она однако выпила.

— Конфетка ты моя!.. Зазнобушка! — ломался Ляховъ, крѣпко прижимая ее къ себѣ.

Захаровъ вдругъ запѣлъ невѣроятно-циничную пѣсню, отъ которой покраснѣлъ-бы ломовой извозчикъ, съ припѣвомъ:

Амигдонъ! Амигдонъ!
Амигдонъ-мигдонъ-мигдонъ!

Онъ пѣлъ подъ общій хохотъ, топорща усы и выкативъ глаза на Авдотью Ивановну. Та слушала его съ широкой улыбкой, неподвижно глядя ему въ глаза и медленно моргая.

Къ ней подошелъ половой.

— Позвольте деньги за пиво!

— За какое пиво?—растягивая слова, спросила фальцовщица.—Что ты, дуракъ, пристаешь? Принеси сюда мое пиво.

— Пиво выпито-съ, нужно деньги заплатить.

— Что тебѣ надо?—Авдотья Ивановна ждала, чтобъ Ляховъ взялъ ея пиво на свой счетъ.—Болванъ! Никакого не понимаетъ обращенія... На!..

Она встала, достала изъ кармана восемь ко-

Digitized by Google

пѣекъ и бросила ихъ половому. Когда Авдотья Ивановна снова хотѣла сѣсть, Ляховъ неожиданно выдернулъ изъ-подъ нея стулъ, и она упала.

— Ну, что вы шутите?—проговорила фальцовщица, поднимаясь.

Ляховъ схватилъ ее сзади подмышки, поднялъ три раза на воздухъ и повалилъ лицомъ на Арсентьева. Арсентьевъ недовольно отстранился. Андрей Ивановичъ съ отвращеніемъ слѣдилъ за фальцовщицей.

— Слушай, Васька, можно ее убрать отсюда!—грубо сказалъ онъ Ляхову.—Ей въ нашей компаніи совсѣмъ не мѣсто!

— Любовь-то мою убрать?!—воскликнулъ Ляховъ.—Какъ же это можно? Я безъ нея съ тоски изсохну!.. Дунька, садись!

Онъ снова посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Вотъ еще выпьемъ съ тобою по стаканчику, и пойдемъ! Къ тебѣ, что-ль, пойдемъ? Одна живешь?—спрашивалъ онъ ее, нисколько не понижая голоса.—Пойдемъ мы съ тобою...

— Какая у васъ прекрасная музыка!—сказала Авдотья Ивановна, какъ будто не слыша тѣхъ невыразимыхъ сальностей, которыя ей говорилъ Ляховъ.—Будьте столь любезны, сыграйте намъ еще что-нибудь хорошенькое! — обратилась она къ Захарову.

Тотъ отвѣтилъ ей грязной остротой; Андрей Ивановичъ сидѣлъ, темнѣе ночи; остальные смѣялись.

Захаровъ снова заигралъ на цитрѣ и тонкимъ фальцетомъ запѣлъ „Маргариту“.

Digitized by Google

Мар-га-рита, пой и веселися,
Мар-га-рита, смѣйся и рѣзвися,
Мар-га-рита, всѣ мои мечты,
Чтобы дверь открыла,—рыла, рыло ты!

Ляховъ вскочилъ и, заложивъ большіе пальцы рукъ за жилетку, началъ перебирать ногами, поводя и подрагивая задомъ.

За сосѣднимъ столомъ сидѣли за водкою два дворника. Одинъ изъ нихъ, съ рыжею бородою и выпученными глазами, былъ сильно пьянъ. Заслышавъ музыку, онъ поднялся и сталъ плясать, подогнувъ колѣни и согнувшись въ дугу; онъ плясалъ не въ тактъ, щелкалъ пальцами и припѣвалъ:

Гуляю день, гуляю ночь,
Гуляю всю недѣлюшку,
Ахъ, занимаюсь я гульбой!..

— Садись на мѣсто! Ишь, заплясалъ!—засмѣялся его сосѣдъ, насильно усаживая рыжебородаго дворника на стулъ.—Не для насъ съ тобою музыка заказана.

— Дуракъ эдакій!—заговорилъ дворникъ, злобно выкативъ глаза на канканировавшаго Ляхова.—Плясать взялся! Нешто такъ нужно плясать? Архаровецъ!

— Ты что, утопленникъ, заговорилъ? — крикнулъ на него Ляховъ.—Сиди, да лакай водку!

Кругомъ захохотали.

— Утопленникъ?—озлился дворникъ.—Я тебѣ сейчасъ покажу утопленника!

— Я, братъ, съ живыми людями радъ говорить, а съ утопленникомъ—извини, не могу!

Digitized by Google

— Залѣпилъ носъ себѣ, с—инъ сынъ! Я тебѣ шейнаго пластыря наклею!

— Молчи, утопленникъ ладожскій!!

Дворникъ рванулся со стула. Ляховъ,—блѣдный, съ весело смѣющимися глазами, — стоялъ и ждалъ.

Сосѣдъ обнялъ дворника за плечи и усадилъ на мѣсто.

Ляховъ воротился къ своимъ. На его стулѣ сидѣла Авдотья Ивановна и съ своею широкою улыбкою, словно не понимая, слушала циническія издѣвательства Захарова. Ляховъ вдругъ увидѣлъ, какое у нея было поблекшее, морщинистое лицо, какая некрасивая, растерянная улыбка... Онъ зашелъ сзади, поднялъ фальцовщицу на стулѣ на воздухъ и изо всей силы швырнулъ ее вмѣстѣ со стуломъ къ выходной двери. По дорогѣ Авдотья Ивановна зацѣпилась тѣломъ за спинку стула, на которомъ сидѣлъ рыжебородый дворникъ, и оба они, вмѣстѣ со стульями, повалились въ кучу.

Раздался оглушительный звонъ упавшихъ на полъ бутылокъ. Вбѣжали половые.

— Городовой! -- хрипло крикнула фальцовщица.

Ляховъ, хохоча про себя, поспѣшно сѣлъ къ столу и сталъ пить пиво.

Дворникъ, путаясь въ юбкахъ Авдотьи Ивановны, въ бѣшенствѣ вскочилъ и бросился ее бить; его съ трудомъ оттащили. Авдотья Ивановна нѣсколько разъ пробовала встать, но не могла: она наступала на свои юбки и тальму, можетъ

Digitized by Google

быть, была пьяна. Половые подняли ее и вытолкали на улицу.

У чиновника покраснѣлъ носъ, и онъ жалобно заморгалъ глазами.

— Женщину!—произнесъ онъ, качая головою.—За что онъ такъ съ женщиной поступилъ?—обратился онъ къ Андрею Ивановичу.—Силу показалъ надъ кѣмъ!

— Гр-рязь эдакая! Ее давно слѣдовало вышвырнуть вонъ!—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Нѣтъ, это не годится!—грустно сказалъ чиновникъ.—Я люблю веселость и спокойный характеръ, а къ чему обижать людей?

— Ей тутъ было не мѣсто! Ну, скажите, пожалуйста, развѣ можетъ порядочная женщина слушать такія пѣсни? Она должна покраснѣть и уйти, а эта сидитъ, пялитъ глаза,—„ах-хъ, какая у васъ прекрасная музыка!“ Это неприлично для женщины, разъ она не публичная женщина.

— Нѣтъ, я люблю веселость и спокойный характеръ,—грустно повторялъ чиновникъ.

— Всячески же ея присутствіе тутъ было неблаговидно,—поддержалъ Андрея Ивановича Арсентьевъ.

— Въ гнилой трубѣ двѣ трубы! Настоящая ассенизація!—засмѣялся Захаровъ.

— Ну, чортъ съ нею!—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Еще разговаривать объ ней! Плюньте вы на нее!—обратился онъ къ чиновнику.—Выпьемъ лучше съ вами, а?

Съ исчезновеніемъ фальцовщицы къ Андрею

Digitized by Google

Ивановичу воротилось хорошее расположеніе духа. Онъ заказалъ водки и селянку.

— Молодчина, Сенька, ей-Богу!—сказалъ Ляховъ, взявъ руку Захарова, и съ размаху хлопнулъ ладонью по его ладони. — Ловко играешь, с—нъ ты сынъ эдакій! Ну-ка, хлопнемъ!

— Будьте здоровы! — отвѣтилъ Захаровъ чокаясь. Онъ опрокинулъ въ ротъ рюмку водки и молодцовато провелъ рукою по волосамъ. — Вы знаете, какъ сказано въ поэзіи: „лови, лови часы любви, минуты наслажденья“... Вы не смотрите, что это пустяковина; это не зря сказано... Кинарейку поймай-ка! Другой ее эдакъ, — цопъ! Развѣ можно такъ? Нужно брать тонко!..

Чиновникъ отошелъ отъ нихъ. Онъ стоялъ у сосѣдняго стола, качалъ головою и говорилъ сидѣвшимъ за пивомъ тремъ наборщикамъ:

— Я люблю веселость и спокойный нравъ... А за что же женщину бить? Развѣ это благородно?

III.

Народу все прибывало. Лампы-молніи съ хрустальными подвѣсками тускло освѣщали потныя головы посѣтителей и грязныя, измазанныя горчицею скатерти; изъ кухни тянуло запахомъ подгорѣлаго масла и жареной рыбы; въ спертомъ, накуренномъ воздухѣ стоялъ гамъ, слышались пѣсни и ругательства.

Андрей Ивановичъ пилъ водку рюмку за рюм-

Digitized by Google

кой. Ему было теперь хорошо; что-то горячее поднималось у него въ душѣ, ему хотѣлось всѣхъ любить, хотѣлось сплотить всѣхъ вокругъ себя и говорить имъ что-нибудь хорошее, сильное и важное.

Полубутылка портера, которую половой, откупоривъ, заткнувъ пробкою, согрѣлась, и пробка, хлопнувъ, вылетѣла изъ горлышка; пѣна брызнула въ стороны, пробка ударилась въ низкій потолокъ и упала на сидѣвшаго за сосѣднимъ столомъ наборщика.

Наборщикъ, — блѣдный молодой человѣкъ съ очень высокимъ, узкимъ лбомъ, — сердито оглянулся.

— Послушайте, я васъ попрошу поосторожнѣе! угрожающе произнесъ онъ, отирая голову.

— Мы нечаянно,—что тамъ!—добродушно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— „Поосторожнѣе!“—передразнилъ наборщика Ляховъ.—Ты это портеру говори, а не намъ! Объявился съ претензіями!

Наборщикъ медленно повернулъ къ Ляхову свое блѣдное лицо и молча смотрѣлъ на него.

— Поглядѣлъ бы раньше, швырялъ-ли въ него кто пробкой. Нѣтъ, сейчасъ въ амбицію вломился, — „поосторожнѣе!“... Прохвостъ паршивый!

— Ну, что тамъ! Сказано, нечаянно... Чего вы?—сказалъ Андрей Ивановичъ, пересаживаясь къ наборщику. — Развѣ не бываетъ различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ? Выпьемъ лучше вмѣстѣ для знакомства.

— Что-жъ, пойдемъ изъ-за полубутылки къ

Digitized by Google

мировому! — продолжалъ Ляховъ, развалясь на стулѣ.

— „Нечаянно!“... Я радъ,—совершенно справедливо!—отвѣтилъ наборщикъ Андрею Ивановичу;— но къ чему же ругаться, какъ этотъ господинъ?

— Друзья! Выпьемъ! — воскликнулъ Андрей Ивановичъ.—Ну, неужто мы изъ-за этого станемъ поднимать скандалъ? Позвольте спросить, вы чѣмъ занимаетесь?

— Наборщики.

— Ну, а мы переплетчики! Всѣ мы трудящіе люди, изъ-за чего же ради мы будемъ ссориться? Изъ-за полубутылки портера?.. Друзья, друзья!.. Пойдемъ, Вася, къ нимъ!—сказалъ онъ, таща Ляхова къ сосѣднему столу.—Ну, помиритесь, поцѣлуйтесь!.. Человѣкъ, еще полдюжины портеру!

— Позвольте, почему вы разсердились?—спросилъ Ляховъ, садясь къ наборщикамъ. — Вы должны были раньше посмотрѣть, отчего случилось дѣло. А вы сейчасъ же начинаете ворочать глазами и говорить различныя угрожающія выраженія.

— Совершенно справедливо! А только для чего вы...

— Нѣтъ, позвольте, я вамъ сейчасъ все объясню: мы сидимъ, портеръ хлопнулъ,—чѣмъ же мы виноваты? Вы къ бутылкѣ должны были съ своимъ замѣчаніемъ отнестись, а не къ намъ...

Андрей Ивановичъ взялъ провинившуюся бутылку портера.

— Ну, ну, дуракъ!—сказалъ онъ, суя бутылку

Digitized by Google

къ губамъ наборщика. — Мирись сейчасъ же съ бутылкой! Цѣлуйся съ нею безъ разговоровъ!

— Я радъ-съ! Очень пріятно познакомиться! — галантно произнесъ наборщикъ, раскланиваясь съ бутылкою, и три раза поцѣловалъ ее накрестъ.

— Да онъ съ нею ужъ давно знакомъ! — сказалъ его сосѣдъ. — Эка, подумаешь, — въ первый разъ знакомится!

— Гаврюшка! Я тебѣ сказалъ, — еще полдюжины портеру!—грозно крикнулъ Андрей Ивановичъ половому.

Половой подошелъ къ нему.

— Буфетчикъ не отпускаетъ, Андрей Ивановичъ; съ васъ и то полтора рубля слѣдуетъ. Потрудитесь раньше заплатить.

— Убирайся къ чорту! Скажи буфетчику, пусть запишетъ.

— За вами и то ужъ шесть рублей записано.

Андрей Ивановичъ сунулъ руку въ карманъ жилетки,—тамъ было всего пятьдесятъ копѣекъ.

— У тебя много, Вася? — обратился онъ къ Ляхову.

Ляховъ обшарилъ всѣ карманы и набралъ семьдесятъ копѣекъ. Арсентьевъ поднялся и протянулъ руку Андрею Ивановичу.

— До свиданія! Время итти,—сказалъ онъ. Андрей Ивановичъ придержалъ его руку.

— Слушайте, нѣтъ-ли у васъ до завтраго двухъ цѣлковыхъ?

Лицо Арсентьева сдѣлалось холоднымъ и скучающимъ.

Digitized by Google

— Нѣту при себѣ, Андрей Ивановичъ! Съ удовольствіемъ бы.

Андрей Ивановичъ, качая головою, съ презрѣніемъ смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ж-жохъ ты эдакій! Разъ что мы угощаемъ, такъ развѣ бы я вамъ завтра не отдалъ? Не охота итти сейчасъ домой за деньгами, только и всего.

Онъ отвернулся отъ Арсентьева. Взглядъ его упалъ на Захарова; Андрей Ивановичъ просіялъ.

— Вотъ что, Сенька, слушай! — сказалъ онъ, подсаживаясь на его стулъ и обнимая Захарова рукою.—Я сейчасъ напишу женѣ записку, а ты сходи и отнеси. Пусть поглядитъ на тебя, хлындра. Эдакіе грязные взгляды; зачѣмъ, говоритъ, ты ему пальто отдалъ? Онъ его пропьетъ!.. Пускай посмотритъ, пропилъ-ли ты... Я ей записку напишу, чтобъ прислала съ тобою два рубля. Ладно, а?

Захаровъ согласился. Андрей Ивановичъ, шлепая калошами, пошелъ къ буфету, заплатилъ рубль двадцать копѣекъ и, взявъ у буфетчика карандашъ, написалъ на клочкѣ бумаги: „Саша! Пришли немедленно съ посланнымъ два рубля; очень необходимо“.

Захаровъ ушелъ. Подали еще портеру. Андрей Ивановичъ сидѣлъ съ наборщиками, цѣловался съ ними и ораторствовалъ:

— Вы трудящіе люди, и мы трудящіе люди!.. Объ васъ Некрасовъ сказалъ: „вы всѣ здоровьемъ хлипки, всѣ зелены лицомъ!“ Почему? Потому что вамъ приходится дышать свинцовою пылью... Мы — золотообрѣзчики, мы дышимъ бумажною пылью...

Digitized by Google

И намъ, и вамъ въ чахоткѣ помирать!.. Два года назадъ мой названный братъ Фокинъ проситъ меня, чтобъ я его научилъ дѣлать золотые обрѣзы. Я его сталъ отговаривать, что это вредно для груди. — Ну, говоритъ, тебѣ жалко, чтобъ я столько же не зарабатывалъ, какъ ты. — Жалко? О, нѣтъ, мнѣ не жалко!.. Научилъ его, — а теперь онъ ужъ полгода, какъ на Смоленскомъ лежитъ. Романовъ сейчасъ отъ чахотки помираетъ, у меня хроническое воспаленіе легкихъ, скоро тоже чахотка будетъ... Вѣрно ли?.. Товарищи! И вы, и мы работаемъ для просвѣщенія! Мы должны дать другъ другу руки!

— Вѣр-рно! — повторялъ блѣдный наборщикъ съ высокимъ лбомъ, поникнувъ головою и стукая стаканомъ по столу.

Ляховъ отсталъ отъ компаніи. Онъ сидѣлъ на другомъ концѣ комнаты съ нарумяненною дѣвушкою въ шляпѣ съ широкими полями и пышными перьями. Вскорѣ онъ вмѣстѣ съ нею исчезъ изъ „Сербіи“.

Захаровъ воротился. Онъ встряхивался, словно его сейчасъ окатили холодною водою, и съ размаху швырнулъ на столъ свой картузишко съ надорваннымъ козырькомъ.

— Ффу-фу-фу-фу-фу! — произнесъ онъ, быстро поводя плечами.—Ну, побывалъ же я въ банькѣ!

— Принесъ? спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Чорта съ два принесъ! Не зналъ, какъ ноги унесть!

— Почему такъ?

— Убирайтесь, говоритъ, вонъ отсюда!.. Жена-

Digitized by Google

то ваша. Я спрашиваю: какой же будетъ отвѣтъ?— „Никакого отвѣта не будетъ!“

Андрей Ивановичъ съ блуждающею улыбкою смотрѣлъ на Захарова.

— Такъ и сказала? — медленно переспросилъ онъ, не вѣря ушамъ.

— А ты какъ думалъ? Такъ, братъ, и отрѣзала!—иронически подтвердилъ Захаровъ; онъ съ чего-то сталъ говорить Андрею Ивановичу „ты“.

Андрей Ивановичъ выпилъ залпомъ одинъ за другимъ два стакана портера и вышелъ изъ „Сербіи“.

Шелъ дождь, вѣтеръ бурными порывами дулъ съ моря; на проспектѣ было пустынно, мокрыя панели блестѣли подъ фонарями масляннымъ блескомъ. Андрей Ивановичъ быстро шагалъ, распахнувъ пальто навстрѣчу вѣтру. Онъ горѣлъ желаніемъ борьбы и власти надъ человѣкомъ; Александра Михайловна дѣлала ему прямой, невѣроятный по своей дерзости вызовъ; Андрей Ивановичъ этотъ вызовъ принималъ.

IV.

Послѣ того, какъ Андрей Ивановичъ и Ляховъ ушли въ „Сербію“, Александра Михайловна перемыла посуду, убрала столъ и сѣла къ окну рѣшать задачу на именованныя числа. По воскресеньямъ Елизавета Алексѣевна, воротившись изъ школы, по просьбѣ Александры Михайловны занималась съ нею. Правду говоря, большого жела-

Digitized by Google

нія учиться у Александры Михайловны не было; но она училась, потому что училась Елизавета Алексѣевна, и потому что ученіе было для Александры Михайловны запретнымъ плодомъ.

Она попробовала рѣшить задачу, заглянувъ предварительно въ рѣшенія. Ничего не вышло. Александра Михайловна погрызла карандашъ, подумала и, отложивъ задачникъ, потянулась. Было скучно; по оконнымъ стекламъ текли струи воды, въ квартирѣ стояла тишина; Зины не было,—она бѣгала по двору. Александра Михайловна достала изъ комода деньги, которыя ей оставилъ Андрей Ивановичъ, и стала распредѣлять, на что ихъ употребить. Два рубля она рѣшила отдать хозяйкѣ за квартиру, рубль заплатить по книжкѣ въ мелочную лавочку, остальное оставила на расходы. Покончивъ разсчеты, Александра Михайловна спрятала деньги, зѣвнула и стала ходить по комнатѣ. Изъ всѣхъ угловъ ползла на нее мертвая, томительная скука, но Александра Михайловна привыкла къ ней и мало тяготилась ею.

Снявъ кофточку, она распустила по плечамъ свою густую, русую косу и стала причесываться передъ зеркаломъ; сдѣлала себѣ китайскую прическу, потомъ греческую, потомъ начала прикидывать, какъ бы вышло, если бы подрѣзать спереди гривку. Александрѣ Михайловнѣ давно хотѣлось пустить себѣ на лобъ гривку и завивать ее, но Андрей Ивановичъ строжайшимъ образомъ запретилъ ей это.

Темнѣло. Александра Михайловна вышла въ кухню, къ квартирной хозяйкѣ. Старуха-хозяйка

Digitized by Google

Дарья Семеновна жила въ кухнѣ вмѣстѣ съ дочерью Дунькой, глуповатой и румяной дѣвушкой, которая работала на цементномъ заводѣ. Онѣ пили кофе. Александра Михайловна подсѣла къ нимъ, но отъ предложеннаго кофе рѣшительно отказалась. Стали бесѣдовать о вчерашней дракѣ, разыгравшейся на лѣстницѣ между живописцемъ вывѣсокъ и пьянымъ приказчикомъ. Хозяйка сообщила нѣсколько новыхъ подробностей; она узнала ихъ утромъ отъ жены живописца. Но вскорѣ разговоръ истощился: вчера онѣ уже часа три говорили объ этой дракѣ.

Дарья Семеновна послала Дуньку въ лавочку за керосиномъ; Александра Михайловна спохватилась, что Зина до сихъ поръ бѣгаетъ по двору; она попросила Дуньку на обратномъ пути разыскать Зину и привести домой, а сама пошла къ себѣ.

Походила по комнатѣ, стала напѣвать шансонетку, которую слышала лѣтомъ на открытой сценѣ въ Крестовскомъ:

Радость наша,
Докторъ Яша,
Воротился изъ вояжа!..

На дворѣ зажгли фонарь; его тусклый свѣтъ легъ на потолокъ около шкафа; на проспектѣ звенѣла конка. Александра Михайловна сѣла въ кресло и задремала.

Воротилась Дунька и привела съ собою Зину. Александра Михайловна, зѣвая, зажгла лампу. Зина иззябла, руки у нея были красныя, ноги

Digitized by Google

мокрыя. Александра Михайловна начала ее бранить, что она такъ долго не возвращалась домой. Зина слушала, весело топая ногами; матери она нисколько не боялась и была при ней совсѣмъ другою, чѣмъ при отцѣ.

— Ай! Затопи печку, мама!—крикнула она въ самый разгаръ поученій Александры Михайловны.

— Что ты орешь?—строго замѣтила Александра Михайловна.—Главное—„ай“! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ есть чего!.. Не бѣгала бы по двору до ночи, такъ и не было бы холодно. На дворѣ грязь, слякоть, а она бѣгаетъ.

— Караулъ! Холодно!—смѣясь, крикнула Зина еще громче.

Александра Михайловна дала ей два шлепка. Зина захныкала.

— Когда тебѣ говорятъ, ты должна слушать, а не смѣяться,—сказала Александра Михайловна.

— Да! когда мнѣ холодно! — плаксиво возразила Зина.

— Печка топлена, отъ жары, слава Богу, дѣваться некуда. Поменьше бы бѣгала по двору, такъ ничего бы и не было. Вотъ погоди, воротится отецъ, я ему разскажу; ты, должно быть, забыла, какъ онъ тебя третьяго дня отпоролъ.

Въ дверяхъ показалась Елизавета Алексѣевна, воротившаяся изъ школы.

— Александра Михайловна, хотите заниматься?

— Да, да, сейчасъ!—поспѣшно отвѣтила Александра Михайловна. Она суетливо собрала тетрадки, книги и пошла съ Елизаветой Алексѣевной въ ея комнату.

Digitized by Google

Комната Елизаветы Алексѣевны была очень маленькая, съ окномъ, выходившимъ на кирпичную стѣну. Въ комнатѣ стояла узкая желѣзная кровать, сундукъ, столикъ и два стула. На полочкѣ грудою лежали книги, среди которыхъ свѣтлѣли желтыя и палевыя обложки сочиненій Достоевскаго и Григоровича,—приложеній къ „Нивѣ“.

— Задачи у меня не вышли, Лизавета Алексѣевна; думала-думала, провѣряла-провѣряла,— не сходятся съ рѣшеніемъ!—сказала Александра Михайловна, съ недоумѣніемъ пожавъ своими полными плечами.

Елизавета Алексѣевна стала рѣшать вмѣстѣ съ нею. Онѣ занимались около часу. Елизавета Алексѣевна объясняла, сдвинувъ брови, серьезная и внимательная, съ матово-блѣднымъ лицомъ, въ которомъ, казалось, не было ни кровинки. Она была дочерью прядильщицы; когда Елизавета Алексѣевна была ребенкомъ, мать, уходя на работу, поила ее настоемъ маковыхъ головокъ, чтобъ не плакала; ихъ было шестеро дѣтей, всѣ они перемерли, и выжила одна Елизавета Алексѣевна.

Въ комнатѣ Александры Михайловны Зина громко пѣла въ пустую кастрюлю, которую держала передъ ртомъ;

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все спокойно въ ночной тишинѣ...

Александра Михайловна рѣшила наконецъ обѣ задачи.

— Ну, что, не соглашается Андрей Ивановичъ пустить васъ работать?—спросила Елизавета Алексѣевна,

Digitized by Google

— Нѣтъ!—вздохнула Александра Михайловна.— Слыхали вчера? Чуть было не избилъ, что посмѣла сказать.

— Онъ хочетъ, чтобъ вы его хлѣбъ ѣли,—сказала Елизавета Алексѣевна, понизивъ голосъ.

— Да добро бы еще хлѣбъ-то этотъ былъ бы! А то вѣдь самъ все болѣетъ, ничего не зарабатываетъ; вездѣ въ долгу, какъ въ шелку, никто ужъ больше вѣрить не хочетъ. А обѣдать ему давай, чтобъ былъ обѣдъ! Гдѣ жъ я возьму? Самъ денегъ не даетъ, и мнѣ работать не позволяетъ.

— Такъ чего вамъ заботиться? Безъ денегъ нельзя обѣда приготовить, онъ самъ можетъ это понять.

— Онъ этого не хочетъ понимать; чтобъ былъ обѣдъ, только и всего! Сегодня подала солонины,— надулся: ты, говоритъ, не хочешь постараться... Поди-ка самъ, постарайся! Придешь въ мелочную, лавочникъ тебѣ и не отвѣчаетъ, словно не слышитъ; сколько обидъ наглотаешься, чтобъ фунтъ сахару получить.

— Ни за что бъ не стала для него стараться!— воскликнула Елизавета Алексѣевна.—Хочетъ, чтобъ вы его хлѣбъ ѣли,—пусть даетъ!

— У него разговоръ коротокъ: давай! А не дашь, онъ себя покажетъ, каковъ онъ есть король.

Александра Михайловна была рада говорить безъ конца. Андрей Ивановичъ совершенно подчинилъ себѣ ея волю, и она не смѣла при немъ пикнуть; теперь она начинала чувствовать себя полноправнымъ человѣкомъ. И чѣмъ больше она говорила, тѣмъ яснѣе ей становилось, что она права

Digitized by Google

и страдаетъ, а Андрей Ивановичъ тиранниченъ и несправедливъ.

Елизавета Алексѣевна прошлась по комнатѣ.

— Никогда замужъ не пойду! — сказала она, поведши плечами.—Словно ребенокъ какой, ничего не смѣй, на все изъ чужихъ рукъ смотри!

— А я рада, что ли, что пошла? Вѣдь они передъ свадьбой всегда прикидываются: говорятъ, что и любятъ тебя, и холить будутъ, и пить-то ничего не пьютъ...

Александра Михайловна помолчала.

— Вы думаете, ему есть до насъ какая-нибудь забота?—продолжала она,—Ему только товарищи и дороги; послѣдній кусокъ онъ отниметъ у своей дѣвочки, чтобъ отдать товарищу; для товарища онъ ни надъ чѣмъ не задумается... Три года вотъ назадъ его прогнали отъ Гебгарда, — за что? Товарищъ его Петровъ поставилъ золотые обрѣзы просушиваться, а хозяйская кошка чихнула и испортила обрѣзы. Петровъ передѣлалъ, поставилъ въ книжку за поправку по шести копеекъ,—хозяинъ вычеркнулъ и написалъ: „я не виноватъ“... Ну, что жъ съ хозяиномъ сдѣлаешь? Всегда такъ было и будетъ. Поругался про себя Петровъ, и больше ничего, и дѣло-то всего было въ нолтинникѣ. А мой Андрей Иванычъ взбѣленился: „это, говоритъ, онъ еще слоновъ у насъ тутъ разведетъ,—ходить будутъ по мастерской, да чихать во всѣ стороны... Не виноватъ хозяинъ? Кошка виновата?..“ Поймалъ кошку и разбилъ ей голову о прессъ; а кошка дорогая была, ангорская, пятнадцать рублей стоила... Ну, и прогнали его. Что-жъ

Digitized by Google

хорошаго вышло? Два мѣсяца безъ работы пробылъ, совсѣмъ обнищали...

— Михайловна, человѣкъ тебя спрашиваетъ,— сказала хозяйка, высунувшись въ дверь.

Александра Михайловна вышла. Въ кухнѣ стоялъ человѣкъ съ рыжеватыми, торчащими, какъ щетина, усами и въ знакомомъ Александрѣ Михайловнѣ пальто. Это былъ Захаровъ. Онъ галантно расшаркался.

— Записка къ вамъ отъ вашего супруга!—произнесъ онъ, любезно улыбаясь. Отъ него такъ и пахнуло пивомъ.

Александра Михайловна прочла записку. У нея опустились руки.

— Зачѣмъ ему нужно два рубля?—спросила она, часто дыша и съ негодованіемъ оглядывая Захарова.

— Не знаю-съ! Просто просилъ меня Андрей Ивановичъ принести, а для чего,—положительно не знаю.

— Какъ вамъ это нравится, Елизавета Алексѣевна?! Пишетъ, чтобъ я ему еще прислала два рубля! Гдѣ я ихъ ему возьму? Ахъ, ты, Боже мой, Боже мой! а?.. Вы гдѣ съ нимъ пьянствуете, въ „Сербіи“? На коньякъ денегъ не хватило вамъ? Зачѣмъ ему деньги?

— Окончательно не могу вамъ этого сказать,— отвѣтилъ Захаровъ, нѣсколько ошеломленный натискомъ.—А только просилъ меня Андрей Ивановичъ принести.

— Да кто вы такой?!

— Я знакомый его.

Digitized by Google

— Знакомый? Какой такой знакомый?

— Значитъ... познакомились съ нимъ, съ супругомъ вашимъ.

— Хорошъ знакомый, котораго жена въ первый разъ видитъ!

— Удивительно!—сконфуженно произнесъ Захаровъ.

— А вы меня видали?

— Н-нѣтъ.

— Такъ что же для васъ удивительно?

Захаровъ вздохнулъ.

— Да на что ему деньги-то нужны, отвѣтьте мнѣ!

— Онъ мнѣ не сказалъ, на что. Просто проситъ васъ прислать ему два рубля. „Пусть, говоритъ, пришлетъ“. Н-ну... Желаетъ, чтобъ вы прислали ему два рубля. Вотъ вамъ мой короткій отвѣтъ.

— Да на что, на что ему?

— Не знаю.

— Какъ же вы не знаете? Вѣдь вы вмѣстѣ сидите, вмѣстѣ пьете! На что они ему? Пропить ли, вамъ ли подарить?.. На что?

— Окончательно отвѣтить вамъ,—не знаю!

— Ну, ужъ, пожалуйста, не врите!

Захаровъ безпомощно пожалъ плечами и снова вздохнулъ.

— Я къ вамъ по его порученію пришелъ, какъ посланецъ,—заговорилъ онъ,—больше ничего! Ничего не знаю, ничего не понимаю. А вы, какъ Іоаннъ Грозный,—„въ ногу гонца острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ“.

Digitized by Google

— Какой Іоаннъ Грозный? Что вы глупости говорите?.. Кто вы сами-то такой,—я васъ не знаю! Ступайте вонъ отсюдова!

Захаровъ заморгалъ глазами.

— Это вы мнѣ намекаете, что я долженъ удалиться? Какой же прикажете дать отвѣтъ?

— Никакого отвѣта не будетъ!—отрѣзала Александра Михайловна и, круто повернувшись, ушла къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

V.

Глаза Александры Михайловны блестѣли, она задыхалась отъ волненія и сознанія отчаянной смѣлости своего поступка. Елизавета Алексѣевна сидѣла, блѣдная, какъ полотно.

— Какъ вамъ это понравится! — воскликнула Александра Михайловна.—Дома гроша нѣтъ, самъ не работаетъ, а пришли ему два рубля съ этимъ оборванцемъ! Это тотъ самый оборванецъ, которому онъ пальто свое отдалъ,—я сразу поняла. Мало пальта показалось, еще деньгами хочетъ его наградить,—богачъ какой! Пускай свой ребенокъ съ голоду помираетъ,—оборванцы-пьянчужки ему милѣе!

Хозяйка, Зина и Дунька тоже вошли въ комнату.

— Ну, Михайловна, убьетъ онъ тебя теперь до смерти! — жалостливо сказала Дарья Семеновна.

— Пускай убиваетъ, мнѣ что!

Digitized by Google

— Побѣгу за этимъ усатымъ, посмотрю!—быстро произнесла Дунька, накидывая платокъ, и исчезла.

— Пускай убиваетъ!—гордо и радостно повторила Александра Михайловна.—Весело мнѣ, что ли, жить? Одни только тычки да колотушки и видишь, словно ребенокъ малый!.. Живъ былъ отецъ,—отецъ тиранилъ, замужъ вышла,—мужъ.

Елизавета Алексѣевна молчала, въ волненіи кусая губы. Зина, быстро дыша, оглядывала присутствующихъ и начинала плакать. Хозяйка вздыхала.

— Пойти, прибрать въ твоей комнатѣ все тяжелое,—сказала она.—Пьяный человѣкъ, неровенъ часъ... Пойдемъ, Михайловна!

Онѣ отобрали два горшка съ геранью, литографскій камень, вилки, ножи, и все отнесли въ кухню. Испугъ окружавшихъ передался Александрѣ Михайловнѣ; она все больше падала духомъ... Андрей Ивановичъ не спускалъ ей ни малѣйшаго нарушенія своей воли, а ея сегодняшній отказъ былъ прямо чѣмъ-то неслыханнымъ.

Въ комнату вошла Елизавета Алексѣевна.

— Слушайте, Александра Михайловна, уходите съ Зиной со двора!—сказала она.—Я ему скажу, что васъ нѣтъ дома.

— Нѣтъ, что ужъ!—апатично отвѣтила Александра Михайловна —Онъ тогда со злобы все у насъ перебьетъ, порветъ, ни одной тряпки не оставитъ, — придется по міру идти. Все равно ужъ!.. А вотъ я васъ хотѣла просить, Лизавета Алексѣевна,—возьмите Зину къ себѣ; а то онъ,

Digitized by Google

чтобъ мнѣ на зло сдѣлать, начнетъ ее сѣчь, изувѣчитъ ребенка.

Въ квартиру, какъ вихрь, влетѣла Дунька.

— Идетъ Андрей Иванычъ!—крикнула она задыхаясь.—Пьяный, пьяный! Шатается и подъ носъ себѣ лопочетъ! Ужъ съ пришпехта повернулъ... Ой, боюсь!

Всѣ засуетились. Зина заплакала.

— Иди, Зина, къ Лизаветѣ Алексѣевнѣ,—поспѣшно сказала Александра Михайловна.

— Идите вы тоже ко мнѣ!—рѣзко проговорила Елизавета Алексѣевна.—Онъ ко мнѣ постѣсняется войти.

— Нѣтъ, нѣтъ!—испуганно твердила Александра Михайловна.—Ради Бога, голубушка, идите съ Зиной и не показывайтесь ему! Увидитъ васъ, еще больше обозлится; онъ мнѣ и такъ утромъ говорилъ, что это вы меня подучаете его не слушаться.

Елизавета Алексѣевна увела Зину къ себѣ. Перепуганная Дунька пошла вмѣстѣ съ ними.

— Ты-то чего, дура, боишься?—презрительно сказала Елизавета Алексѣевна.—Тебя онъ не смѣетъ трогать.

— Голубушка, Лизавета Алексѣевна, боюсь!—повторяла Дунька, дрожа.

Раздался оглушительный звонокъ. Хозяйка отперла. Слышно было, какъ Андрей Ивановичъ вошелъ къ себѣ въ комнату и заперъ за собою дверь на задвижку.

— Давай деньги!—произнесъ онъ хриплымъ голосомъ.

Digitized by Google

Въ комодѣ поспѣшно щелкнулъ замокъ; Александра Михайловна послушно достала деньги и отдала Андрею Ивановичу.

— Еще!—отрывисто сказалъ онъ.—Всѣ деньги давай! Четыре рубля!

— Андрюша,—робко возразила Александра Михайловна,—я два рубля ужъ истра...

Она не договорила. Раздался глухой ударъ и вслѣдъ за нимъ—короткій, всхлипывающій вздохъ Александры Михайловны. Зина, сидѣвшая на постели Елизаветы Алексѣевны и чутко прислушивавшаяся, рванулась и заплакала. Елизавета Алексѣевна, блѣдная, съ дрожащими губами, удержала ее.

Нѣсколько секундъ за стѣною слышалась молчаливая возня и сдержанное всхлипываніе Александры Михайловны. Зина, дрожа, смотрѣла блестящими глазами въ окно и безсознательно стонала.

— Андрей, пусти!! — вдругъ крикнула Александра Михайловна.—Я сейчасъ... посмотрю...

За стѣною стало тихо.

— Нашла!—иронически произнесъ Андрей Ивановичъ.

Онъ сталъ пересчитывать деньги. Зина дрожала еще сильнѣе, упорно глядя въ окно, охая и растирая рукою колѣни.

— Какъ ноги больно! — тоскливо сказала она.

— Отчего у тебя ноги болятъ?—спросила Елизавета Алексѣевна.

— У меня всегда ноги болятъ, когда папа маму

Digitized by Google

бьетъ,—отвѣтила Зина съ блуждающею улыбкою, попрежнему дрожа и прислушиваясь.

— Ну, а теперь я покажу тебѣ, какъ меня передъ людьми позорить! — сказалъ Андрей Ивановичъ.

Александра Михайловна пронзительно вскрикнула. За стѣною началось что-то дикое и безобразное. Слышались глухіе удары, звонъ разбитой посуды, стукъ падающихъ стульевъ, и все это покрывалось отрывистыми, стонущими рыданіями Александры Михайловны, похожими на какой-то безумный смѣхъ; нѣсколько разъ она пыталась выбѣжать, но дверь была заперта.

— О-о, Господи-Батюшка! — тяжело вздохнула хозяйка на кухнѣ.

— Ай-ай-ай, Лизавета Алексѣевна, боюсь!—плакала Дунька, стараясь держаться ближе къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

Елизавета Алексѣевна бросилась къ запертой двери и стала стучать въ нее кулакомъ.

— Андрей Ивановичъ! Отворите сейчасъ-же, а то я побѣгу за дворниками! — крикнула она, напрягая свой слабый голосъ.

— Что?!—грозно спросилъ Андрей Ивановичъ, подходя къ двери.—Убирайтесь къ...

И вслѣдъ за этимъ раздался вопль Александры Михайловны и шумъ упавшаго тѣла.

Елизавета Алексѣевна бросилась внизъ по лѣстницѣ къ дежурному дворнику. Дворникъ, кутаясь въ тулупъ, сидѣлъ на скамейкѣ у воротъ.

— Я дежурный, не могу отъ воротъ уйти,— равнодушно отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

Елизавета Алексѣевна побѣжала въ дворницкую; у дверей стоялъ, щелкая подсолнухи, молодой дворникъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ усмѣхнулся подъ-носъ и моментально исчезъ гдѣ-то за дровами. Сегодня, по случаю праздника, въ домѣ всѣ были пьяны, и чуть не изъ каждой квартиры неслись стоны и крики истязуемыхъ женщинъ и дѣтей. Наивно было соваться туда.

Елизавета Алексѣевна и сама это понимала. Никого ей не дозваться. Она въ отчаяніи остановилась посреди двора. Съ крышъ капало, отъ помойной ямы тянуло кислою вонью; за осклизшей деревянной рѣшеткой палисадника бились подъ вѣтромъ оголенныя вѣтви чахлыхъ березъ.

Изъ подъѣзда выбѣжалъ Андрей Ивановичъ, съ всклокоченными волосами, въ пальто въ накидку; глаза его горѣли. Онъ быстро прошелъ къ воротамъ, не замѣтивъ Елизаветы Алексѣевны. Она поспѣшила наверхъ.

Александра Михайловна въ полузабытьи лежала на кровати; волосы ея были растрепаны, платье разорвано; лѣвая щека и високъ представляли одинъ сплошной, темный синякъ, носъ весь былъ въ ссадинахъ и распухъ. Вокругъ нея суетились хозяйка и Дунька. Зина сидѣла на сундукѣ, дрожа, глядя блестящими глазами въ окно, и попрежнему слабо стонала, растирая рукою колѣни.

Александру Михайловну привели въ чувство. Хозяйка поставила самоваръ, Елизавета Алексѣевна сбѣгала въ погребъ и принесла полубутылку рома. Александра Михайловна напилась горячаго

Digitized by Google

чаю съ ромомъ и осталась лежать. Она была вяла и апатична; тупо оглядывая окружающихъ, она разсказывала, какъ билъ ее Андрей Ивановичъ, какъ онъ впился ей ногтями въ носъ и рвалъ его, въ то же время закручивая другою рукою волосы, чтобъ заставить ее отдать всѣ деньги... Хозяйка вздыхала и жалостливо качала головою; Елизавета Алексѣевна, сдвинувъ брови, мрачно смотрѣла въ уголъ; Дунька слушала жадно, съ блестящими отъ любопытства глазами, словно ей разсказывали очень интересную сказку.

Просидѣли всѣ вмѣстѣ съ часъ. Александру Михайловну стало познабливать, и она рѣшила лечь спать. Елизавета Алексѣевна ушла изъ дому.

Александра Михайловна раздѣлась, уложила Зину, потушила лампу, но заснуть не могла. Правое бедро, въ которое Андрей Ивановичъ ударилъ ее каблукомъ, ныло, распухшій носъ горѣлъ. Она лежала на спинѣ, глядя въ темноту, и думала о своей жизни. Ей вспоминался мрачный, горѣвшій ненавистью взглядъ Елизаветы Алексѣевны, съ какимъ она слушала ея разсказъ, — и въ ней самой разгоралась эта ненависть. До сихъ поръ Александра Михайловна несла тяжесть своей семейной жизни, какъ неизлѣчимую болѣзнь, отъ которой можно только страдать; теперь она думала о томъ, что эти страданія глупо терпѣть, и что нужно вырваться изъ нихъ; она думала и о томъ, что ея жизнь скучна и сѣра, а Елизавета Алексѣевна живетъ въ какой-то другой жизни, яркой и свѣтлой.

Digitized by Google

Было темно; на потолкѣ около шкафа попрежнему тускло свѣтилось пятно отъ горѣвшаго на дворѣ фонаря; порывистый вѣтеръ хлесталъ дождемъ въ окно; протянутыя надъ крышей телефонныя проволоки гудѣли однообразно и заунывно, словно отдаленный благовѣстъ... Въ воздухѣ одинъ за другимъ глухо прозвучали три пушечныхъ выстрѣла: начиналось наводненіе... Зина, спавшая на сундукѣ, слабо стонала сквозь сонъ.

Въ кухнѣ раздался рѣзкій, громкій звонокъ. Александра Михайловна быстро сѣла на постели и съ бьющимся сердцемъ стала прислушиваться; ею овладѣло отчаяніе: опять Андрей Ивановичъ начнетъ ее истязать...

Но въ кухнѣ послышался женскій голосъ; черезъ минуту дверь открылась, и этотъ голосъ окликнулъ Александру Михайловну.

— Вы спите? Можно къ вамъ?

Александра Михайловна по голосу узнала Катерину Андреевну, коробочницу, сожительницу Ляхова.

— Васька-то мой!.. Ахъ, негодяй, негодяй!—заговорила Катерина Андреевна задыхаясь.

— Въ чемъ дѣло, Катерина Андреевна? Что случилось?

Александра Михайловна встала и зажгла лампу.

— Негодяй, негодяй, мерзавецъ подлый! — повторяла Катерина Андреевна, быстро ходя по комнатѣ.

Катерина Андреевна была стройная дѣвушка, съ красивымъ, нервнымъ лицомъ и большими

Digitized by Google

темносиними глазами; на ней была изящно-сшитая черная кофточка и шляпка съ перьями.

— Опять что-нибудь накуралесилъ Ляховъ?— спросила Александра Михайловна.

Катерина Андреевна съ негодующею дрожью повела плечами.

— Такую подобную тварь, а?!. Я давно знала, что онъ хороводится съ различными дѣвками, а тутъ ужъ... Къ намъ на квартиру привелъ, ко мнѣ! А?!. Ахъ, прохвостина эдакій, обормотъ!!

— Къ вамъ привелъ на квартиру? — съ любопытствомъ спросила Александра Михайловна.

— Самую послѣднюю тварь! Понимаете, — раскрашенную, которую можно топтать ногами!.. У-у-у!.. Ужъ и отхлестала же я имъ обоимъ ихъ поганыя морды!

Александра Михайловна въ полусвѣтѣ лампы замѣтила, что и у самой Катерины Андреевны губа была въ крови и правый глазъ распухъ.

— Ахъ, негодяй, негодяй грязный!.. Позволить себѣ такую подобную мерзость, а?!

— И изъ квартиры выгналъ васъ?

— Самъ еще придетъ ко мнѣ, просить будетъ воротиться, да посмотримъ, кто надъ кѣмъ покуражится! Два ужъ раза я ему прощала,—въ ногахъ валялся, ноги мнѣ цѣловалъ... Ну, теперь посмотримъ!

— Вамъ-то вотъ хорошо, — помолчавъ, заговорила Александра Михайловна. — Вы съ нимъ не связаны, захотѣли—и ушли, онъ вамъ ничего не можетъ сдѣлать. Работу вы имѣете, и безъ него можете прожить,—вамъ его содержанія не нужно.

Digitized by Google

— Его содержанія! — разсмѣялась Катерина Андреевна. — Я его содержала, на свои деньги! Свои онъ всѣ пропивалъ, до послѣдней копеечки. Посмотримъ теперь, какъ онъ безъ меня проживетъ!

— А вотъ, какъ у меня-то, — вяло продолжала Александра Михайловна;—живи, какъ крѣпостная, на все изъ чужихъ рукъ смотри. Мужъ мой самъ денегъ мало зарабатываетъ; что заработаетъ, сейчасъ пропьетъ. Я его ужъ какъ просила, чтобъ онъ мнѣ позволилъ работать, — нѣтъ! Хочетъ, чтобъ я его хлѣбъ ѣла.

Катерина Андреевна остановилась передъ столомъ, глядя блестящими глазами на огонь лампы и злорадно улыбаясь.

— Пускай только придетъ теперь,—онъ у меня узнаетъ, можно ли меня оскорблять!—проговорила она.—Ахъ, подлецъ, подлецъ!

— Они сегодня съ мужемъ вмѣстѣ пьянствовали въ „Сербіи“. Не хватило имъ денегъ на коньякъ,—пришелъ мужъ, меня избилъ до полусмерти и всѣ, всѣ деньги отобралъ, ни гроша въ домѣ не оставилъ. А вы вѣдь знаете, какой онъ теперь больной,—много ли и всего-то выработаетъ!.. Чѣмъ же жить? Сколько разъ я ему говорила, просила, — пусть позволитъ хоть что-нибудь дѣлать, хоть гдѣ-нибудь работать, — все-таки же лучше,—нѣтъ!

— Поступайте къ намъ въ мастерскую, — сказала Катерина Андреевна. — У насъ много можно выработать, — полтора рубля въ день. Научиться скоро можно.

Digitized by Google

— Такъ не позволяетъ мнѣ мужъ, я что же вамъ говорю?

— Ахъ, мерзавецъ эдакій, а?! — воскликнула Катерина Андреевна и, поведши плечами, снова заходила по комнатѣ. — Мнѣ сегодня и ночевать негдѣ, я къ вамъ пришла, — можно у васъ остаться?

— Съ удовольствіемъ, милости просимъ! Только воротится мужъ, опять меня бить начнетъ. Вамъ будетъ безпокойно.

— Ничего, я какъ-нибудь... — разсѣянно отвѣтила Катерина Анреевна. —А они-то теперь тамъ... На моей кровати!.. О, негодяй, обормотъ подлый, пускай только покажется мнѣ на глаза!

Въ двѣнадцать часовъ воротилась Елизавета Алексѣевна. Катерина Андреевна помѣстилась у нея. Александра Михайловна снова улеглась спать, но заснуть не могла. Она ворочалась съ боку на бокъ, слышала, какъ пробило часъ, два, три, четыре. Вездѣ была тишина, только маятникъ въ кухнѣ мѣрно тикалъ, и по-прежнему протяжно и уныло гудѣли на крышѣ телефонныя проволоки; дождь стучалъ въ окна. Андрея Ивановича все не было. На душѣ у Александры Михайловны было тоскливо.

VI.

Андрей Ивановичъ воротился домой въ десятомъ часу утра, — воротился хмурый, смирный и задумчивый; онъ молча напился кофе и сейчасъ же легъ спать.

Digitized by Google

Воспользовавшись его сномъ, Александра Михайловна сварила молочную рисовую кашу, накормила Зину, Катерину Андреевну и поѣла сама. Къ обѣду она приготовила только жиденькій супъ, въ которомъ плавалъ небольшой кусокъ жилистаго мяса.

Къ двумъ часамъ Андрей Ивановичъ проспался и всталъ веселымъ и ласковымъ. Александра Михайловна стала накрывать на столъ; она повязала свой синякъ платкомъ, усиленно хромала на ушибленную ногу и держалась, какъ деревянная. Андрей Ивановичъ словно не замѣчалъ этого и весело болталъ съ Катериной Андреевной.

Катерина Андреевна вышла въ кухню напиться.

— Что ты, Саша, фальшивишь? — обратился Андрей Ивановичъ къ женѣ.—Не такъ ужъ нога у тебя ушиблена, я сразу понимаю. Ну, пойди сюда, дурочка! Дай, я тебя поцѣлую.

— Гдѣ ужъ тутъ фальшивить!—отвѣтила Александра Михайловна.—Поневолѣ захромаешь, какъ начнутъ тебя ногами топтать, словно рогожу. — Она отвѣтила угрюмо, но лицо, ея невольно для нея самой, вдругъ прояснилось отъ ласки Андрея Ивановича.

— Ну, пойди, пойди сюда!—Андрей Ивановичъ охватилъ ее за талію и ущипнулъ въ бокъ. — А ты знай впередъ, что настойчивой быть нельзя, — произнесъ онъ, словно говоря съ маленькимъ ребенкомъ; — разъ что мужъ тебѣ что-нибудь приказываетъ, то ты должна исполнять, а не разсуждать; ты всегда обязана помнить, что мужъ выше тебя.

Digitized by Google

— А вотъ ты деньги всѣ опять прокутилъ, — съ чего жить будемъ? Обѣда даже не на что сварить, сегодня еле-еле кусочекъ мяса выклянчила въ мясной. Вѣдь не о себѣ я стараюсь, мнѣ что?

— Ничего, Шурочка, деньги пустяки! Сегодня нѣтъ, завтра будутъ. Наживемъ!.. Эка, стоитъ о деньгахъ печалиться!

Послѣ обѣда къ Колосовымъ пришелъ въ гости слесарь электрическаго завода Иванъ Карловичъ Лестманъ; это былъ эстонецъ громаднаго роста и широкоплечій, съ пухлымъ лицомъ и бѣлесою бородкою, очень застѣнчивый и молчаливый. Онъ благоговѣлъ передъ Андреемъ Ивановичемъ. Стали вчетверомъ играть въ стуколку, потомъ сѣли пить чай. У Александры Михайловны было на душѣ очень хорошо: Андрей Ивановичъ былъ съ нею нѣженъ и предупредительно-ласковъ, и она теперь чувствовала себя съ нимъ равноправною и свободною. Андрей Ивановичъ, опохмѣлившійся остатками вчерашняго коньяку, тоже былъ въ духѣ.

— Шурочка, ты бы пошла, позвала къ намъ Елизавету Алексѣевну. — сказалъ онъ. — Что ей тамъ одной сидѣть? Пускай чайку попьетъ съ нами.

Странное было его отношеніе къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ: Андрей Ивановичъ видѣлъ ясно, что Александра Михайловна бунтуетъ противъ него подъ ея вліяніемъ, и часто испытывалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ неистовую злобу; тѣмъ не менѣе его такъ и тянуло къ ея обществу, и онъ

Digitized by Google

бывалъ очень доволенъ, когда она заходила къ нимъ.

У Елизаветы Алексѣевны была мигрень. Осунувшаяся, съ злымъ и страдающимъ лицомъ, она лежала на кровати, сжавъ руками виски; лицо ея стало еще блѣднѣе, лобъ былъ холодный и сухой. Александра Михайловна тихонько затворила дверь; она ужъ съ перваго взгляда на Елизавету Алексѣевну научилась узнавать объ этихъ страшныхъ боляхъ, доводившихъ Елизавету Алексѣевну почти до помѣшательства.

— Опять голова болитъ!—объявила Александра Михайловна воротившись.—Раза по три въ недѣлю у нея голова болитъ, что же это такое!

— Эхъ, бѣдняга! — съ соболѣзнованіемъ произнесъ Андрей Ивановичъ.

Лестманъ покачалъ головою.

— Все отъ ученія,—сказалъ онъ.—Такой больной не есть корошо много учиться; раньше нужно доставать здоровье.

— „Здоровье доставать“... Какъ вы будете здоровье доставать?—возразилъ Андрей Ивановичъ.— Тогда нужно отказаться отъ знанія, отъ развитія; только на фабрикѣ двѣнадцать часовъ поработать, — и то ужъ здоровья не достанешь... Нѣтъ, я о такихъ дѣвушкахъ очень высоко понимаю. Въ чемъ душа держится, кажется, щелчкомъ убьешь,— а какая сила стремленій, какой духъ!

— Ну, а что-жъ хорошаго вотъ этакъ все больной валяться? — сказала Катерина Андреевна. — И къ чему учиться-то? Не понимаю! Ничего ей за это дороже не станутъ платить.

Digitized by Google

— Дѣло не въ деньгахъ, а въ равноправенствѣ,—поучающе произнесъ Андрей Ивановичъ.— Женщина должна быть равна мужчинѣ, свободна: она такой же человѣкъ, какъ и мужчина. А для этого она должна быть умна, иначе мужчина никогда не захочетъ смотрѣть на нее, какъ на товарища. Вотъ у насъ дѣвушки работаютъ въ мастерской, — развѣ я могу признать въ нихъ товарищей, разъ что у нихъ нѣтъ ни гордости, ни ума, ни стыда? Какъ онѣ могутъ постоять за свои права? А Лизавету Алексѣевну я всегда буду уважать, все равно, что моего товарища.

Въ кухнѣ раздался звонокъ. Въ комнату вошелъ Ляховъ, съ котелкомъ на затылкѣ и съ тросточкой; онъ былъ сильно пьянъ. Катерина Андреевна поблѣднѣла.

— У васъ Катька? — спросилъ онъ, не здороваясь. — Ты здѣсь? Иди домой, гдѣ ты пропадаешь?! — крикнулъ онъ на нее.

Катерина Андреевна стояла, нервно сжимая рукою край стола и въ упоръ глядя на Ляхова.

— Пошла я съ тобой, какъ же!—отвѣтила она задыхаясь.—Ахъ, ты негодяй, негодяй! еще домой зоветъ, послѣ подобной мерзости!

— Я тебѣ приказываю, понимаешь ты это?!

— Я тебѣ, слава Богу, не жена! Ты мнѣ не можешь приказывать!—вызывающе отвѣтила Катерина Андреевна.—Кто ты такой? Я тебя не знаю!.. Ахъ, ты, негодяй, негодяй грязный!

— Пойдешь ты или нѣтъ?—Ляховъ грубо схватилъ ее за руку около плеча.

— Отстань!

Digitized by Google

— Что это, Васька, за безобразіе? Оставь ее! — угрожающе крикнулъ Андрей Ивановичъ.

Ляховъ опустилъ руку и съ усмѣшкой оглядѣлъ Андрея Ивановича.

— Аль тебѣ ея захотѣлось?—спросилъ онъ.

— Дѣло не объ этомъ, а о томъ, что не смѣй скандала дѣлать!

— Она, братъ, ко всякому пойдетъ, къ кому угодно!.. Что, ужъ очень хочется тебѣ? Ну, ладно, бери, чортъ съ нею! Эка, добра какого... На!..

Онъ засмѣялся и съ силою толкнулъ Катерину Андреевну на Андрея Ивановича.

— Да что же это такое! Андрей Ивановичъ, пошлите за дворниками! — воскликнула Катерина Андреевна, еле удержавшись руками за комодъ.

Андрей Ивановичъ вскочилъ съ мѣста.

— Ты тутъ перестанешь скандалить или нѣтъ?— спросилъ онъ, стиснувъ зубы.

— Такъ не хочешь домой идти? — обратился Ляховъ къ Катеринѣ Андреевнѣ.

— Не хочу! И никогда не приду!

— Ну, ладно! — усмѣхнулся Ляховъ. — Погоди жъ ты, я тебя еще не такъ осрамлю... Чтобъ ноги твоей у меня больше не было!—крикнулъ онъ, свирѣпо выкативъ глаза.—Что за юбки такія у меня въ квартирѣ понавѣшены? Чтобъ этой вонючей гадости у меня не было... Я этого не позволю!

И, ни съ кѣмъ не простившись, онъ вышелъ изъ комнаты.

— Свинья пьяная! — съ отвращеніемъ произнесъ Андрей Ивановичъ. — Вы не подчиняйтесь

Digitized by Google

ему, что за безобразіе! Слава Богу, вы съ нимъ не связаны.

— Ему? подчиниться? Н-никогда!!—энергически воскликнула Катерина Андреевна.—Самъ еще придетъ ко мнѣ, въ ногахъ будетъ валяться,—да посмотримъ, захочу ли я его простить!

— Вы лучше вещи свои заберите отъ него,—сказалъ Лестманъ, съ сожалѣніемъ глядя на Катерину Андреевну; — а то онъ всѣмъ имъ сдѣлаетъ капутъ.

Катерина Андреевна всплеснула руками.

— И вправду! Какъ же я ихъ добуду? Александра Михайловна, дорогая моя,—съѣздите, возьмите у него мои вещи!

— Я боюсь: онъ меня еще побьетъ,—нерѣшительно проговорила Александра Михайловна.

— Тебя побьетъ? — вспыхнулъ Андрей Ивановичъ.—Будь покойна! Пусть только пальцемъ посмѣетъ тронуть!

Рѣшили, что Александра Михайловна поѣдетъ за вещами вмѣстѣ съ Лестманомъ. Черезъ полчаса они привезли ихъ,—но, Боже мой, въ какомъ видѣ были вещи! Платье и бѣлье были изрѣзаны на мелкіе кусочки, отъ посуды остались одни черепки, у самовара былъ свернутъ кранъ и вдавленъ бокъ.

Катерина Андреевна вспыхнула, закусила губы и разрыдалась.

Digitized by Google

VII.

Прошло двѣ недѣли. Была суббота. Андрей Ивановичъ воротился послѣ шабаша прямо домой и принесъ Александрѣ Михайловнѣ весь заработокъ; ужъ вторую недѣлю онъ приносилъ домой деньги цѣликомъ до послѣдней копейки.

Поужинали и напились чаю. Андрей Ивановичъ сидѣлъ у стола, подперевъ кулакомъ щеку, и угрюмо смотрѣлъ на огонь лампы. Всегда, когда онъ переставалъ пить, его въ свободное отъ работы время охватывала тупая, гнетущая тоска; какіе-то несознанные запросы поднимались въ душѣ, куда-то тянуло, но онъ не зналъ, куда, и жизнь казалась глупой и скучной. Александра Михайловна и Зина боялись такого настроенія Андрея Ивановича, потому что онъ въ эти минуты прямо сатанѣлъ, и отъ него не было житья.

Андрей Ивановичъ послалъ жену купить „Петербургскій Листокъ“, прочелъ его отъ переднихъ до заднихъ объявленій; потомъ сталъ просматривать взятый имъ изъ мастерской сборникъ куплетовъ „Серебряная Струна“... Нѣтъ, все было скучно и плоско...

Пришла Катерина Андреевна. Она жила теперь на отдѣльной квартирѣ, но Ляховъ не оставлялъ ее въ покоѣ. Онъ поджидалъ ее при выходѣ изъ мастерской, подстерегалъ на улицахъ и требовалъ, чтобъ она снова шла жить къ нему; однажды онъ даже ворвался пьяный въ ея квартиру и избилъ

Digitized by Google

бы Катерину Андреевну на-смерть, если бы квартирный хозяинъ не позвалъ дворниковъ и не отправилъ Ляхова въ участокъ. Катерина Андреевна со страхомъ покидала теперь свою квартиру, и въ мастерскую ходила каждый разъ по разнымъ улицамъ.

— Вѣдь эдакій острожникъ, а?! — негодовала она.—Вотъ связалась на свою погибель! Это вѣдь такой бѣшеный, ему и зарѣзать нипочемъ человѣка.

Андрей Ивановичъ мрачно слушалъ, терзаемый тоскою и скукою.

Раздался звонокъ; мужской голосъ спросилъ Елизавету Алексѣевну. Ея не было дома. Гость прошелъ въ ея коморку, сказавъ, что подождетъ. Андрей Ивановичъ оживился: ему вообще нравились знакомые Елизаветы Алексѣевны, а этотъ, къ тому же, по голосу былъ какъ будто уже знакомъ Андрею Ивановичу. Онъ прислушался: гость сидѣлъ у стола и, видимо, читалъ книгу. Андрею Ивановичу не сидѣлось.

— Что ему тамъ одному сидѣть? — обратился онъ къ Александрѣ Михайловнѣ.—Подогрѣй-ка самоваръ, да сходи, возьми полубутылку рому. Пускай чайку попьетъ у насъ.

Андрей Ивановичъ пошелъ въ комнату Елизаветы Алексѣевны. Гость оказался, дѣйствительно, знакомымъ: это былъ Барсуковъ, токарь по металлу въ одномъ изъ большихъ пригородныхъ заводовъ; Андрей Ивановичъ около полугода назадъ нѣсколько разъ встрѣчался съ Барсуковымъ у Елизаветы Алексѣевны и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ.

— Это вы, Дмитрій Семеновичъ!—воскликнулъ

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ. — То-то я слушаю, — что это, какъ будто голосъ знакомый?.. Здравствуйте! Чтожъ вы тутъ одни сидите? Заходите къ намъ, выпейте стаканчикъ чаю!

Барсуковъ былъ худощавый человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ свѣтлою бородкою и сѣрыми, внимательно смотрящими глазами; одѣтъ онъ былъ въ пиджакъ и грубо вышитую рубашку.

— Да я ужъ, собственно, пилъ, — отвѣтилъ онъ.—А впрочемъ... хорошо! Что жъ такъ сидѣть?— съ усмѣшкою прервалъ онъ себя и пошелъ съ Андреемъ Ивановичемъ въ его комнату.

— Что это, какъ васъ долго не было видно?— спросилъ Андрей Ивановичъ, суетливо оправляя на столѣ скатерть.—Садитесь... Сейчасъ жена ромцу принесетъ, мы съ вами выпьемъ по рюмочкѣ.

Барсуковъ подошелъ къ Катеринѣ Андреевнѣ, назвалъ себя и тряхнулъ ея руку, потомъ присѣлъ къ столу.

— Да вы, голубчикъ, оставьте, не суетитесь,— обратился онъ къ Андрею Ивановичу. — Я пить все равно не буду.

Онъ увидѣлъ лежавшую на столѣ „Серебряную Струну“, перелисталъ ее и, отложивъ въ сторону, взялъ съ комода еще пару книгъ.

— Э, не смотрите: ерунда! — сказалъ Андрей Ивановичъ, конфузясь за тѣ книги, которыя у него были.—Я ихъ такъ себѣ, отъ скуки, изъ мастерской взялъ. Глупыя идеи, нечего читать: одна только критика, для смѣху... Ну, а вотъ оно и подкрѣпленіе намъ!—прервалъ онъ себя, увидѣвъ входящую Александру Михайловну.

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ откупорилъ принесенную бутылку, отеръ горлышко краемъ скатерти и налилъ двѣ рюмки.

— Пожалуйте-ка, Дмитрій Семеновичъ! — сказалъ онъ, потирая руки.—За ваше здоровье!

— Нѣтъ, спасибо, я не пью!

— Ну, ну, пустяки какіе! По маленькой ничего не значитъ.

— Каждый разъ у насъ съ вами та же канитель повторяется!—съ усмѣшкою проговорилъ Барсуковъ.—И по маленькой не пью, спасибо!

— Ну, во-отъ!.. — разочарованно протянулъ Андрей Ивановичъ. — Что жъ мнѣ, не одному же пить! Маленькая не вредитъ, — что вы? Выпьемъ по одной! Ромъ хорошій, рублевый, — онъ проясняетъ голову.

Барсуковъ молча пожалъ плечами, поднялся и неловко зашагалъ по комнатѣ.

— Что же это такое? Одному и пить какъ-то неохота... Катерина Андреевна, выпьемте съ вами!

— Вотъ еще! — засмѣялась она, кокетливо покосившись на Барсукова. — Что это вы, Андрей Ивановичъ, такъ меня конфузите!

— Такъ вѣдь я же вамъ не голый ромъ, я вамъ въ чай подолью.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ пожалуйста!

— Да вы погодите, я вамъ сдѣлаю жженку. Весь спиртъ сгоритъ, одинъ только букетъ останется.

Онъ помѣстилъ ложечку надъ чашкою Катерины Андреевны, положилъ въ ложечку три куска

Digitized by Google

сахару, обильно полилъ ихъ ромомъ и зажегъ. Синее пламя, шипя, запрыгало надъ стаканомъ.

— Ну, вотъ, попробуйте теперь!—самодовольно сказалъ Андрей Ивановичъ. — Самый дамскій напитокъ... Будьте здоровы!

Онъ коснулся рюмкою края чашки, выпилъ рюмку и крякнулъ.

— Нѣтъ, Дмитрій Семеновичъ, позвольте вамъ откровенно сказать, — проговорилъ Андрей Ивановичъ, отирая усы; — я на этотъ счетъ съ вашими мнѣніями не согласенъ. Какой вредъ оттого, чтобъ выпить иногда? Мы не мальчики. Намъ невозможно обойтись безъ этого.

Барсуковъ стоялъ у печки, заложивъ руки за спину.

— Почему же это? — сдержанно спросилъ онъ.

— Почему? Потому что жизнь такая! — вздохнулъ Андрей Ивановичъ. Онъ положилъ голову на руку, и лицо его омрачилось. — Какъ вы скажете, отчего люди пьютъ? Отъ разврата? Это могутъ думать только въ аристократіи, въ высшихъ классахъ. Люди пьютъ отъ горя, отъ думъ... Работаетъ человѣкъ всю недѣлю, потомъ начнетъ думать; хочется всякій вопросъ разобрать по основнымъ мотивамъ,—что? какъ? для чего?.. Куда отъ этихъ думъ дѣться? А выпьешь рюмочку-другую,— и легче станетъ на душѣ.

— Для чего же это бѣжать отъ думъ-то? — спросилъ Барсуковъ, сдвинувъ брови. — Не мѣшало бы, напротивъ, осмыслить всякія явленія, понять ихъ; почему это должно быть привилегіей

Digitized by Google

интеллигенціи? Виномъ думы заливать, — далеко не уйдешь.

— Я не спорю противъ этого!—поспѣшно сказалъ Андрей Ивановичъ. — Я самъ всегда это самое говорю,—что нужно стремиться къ свѣту, къ знанію, къ этому... какъ сказать? — къ проясненію своего разума. А что только выпить не мѣшаетъ,— изрѣдка, конечно: отъ тоски! когда ужъ очень на душѣ рветъ! То-олько!.. А какъ сѣрый народъ у насъ, особенно фабричные по трактамъ, — ихъ я самъ строго осуждаю: напьются такъ, что вмѣсто лицъ одни свиныя рыла видятъ вездѣ, — знаете, какъ извѣстные гоголевскіе типы, ревизоры... Къ чему это? Это — безобразіе, стыдъ! Настоящая Азія! Я очень даже негодую за это на русскаго человѣка.

Барсуковъ помолчалъ.

— Въ нынѣшнее время и по трактамъ, — который народъ идетъ въ кабакъ, а который — въ школу, — возразилъ онъ. — Азіи-то этой, можетъ быть, все меньше становится съ каждымъ годомъ.

— Ну, гдѣ тамъ!—безнадежно произнесъ Андрей Ивановичъ, махнувъ рукою. — Довольно этой Азіи у насъ, на тысячу лѣтъ хватитъ! Вы меня извините за выраженіе, а только я о русскомъ человѣкѣ очень худо понимаю: онъ грубъ, дикъ! Дай ему только бутылку водки, больше ему ничего не нужно. О другомъ у него думъ нѣтъ.

— Почему вы такъ полагаете?—спросилъ Барсуковъ, встрепенувшись. — Совершенно невѣрно! Нужно только смотрѣть кругомъ, приглядываться. О другомъ думъ нѣтъ? Какъ нѣтъ? Вы только

Digitized by Google

вглядитесь хорошенько: вездѣ начинается жизнь, каждый хочетъ жить своимъ умомъ, понимать, особенно изъ молодыхъ. Стоячая-то вода всѣмъ начинаетъ надоѣдать. Что дѣйствительно, старики это считаютъ излишнимъ, а молодые ужъ совершенно другихъ убѣжденій.

Андрей Ивановичъ скептически повелъ головою.

— Нѣтъ, не согласенъ! — объявилъ онъ. — Конечно, я не говорю: механики, наборщики, ну, тамъ, — конторщики, нашъ братъ-переплетчикъ, — объ этихъ я не говорю. Это — люди, можно даже сказать, замѣчательные, образованные, съ знаніями. Или вотъ, скажемъ, вы, или Елизавета Алексѣевна. А я говорю о сѣромъ народѣ, о фабричныхъ, о мужичкахъ. Это ужасно дикій народъ! Тупой народъ, пьяный!

Барсуковъ слушалъ, крутя бородку и посмѣиваясь.

— Да вы, можетъ, не тамъ смотрите?—насмѣшливо спросилъ онъ. — Конечно, если по трактирамъ искать, то трудно найти,—или по кабакамъ... А вы бы въ другомъ какомъ мѣстѣ поискали, — въ школу бы, скажемъ, сходили, на курсы. Можетъ быть, увидѣли бы поучительное... „Дикіе“, „тупые“! — рѣзко произнесъ онъ, переставъ смѣяться.—Проработаетъ парень двѣнадцать часовъ на заводѣ, — выйдетъ, какъ собака, усталый, башка трещитъ,—а бѣжитъ на курсы, другой разъ и перекусить не успѣетъ. Это отъ дикости, что ли? Къ ночи только домой воротится, а утромъ-рано вставай, опять на работу. Отъ дикости это? Отъ дикости онъ на послѣдній грошъ газетку выписываетъ?

Digitized by Google

Барсуковъ своею неловкою походкою зашагалъ по комнатѣ.

— То-то, должно быть, противъ дикости и старики у насъ бунтуются, — съ усмѣшкою продолжалъ онъ. — Очень недовольны, что ихъ „просвѣщенныхъ“ понятій больше не уважаютъ! Начнетъ эдакій старикъ поученія читать: вотъ, дескать, была у насъ въ Торжкѣ дѣвушка, и вселились въ нее черти; отвезли ее къ какой-то тамъ святой бабушкѣ, продержали годъ, — какъ рукой сняло; вышла на волю, поѣла скоромнаго пирожка, и опять въ нее черти вселились... А молодой смѣется, спрашиваетъ: пирожокъ-то, значитъ, чертями былъ начиненъ?—Старикъ скажетъ: громъ — оттого, что Илья-Пророкъ по небу катается, а молодой ему: какой-такой Илья-Пророкъ? Это — электричество!.. Какая дикость! „Электричество“! а? На курсы вздумалъ бѣгать, электричество изучать, кислороды всякіе! Ужъ подлинно—Азія!

— У васъ какія же на этихъ курсахъ лекціи преподаютъ?—спросилъ заинтересованный Андрей Ивановичъ.

— Разное преподаютъ,—неохотно отвѣтилъ Барсуковъ.—Химію, физику, русскій языкъ... Алгебру, геометрію...

Онъ сѣлъ къ столу и, откусивъ кусочекъ сахару, лѣниво сталъ прихлебывать изъ стакана чай.

— Полезные предметы, — сказалъ Андрей Ивановичъ тономъ знатока.

— Предметы необходимые... Знаете, сходимте какъ-нибудь вмѣстѣ на курсы! — сказалъ Барсу-

Digitized by Google

ковъ, оживившись. — Стоитъ наблюденія. Я курсы кончилъ, а другой разъ нарочно хожу. Вы мало знаете, потому и говорите... Какіе живые ребята есть, сознательные! Такъ и рвутся до знанія, все хотятъ знать въ корень. Такого куда ни забрось, не заржавѣетъ... И откуда силы беретъ! Днемъ на работѣ, вечеромъ на курсахъ, придетъ домой, — отдыха не знаетъ, сейчасъ за книгу, другой разъ всю ночь просидитъ... Это, батенька, не то, что у интеллигенціи: ходитъ себѣ мальчонка,—въ гимназію тамъ, въ университетъ; заботы ни о чемъ нѣтъ у него, все ему папаша предоставляетъ. „Ванечка, миленькій, только учись, пожалуйста!“ Протащатъ эдакъ по всѣмъ наукамъ, а тамъ ужъ и мѣстечко готово: пожалуйте, получайте жалованіе!.. А тутъ все горбомъ своимъ доставай.

— Чортъ возьми! Ей-Богу, надобно бы сходить посмотрѣть!—проговорилъ Андрей Ивановичъ воодушевляясь.

— Много поучительнаго, — повторилъ Барсуковъ. — Старики ужъ какъ косятся! — улыбнулся онъ. — „Ученые! — говорятъ, — курсанты! Въ студенты, что ли, записались? Ничего этого не нужно; грамоту да письмо знаешь, — и довольно“. Объяснять имъ, на что человѣку знаніе нужно? Этого они не поймутъ, — ну, а между прочимъ сами замѣчаютъ, что въ нынѣшнее время вездѣ на заводахъ больше цѣнятъ молодого рабочаго, чѣмъ который двадцать лѣтъ работаетъ,—особенно въ нашемъ машиностроительномъ дѣлѣ; старикъ, тотъ все только „по навыку“ можетъ; на двухтысячную

Digitized by Google

дюйма больше или меньше понадобилось, — онъ ужъ и стопъ! А для молодого это пустяки.

Барсуковъ оживился; онъ разсказывалъ много и долго. Андрей Ивановичъ слушалъ, и разныя чувства поднимались въ немъ; онъ и гордился, и радовался, и въ то же время ему было грустно; гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ отъ него, шла какая-то особая, невѣдомая ему жизнь; серьезная и труженическая, она не бѣжала сомнѣній и вопросовъ, не топила ихъ въ чадномъ, пьяномъ угарѣ; она сама шла имъ навстрѣчу и упорно добивалась разрѣшенія. И чѣмъ больше Андрей Ивановичъ слушалъ Барсукова, тѣмъ шире развертывались передъ нимъ перспективы, тѣмъ больше вѣрилось въ жизнь и будущее,—вѣрилось, что жизнь бодра и сильна, а будущее велико и свѣтло.

— Нѣтъ, въ нынѣшнее время о многомъ начинаютъ думать, — проговорилъ Барсуковъ. — Никто не хочетъ на чужой веревочкѣ ходить,—хотятъ понять условія своей жизни, ея смыслъ...

Онъ молча прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и снова остановился у печки.

— Въ лѣтошнемъ году у насъ на курсахъ одинъ Иванъ Алексѣевичъ читалъ русскую литературу,—задумчиво произнесъ онъ.—Между прочимъ рѣшалъ вопросъ: какая разница между научной литературой и художественной? Научная литература, — если, напримѣръ, изслѣдовать жилище рабочаго: сколько кубическаго воздуха, какой процентъ дѣтей умираетъ, сколько рабочій въ годъ выпиваетъ водки... А художественная литература то же самое изображаетъ чувствительно:

Digitized by Google

умираетъ рабочій,—дѣти голодныя, жена плачетъ, грязь кругомъ, сырость, ѣсть нечего. И онъ думаетъ: для чего онъ всю жизнь трудился, выбивался изъ силъ,—для чего онъ жилъ?—Барсуковъ сурово сдвинулъ брови. — Онъ жилъ, а жизни не видѣлъ, видѣлъ только ея призракъ сквозь копоть фабричнаго дыма... Какая же была цѣль его существованія?

Андрей Ивановичъ порывисто всталъ и быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, ей-Богу, на курсы ваши поступлю!— воскликнулъ онъ.—Дай только, немножко поправлюсь,—сейчасъ же запишусь!

Два года назадъ Андрей Ивановичъ однажды ужъ сдѣлалъ опытъ, — записался въ школу; но, походивъ два воскресенія, онъ охладѣлъ къ ней; не все тамъ было „чувствительно“, — приходилось много и тяжело работать, а къ этому у Андрея Ивановича сердце не лежало; притомъ его коробило, что онъ сидитъ за партой, словно мальчишка-школьникъ, что кругомъ него — „сѣрый народъ“; къ сѣрому же народу Андрей Ивановичъ, какъ всѣ мастеровые аристократическихъ цеховъ, относился очень свысока. Но теперь Андрею Ивановичу все это казалось въ высшей степени привлекательнымъ.

— Совершенно все это въ моемъ духѣ! — продолжалъ онъ. — Ей-Богу, вотъ думаешь-думаешь такъ о жизни... Какой смыселъ?.. Зачѣмъ?..

Андрей Ивановичъ подвыпилъ, и ему хотѣлось теперь не слушать, а говорить самому; выпивая одну рюмку за другою, онъ сталъ говорить о свѣтѣ

Digitized by Google

знанія, о святости труда, о широкомъ и дружномъ товариществѣ... Катерина Андреевна тоже ужъ выпила три стакана жженки; глаза ея блестѣли, на щекахъ выступилъ румянецъ; она подсѣла ближе къ Барсукову.

— А вы читали „Макарку-Душегуба“? Правда, интересная книга? — спрашивала она, беря Барсукова за локоть и глядя на него горячимъ взглядомъ.

Пробило десять часовъ. Елизавета Алексѣевна не возвращалась. Барсуковъ сталъ уходить. Подвыпившій Андрей Ивановичъ цѣловалъ его и жалъ ему руки.

— Вы заходите, Дмитрій Семеновичъ! — говорилъ онъ.—Я такъ вамъ радъ!.. Голубчикъ! Знаете, есть въ груди вопросы, какъ говорится... (Андрей Ивановичъ повелъ пальцами передъ жилетомъ) какъ говорится, — насущные... Накипѣло въ ней отъ жизни, хочется съ кѣмъ-нибудь раздѣлить свои мнѣнія... Да, вотъ еще! Я васъ кстати хочу попросить: нѣтъ ли у васъ сейчасъ чего хорошенькаго почитать? Недосугъ было это время раздобыться.

— Да вотъ, не хотите ли, я Елизаветѣ Алексѣевнѣ Гросса принесъ, „Экономическую систему“? Полезная книжка. Тогда ей отдадите.

Барсуковъ ушелъ. Катеринѣ Андреевнѣ тоже пора было домой, но она боялась идти одна, чтобъ не встрѣтиться съ Ляховымъ. Александра Михайловна взялась ее проводить, и онѣ ушли.

Андрей Ивановичъ быстро расхаживалъ по комнатѣ. Онъ чувствовалъ такой приливъ энергіи и

Digitized by Google

бодрости, какого давно не испытывалъ; ему хотѣлось заниматься, думать, хотѣлось широкихъ, большихъ знаній. Онъ сѣлъ къ столу и началъ читать оставленную Барсуковымъ брошюру. Въ головѣ у Андрея Ивановича кружилось, буквы прыгали передъ глазами, но онъ продолжалъ усердно читать страницу за страницей.

Александра Михайловна проводила Катерину Андреевну до воротъ ея дома и стала прощаться.

— Ну, куда вы, Александра Михайловна? Зайдите ко мнѣ, хоть на четверть часика, — начала упрашивать Катерина Андреевна. — Посмотрите, какъ я живу. Вѣдь вы еще не были у меня.

Онѣ прошли по мосткамъ черезъ дворъ къ деревянному флигелю и стали подниматься по крутымъ ступенямъ лѣстницы; на ней было темно и пахло кошками. На первой площадкѣ онѣ столкнулись съ квартирною хозяйкою Катерины Андреевны.

— Это вы, Катерина Андреевна? — спросила она. — Идите скорѣй: васъ ужъ часъ цѣлый женихъ ждетъ; самоваръ я наставила.

И она пошла внизъ.

— Ляховъ? — испуганно спросила Александра Михайловна, остановившись.

— Н-нѣтъ, — въ замѣшательствѣ отвѣтила Катерина Андреевна. — Писецъ одинъ, изъ больничной конторы, Еліазаровъ.

— Писецъ?

— Да... Онъ сказалъ, что поживетъ со мною

Digitized by Google

такъ три мѣсяца и, если я буду вести себя прилично, то женится на мнѣ.

— Немножко скоро дѣло у васъ дѣлается, — сказала Александра Михайловна, кусая губы, чтобъ не расхохотаться.

Катерина Андреевна молчала, мечтательно глядя своими большими глазами въ тусклое окно лѣстницы.

— Ляховъ такъ жилъ со мною, а этотъ жениться обѣщаетъ, — проговорила она. — Тогда не нужно будетъ на работу ходить, можно будетъ дѣтей имѣть, свое хозяйство вести... Пойдемте, я васъ познакомлю. Онъ хорошій!

Онѣ вошли въ квартиру. У стола сидѣлъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ черными усиками, двойнымъ подбородкомъ и черными, похожими на пуговицы, глазами; держался онъ какъ-то странно-прямо, какъ будто вмѣсто спинного хребта у него была палка. На столѣ стояли бутылка портвейну, виноградъ и кондитерскія пирожныя, на постели лежала гитара.

— Это ты, Ваня!—весело произнесла Катерина Андреевна, быстро подходя къ нему.—Здравствуй! Вотъ, если бы я знала, кто у меня сидитъ! Александра Михайловна, это мой женихъ! А это моя хорошая подруга, Александра Михайловна Колосова.

Еліазаровъ галантно и солидно расшаркался и пожалъ Александрѣ Михайловнѣ руку.

— Садитесь! — продолжала Катерина Андреевна.—Какъ разъ и самоваръ поспѣлъ... Умный мальчикъ, что безъ меня чаю не пилъ! — сказала она,

Digitized by Google

бросивъ на Еліазарова смѣющійся, ласкающій взглядъ.

— Я одинъ безъ дамъ никогда на это не рѣшусь!—отвѣтилъ Еліазаровъ, покручивая большимъ пальцемъ и мизинцемъ острый кончикъ праваго уса.—Погода сегодня дурная-съ! — обратился онъ къ Александрѣ Михайловнѣ.

— Да, холодно на дворѣ.

— Холодно-съ! Дождь — не дождь, снѣгъ — не снѣгъ идетъ. Какъ говорится,—непріятная погода... Неугодно ли виноградцу? Будьте любезны! Катюша, а ты что же?

Александра Михайловна просидѣла съ полчаса. Катерина Андреевна болтала и смѣялась, не спуская съ Еліазарова блестящихъ, манящихъ къ себѣ глазъ. Еліазаровъ солидно посмѣивался, крутилъ свои усики и говорилъ любезности. Александра Михайловна ушла въ одиннадцать часовъ. Еліазаровъ остался у Катерины Андреевны.

VIII.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ четвергъ, были именины Андрея Ивановича. Онъ собрался праздновать ихъ, какъ всегда, очень широко; Александра Михайловна плакала и убѣждала его быть на этотъ разъ поэкономнѣе; Андрей Ивановичъ началъ было доказывать ей, что и безъ того покупается лишь самое необходимое, но потерялъ терпѣніе, обругалъ Александру Михайловну и велѣлъ ей, не разсуждая, идти и купить, что нужно.

Digitized by Google

Къ восьми часамъ вечера стали собираться гости. Пришли четыре товарища Андрея Ивановича по мастерской съ женами, Лестманъ, Арсентьевъ, одинъ приказчикъ, нѣсколько замужнихъ женщинъ и модистокъ; пришла и Катерина Андреевна.

— Я слышалъ, вы помирились съ Ляховымъ?— спросилъ ее Андрей Ивановичъ.—Мнѣ вчера Ляховъ говорилъ въ мастерской.

— Гдѣ помирилась, Господи! Не знаю, куда спрятаться отъ него!.. Вчера подстерегъ меня у Мытнинскаго моста, не даетъ пройти: скажи, говоритъ, что простишь меня!.. Что жъ мнѣ было дѣлать? Когда на меня кричатъ, я могу противиться, а когда просятъ, — какъ отвѣтить? Обѣщался вечеромъ придти ко мнѣ прощенія просить. Я на весь вечеръ ушла къ подругѣ, и ночевать осталась у нея... Ужъ и подумать боюсь, что будетъ, когда опять встрѣчу его. Право, онъ меня убьетъ!

Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ. Смѣнили ужъ третій самоваръ; на столѣ то и дѣло появлялись новыя бутылки пива. Товарища Андрея Ивановича, переплетнаго подмастерья Генрихсена, хорошаго гитариста, упросили сходить домой и принести гитару. Стали танцовать кадриль.

Танцовальнымъ заломъ служила кухня. Тучный Генрихсенъ сидѣлъ, отдуваясь, на постели хозяйки, прихлебывалъ пиво и игралъ кадриль на мотивы изъ „Прекрасной Елены“. Андрей Ивановичъ дирижировалъ; въ свое время онъ былъ большимъ сердцеѣдомъ и франтомъ, и чувствовалъ себя теперь въ ударѣ.

Digitized by Google

— Сильвупле!—командовалъ онъ, граціозно размахивая руками и подвигаясь впередъ быстрымъ, сѣменящимъ шагомъ, рядомъ съ своею дамою, Катериной Андреевной. — Оренбуръ!.. — При этомъ всѣ дѣлали шэнъ, вертясь съ дамою разъ по десяти. — Коммансэ! — выкрикивалъ Андрей Ивановичъ.

Каждый танцовалъ, не руководствуясь командою Андрея Ивановича, которой, впрочемъ, онъ и самъ не понималъ; но всѣмъ было пріятно танцовать подъ французскіе выкрики. Въ воздухѣ стоялъ женскій смѣхъ, покрываемый сухимъ шарканьемъ ногъ по полу.

Послѣ кадрили стали танцовать польку. Катерина Андреевна была царицею бала; стройная и изящная, съ глазами, блестѣвшими отъ оживленія и выпитаго портвейна, она была обворожительна; ее приглашали наперерывъ. Андрей Ивановичъ вслѣдствіе одышки не танцовалъ польки. Онъ любезничалъ съ дамами, угощалъ ихъ портвейномъ, а когда ихъ уводили танцовать, онъ, скрывая улыбку, слѣдилъ за Елизаветою Алексѣевной. Елизавета Алексѣевна все время танцовала, и Андрею Ивановичу было смѣшно смотрѣть, какъ въ толпѣ прыгало и мелькало ея блѣдное лицо повсегдашнему серьезное и строгое, съ сдвинутыми, бровями.

Полька кончилась; потные танцоры, обмахиваясь платками, вошли въ комнату перекусить и выпить. Вдругъ дверь открылась и на порогѣ появился Ляховъ.

Всѣ смутились; большинство знало объ его исто-

Digitized by Google

ріи съ Катериной Андреевной. Ляховъ вошелъ блѣдный и печальный, приблизился къ Андрею Ивановичу и поздравилъ его съ ангеломъ; потомъ, словно не замѣчая Катерины Андреевны, молча сѣлъ въ уголъ.

Катерина Андреевна была блѣднѣе полотна и дрожала, какъ въ ознобѣ.

— Какъ у васъ отъ окна дуетъ! — обратилась она къ Александрѣ Михайловнѣ, быстро поведши плечами.—Дайте мнѣ, пожалуйста, платокъ: такой холодъ!

Понемногу общее смущеніе улеглось. Снова раздались говоръ, смѣхъ, шутки; пили, чокаясь стаканами. Приказчикъ изъ мануфактурнаго магазина Семыкинъ, молодой человѣкъ съ ярко-краснымъ галстукомъ, тщетно умолялъ выпить хоть *рюмку* пива двухъ сестеръ-модистокъ Вереевыхъ; онѣ смѣялись и отказывались; Семыкинъ выпивалъ стаканъ пива и возобновлялъ свои мольбы. Ляховъ сидѣлъ, забившись въ уголъ, и молча пилъ стаканъ за стаканомъ.

Александра Михайловна попросила сестеръ Вереевыхъ спѣть что-нибудь.

— Ахъ, что вы, что вы, Александра Михайловна! Ни за что!—запротестовали онѣ, покраснѣвъ и замахавъ руками.

Всѣ стали ихъ упрашивать. Сестры долго отнѣкивались, наконецъ рѣшились. Онѣ сѣли рядомъ и откашлялись.

— А горлышко-то прочистить?—сказалъ Семыкинъ, подсаживаясь къ нимъ и подавая рюмку съ пивомъ.

Digitized by Google

Сестры засмѣялись, потомъ сдѣлали серьезныя лица, переглянулись и запѣли цыганскую пѣсню. Голоса у нихъ были слабые, но звучали пріятно; пѣли онѣ въ унисонъ.

Вьются пѣсенки цыганъ,
Прикрывая свой обманъ,
За стаканомъ пьютъ стаканъ,
Въ головѣ — туманъ...

— Туманъ! — басомъ сказалъ Семыкинъ.

— Конечно, туманъ! — возразила младшая Вереева. — Когда пьютъ, тогда въ головѣ становится туманъ.

— Развѣ это неправда? — спросила старшая.

— Вполнѣ справедливо... Ну-ка, туманцу рюмочку! — сказалъ Семыкинъ, протягивая рюмку съ пивомъ. Сестры прыснули.

Въ комнатѣ было жарко и душно. Александра Михайловна открыла форточку. Кисейная занавѣска заколебалась, въ комнату подуло сырымъ, туманнымъ холодомъ.

Послѣ веселаго романса сестры спѣли нѣсколько грустныхъ пѣсенъ; выходило у нихъ очень славно и задушевно. Головы кружились отъ выпитаго пива, и на душѣ у всѣхъ стало тихо и нѣжно.

Помнишь ли, милая, вѣтви тѣнистыя
Ивы надъ темнымъ прудомъ?
Волны плескались кругомъ серебристыя,
Тамъ мы сидѣли вдвоемъ;
Тамъ поклялись мы при лунномъ сіяніи
Вѣчно другъ друга любить...
Помнишь ли, милая, наши свиданія?
Какъ же ихъ трудно забыть!

Digitized by Google

Слушатели были задумчивы... Въ раскрытую форточку тянуло гнилою сыростью, въ тѣсной комнатѣ пахло пивомъ и табакомъ, лица у всѣхъ были малокровныя, истощенныя долгимъ и нездоровымъ трудомъ, — а пѣсня говорила о какой-то свѣтлой, поэтической жизни и о свѣтлой любви среди природы.

Пѣлъ соловей свои пѣсни могучія,
Станъ твой сжималъ я рукой...

Вдругъ въ углу послышались глухія рыданія. Ляховъ, подперевъ голову руками и впившись пальцами въ волосы, рыдалъ, низко наклонясь надъ столомъ. Пѣніе смолкло, всѣ взгляды обратились на него. Ляховъ рыдалъ все сильнѣе, его мускулистыя плечи судорожно дрожали отъ рыданій.

— Василій Васильевичъ, что это съ вами? Успокойтесь! — сказала испуганная Александра Михайловна.—Выпейте воды холодной!

Она побѣжала въ кухню и принесла изъ-подъ крана воды.

Ляховъ поднялся съ мѣста, — блѣдный, всклокоченный, съ распухшими глазами.

— Скажи, Андрей, зачѣмъ ты меня сюда допустилъ? — проговорилъ онъ. — Развѣ мнѣ тутъ мѣсто?.. У васъ тутъ хорошо и благородно, совѣсть у всѣхъ спокойна, вы можете пѣсни пѣть, смѣяться... А я — я вижу, какой я... подлецъ... и грязный негодяй...

Рыданія не дали ему продолжать; Ляховъ схватился за лобъ и оперся о комодъ; онъ рвалъ на

Digitized by Google

себѣ галстукъ и манишку, чтобъ дать волю дыханію.

— Ну, Вася, полно, что ты? Успокойся!—страдающимъ голосомъ произнесъ Андрей Ивановичъ, кладя ему руку на плечо.

— Женщины, женщины! — рыдая, проговорилъ Ляховъ. — Теперь только я вижу, какъ много онѣ даютъ намъ хорошаго, и какъ жестоко мы ихъ оскорбляемъ...

Онъ вдругъ бухнулся въ ноги Катеринѣ Андреевнѣ.

— Ай!!! — истерически вскрикнула она, отшатнувшись.

— Катя! Прости меня! Я поступалъ подло и скверно... Но я не могу жить безъ тебя... Если ты меня не простишь, я повѣшусь, либо брошусь въ Неву... Катечка!

Съ торчащими вихрами волосъ, съ разорваннымъ воротомъ, онъ, рыдая, ползалъ по полу и цѣловалъ подолъ юбки Катерины Андреевны. Взволнованная Катерина Андреевна отодвигалась отъ него, робко оправляя юбку.

— Я для тебя, Катя, хуже разбойника, хуже гадины... Скажи, что мнѣ дѣлать, чтобъ ты простила. Все сдѣлаю, что велишь, топчи, плюй на меня... Только прости, Катя!

Андрей Ивановичъ, блѣдный и нахмуренный, стоялъ, прислонясь спиною къ комоду. Александра Михайловна и младшая Вереева смигивали слезы. Вдругъ Катерина Андреевна, съ заблестѣвшими глазами, порывисто охватила шею Ляхова и горячо поцѣловала его.

Digitized by Google

Ляховъ вскочилъ на ноги и, схвативъ ее въ объятья, осыпалъ поцѣлуями. Кругомъ всѣ зашевелились и заговорили.

— Ну, вотъ и слава Богу! — съ облегченною улыбкою сказала Александра Михайловна, украдкою утирая слезы.—Давно бы такъ!

— Чортъ возьми, нужно выпить для примиренія!—провозгласилъ Андрей Ивановичъ.—Тутъ ужъ всѣмъ слѣдуетъ коньячку, иначе нельзя!.. Катерина Андреевна, позвольте вашу рюмку!

Катерина Андреевна, съ счастливымъ, раскраснѣвшимся лицомъ, протянула рюмку.

Всѣ стали чокаться съ Катериной Андреевной и Ляховымъ; они стали на время главными лицами вечера, словно новобрачные на свадьбѣ.

Стали опять танцовать. Опять Катерина Андреевна была царицею бала; всѣ приглашали ее наперерывъ, и больше всѣхъ Ляховъ. И всегда хорошенькая, она теперь, упоенная счастьемъ приковывала къ себѣ общее вниманіе. Послѣ вальса Ляховъ лихо проплясалъ трепака. Потомъ всѣ перешли въ комнату и попробовали пѣть хоромъ; но вышло нѣчто очень нестройное и безобразное. Упросили снова пѣть сестеръ Вереевыхъ.

Ляховъ продолжалъ пить стаканъ за стаканомъ, рюмку за рюмкой; онъ вообще пилъ всегда очень быстрымъ темпомъ. Лицо его становилось всѣ блѣднѣе, глаза блестѣли. Нѣсколько разъ онъ ужъ оглядѣлъ Катерину Андреевну какимъ-то загадочнымъ взглядомъ. Когда сестры кончили пѣть: „Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ“, Ляховъ вдругъ

Digitized by Google

поднялъ голову и громко произнесъ, обращаясь къ Катеринѣ Андреевнѣ:

— Отдай мнѣ назадъ кольцо въ два съ полтиной, которое ты у меня украла!

— Василій Васильевичъ, что это?!—разсмѣялась Александра Михайловна, бросаясь къ нему.—Вотъ-те разъ! Вы позабыли: вѣдь вы *помирились, помирились,*—вспомните-ка!

— Ты мое кольцо стащила, когда отъ меня ушла! Давай назадъ!!—грубо крикнулъ Ляховъ.

— Господи, да что же это такое!—воскликнула Катерина Андреевна, вспыхнувъ.

— Стыдно вамъ такъ говорить, Василій Васильевичъ!—сказала Александра Михайловна.

— Нѣтъ, не стыдно! Вы не знаете, какая она. Она беременная была, когда я ее взялъ.

— Слушай, Васька, намъ это вовсе не интересно знать!—крикнулъ Андрей Ивановичъ.

— Она должна мнѣ быть до гробовой доски благодарна, что я ее взялъ: я ея грѣхъ покрылъ.

— Какъ же это вы покрыли? Женились, что ли?—спросила Александра Михайловна.

— Я сказалъ, что ребенокъ мой.

— Эка,—„покрыли“! Все равно въ воспитательный его отдали!

Ляховъ молчалъ, съ презрѣніемъ и ненавистью оглядывая Катерину Андреевну.

— У нея такихъ, какъ я, столько было, сколько у меня пальцевъ на рукахъ. Вѣдь она все равно, что первая съ улицы: любой помани,—она сейчасъ пойдетъ къ нему ночевать. Вонъ на святкахъ, когда мы на Звѣринской жили...

Digitized by Google

И онъ началъ цинически вывертывать всю подноготную ихъ совмѣстной жизни. Катерина Андреевна, онѣмѣвъ отъ неожиданности и негодованія, сидѣла, кутая лицо въ платокъ.

— Александра Михайловна, да какъ вы ему позволяете? — крикнула Елизавета Алексѣевна, вскочивъ съ мѣста.

— Если вы, Василій Васильевичъ, не перестанете, то ступайте отсюдова! — сказала Александра Михайловна поблѣднѣвъ.

— Фью-фью-фью-фью! — просвисталъ Ляховъ, насмѣшливо оглядывая обѣихъ. — Слышишь, Андрей, какъ твоя жена выгоняетъ твоего друга?

— Я съ нею вполнѣ согласенъ! Это безобразіе, конфузъ! Сейчасъ же извиняйся въ своемъ поступкѣ, если хочешь тутъ оставаться!

— Такъ ты за жену противъ друга? — протянулъ Ляховъ. — Ты долженъ ей въ зубы дать за то, что она смѣетъ гнать твоего гостя вонъ.

— Вонъ ступай!! — гаркнулъ Андрей Ивановичъ.

— Не пойду!—спокойно отвѣтилъ Ляховъ, плотнѣе усаживаясь на стулѣ и посмѣиваясь.

— И вамъ не стыдно, Ляховъ?! — воскликнула Александра Михайловна.

— Не стыдно!—хвастливо отвѣтилъ Ляховъ.

— Kurat (чортъ)! Ты пойдесъ вонъ!—въ бѣшенствѣ крикнулъ Лестманъ, поднявшись во весь ростъ и стиснувъ кулаки; тяжелый, свирѣпый и сосредоточенный хмѣль чухонца охватилъ его, и онъ былъ страшенъ; остальные мужчины тоже поднялись.

Digitized by Google

Ляховъ оглядѣлъ всѣхъ, усмѣхнулся и всталъ со стула.

— Чорта-ли мнѣ тутъ съ вами оставаться!—проговорилъ онъ.—Набрали шлюхъ къ себѣ, смотрю,— что это? Ни одной нѣтъ честной женщины!.. Сволочь уличная, барабанныя шкуры! Наплевать мнѣ на васъ на всѣхъ!..

И онъ, шатаясь, вышелъ.

IX.

На слѣдующій день Андрей Ивановичъ пришелъ въ мастерскую угрюмый и злой: хоть онъ и опохмѣлился, но въ головѣ было тяжело, его тошнило, и одышка стала сильнѣе. Онъ досталъ изъ своей шалфатки неоконченную работу и вяло принялся за нее.

Переплетная мастерская Семидалова, гдѣ работалъ Андрей Ивановичъ, была большимъ заведеніемъ съ прочной репутаціей и широкими оборотами; однихъ подмастерьевъ въ ней было шестнадцать человѣкъ. Заведеніе было основано отцомъ теперешняго хозяина, бывшимъ подмастерьемъ; онъ умеръ лѣтъ десять назадъ, и теперь дѣло велъ его сынъ, Викторъ Николаевичъ Семидаловъ. Велъ онъ его умѣло, кромѣ того зналъ ходы и всегда былъ заваленъ крупными заказами. Съ своими подмастерьями Семидаловъ обращался дружески, очень интересовался личными дѣлами каждаго изъ нихъ, и вообще старался быть съ ними въ близкихъ отношеніяхъ; но это почему-то ни-

Digitized by Google

какъ не удавалось ему, и подмастерья его не долюбливали.

Андрей Ивановичъ лѣниво скоблилъ скребкомъ передокъ зажатой въ прессъ псалтыри in quarto; изъ-подъ скребка поднималось облако мелкой бумажной пыли, эта пыль щекотала Андрею Ивановичу носъ и горло; Андрей Ивановичъ старался сдерживаться, но наконецъ прорывался тяжелымъ кашлемъ; онъ кашлялъ долго, съ натугою, харкая и отплевываясь, и, откашлявшись, снова принимался скрести. Рядомъ съ нимъ приземистый Картавцовъ, наклонившись, околачивалъ молоточкомъ фальцы на корешкѣ толстой „Божественной Комедіи“. Въ длинной, низкой мастерской было душно и шумно. Въ углу мѣрно стучалъ газомоторъ, подъ потолкомъ вертѣлись колеса, передаточные ремни слабо и жалобно пѣли; за спиною Андрея Ивановича обрѣзная машина съ шипящимъ шумомъ рѣзала толстыя пачки книгъ; дальше, у позолотныхъ прессовъ съ мерцавшими синими огоньками, мальчики со стукомъ двигали рычагами. Полъ былъ усѣянъ обрѣзками бумаги, пахло клейстеромъ и газомъ.

Генрихсенъ, съ пачкою книгъ подмышкой, медленно прошелъ къ своему мѣсту, положилъ книги на верстакъ и сѣлъ, бережно подперевъ голову рукою; его полное, бритое лицо съ короткими усами было блѣдно и измято, волосы торчали въ стороны; онъ не шевелился, застывъ въ какой-то деревянной задумчивости. Андрей Ивановичъ кивнулъ ему головою и вопросительно щелкнулъ себя по шеѣ; Генрихсенъ нахмурился и сердито раз-

Digitized by Google

велъ руками: онъ не опохмѣлялся, и опохмѣлиться было не на что. Увы, у самого Андрея Ивановича не было въ карманѣ ни гроша... Генрихсенъ положилъ голову на другую руку и снова одервенѣлъ.

Налѣво отъ Андрея Ивановича, за широкимъ столомъ, два подмастерья, Ермолаевъ и Новиковъ, подклеивали штрейфенами большія, въ девять кусковъ, карты Россіи. Ермолаевъ былъ плотный, рябой мужчина съ рыжей бородой, Новиковъ—совсѣмъ почти мальчикъ, недавно только выпущенный въ подмастерья; онъ держался дѣлано-молодцовато, съ неестественностью подростка. Оба они разсматривали готовую карту. Новиковъ, поджавъ подбородокъ и подмигивая, говорилъ что-то, а Ермолаевъ заливался густымъ, басистымъ хохотомъ.

Андрей Ивановичъ положилъ скребокъ, потянулся и, засунувъ руки въ карманы, подошелъ къ столу.

— Что это вы?—сумрачно спросилъ онъ.

Новиковъ почтительно посторонился, давая ему мѣсто.

— Да вотъ, все о путешественникахъ тужимъ!— отвѣтилъ онъ, юмористически-огорченно указывая на карту.—Порастерялись у насъ тутъ кой-какіе городки, вотъ мы и огорчаемся: купитъ путешественникъ карту, а города-то и нѣтъ, куда ѣхать. Какъ быть?

— Листы-то въ литографіи какіе вдоль печатаны, какіе поперекъ, — объяснилъ Ермолаевъ.— Тамъ этого не разбираютъ, — сырыми-то они раз-

Digitized by Google

ными и оказываются... Городъ Луга? Къ чорту, срѣзать! Кому нужно, тотъ и безъ карты найдетъ!.. Казань? Дѣвалась неизвѣстно куда!.. Вотъ такъ карта, ха-ха-ха!..

Андрей Ивановичъ молча осмотрѣлъ работу.

— Почемъ положилъ хозяинъ? — спросилъ онъ сквозь зубы.

— Тринадцать копѣекъ. Самъ, говоритъ, взялъ по двадцать.

— По двадцать? Вретъ! — увѣренно сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Ну, вретъ! — добродушно возразилъ Ермолаевъ, переставъ смѣяться. — Съ чего ему врать? На копейку клею пойдетъ, на три — коленкору,— три копейки барыша; тридцать рублей за заказъ. Чего жъ ему? Довольно!

— Гмъ! Чертодалову-то нашему довольно? Сомнѣваюсь!—усмѣхнулся Новиковъ, взглядомъ обращаясь къ Андрею Ивановичу за одобреніемъ.

Генрихсенъ подошелъ къ нимъ, постоялъ нѣсколько времени, тупо и сонно глядя на разговаривавшихъ, и подвинулся къ продолжавшему усердно работать Картавцову.

— Послушьте!—обратился онъ къ Картавцову, поднявъ брови. — Что у васъ двадцать копеекъ нѣту до субботы?

Картавцовъ растерянно положилъ молотокъ и сталъ поспѣшно шарить по карманамъ.

— Нѣту, Генрихъ Ѳедоровичъ!—отвѣтилъ онъ.

Андрей Ивановичъ мрачно слѣдилъ за Картавцовымъ.

— Почему же у тебя нѣту? — рѣзко спросилъ

Digitized by Google

онъ. — Или ужъ всѣ деньги въ сберегательную снесъ?

Широкое лицо Картавцова стало еще болѣе растерянным и жалкимъ. Андрей Ивановичъ не выносилъ его скопидомства и систематически преслѣдовалъ за него Картавцова, — то добродушно, то злобно, смотря по настроенію.

— Онъ прослышалъ, что вы вчера именинникъ были, — вмѣшался Новиковъ. — Нѣтъ, говоритъ, поостерегусь,—ни гроша не возьму съ собою: вдругъ кто на похмѣлье двугривенный попроситъ! Дашь, а онъ до субботы помретъ... Всего капиталу рѣшишься, придется по міру идти!

— У тебя, Генрихсенъ, залогу нѣтъ ли? Подъ залогъ онъ дастъ!—захохоталъ Ермолаевъ.

Всѣ, вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ, стали по привычкѣ травить Картавцова; многіе изъ нихъ сами имѣли при себѣ деньги, но объ этомъ они не помнили.

— Да нѣту же у меня, Господи! — повторялъ Картавцовъ, густо краснѣя и хмурясь. — Ну, ей-Богу, нѣтъ, вотъ!

— Почему же у тебя нѣту? — продолжалъ допрашивать Андрей Ивановичъ. — Ты денегъ не пропиваешь, значитъ, должны быть у тебя; а у кого есть деньги, тотъ съ пустымъ карманомъ не уйдетъ изъ дому, потому что это неловко.

Картавцовъ, страдальчески нахмурившись, молчалъ и съ преувеличеннымъ стараніемъ околачивалъ на книгѣ фальцы.

— Тов-а-рищъ... — съ презрѣніемъ протянулъ Андрей Ивановичъ.—Хоть поиздохни всѣ кругомъ,

Digitized by Google

ему только одна забота,—побольше домой къ себѣ натаскать; настоящій муравей! Зато, дай, десять лѣтъ пройдетъ,—самъ хозяиномъ станетъ, мастерскую откроетъ... „Григорій Антонычъ, будьте милостивы, нельзя ли работки раздобыться у васъ?“...

Вошелъ мастеръ, Александръ Дмитріевичъ Волковъ,—мужчина съ выхоленными свѣтлорусыми усами и остриженный подъ гребенку. Всѣ взялись за работу.

— Ляхова опять нѣтъ?—спросилъ онъ.—Чортъ знаетъ, что такое! Вотъ субъектъ! Лобшицу въ понедѣльникъ заказъ сдавать, а онъ тянетъ. Возьмите, Колосовъ, вы его работу,—псалтыри потомъ кончите.

Въ это время вошелъ Ляховъ,—съ опухшимъ лицомъ, пьяный.

— Ну, слава Богу, явился наконецъ!—сердито сказалъ мастеръ. — Вы что же, Ляховъ, въ мастерскую только для прогулки приходите, для моціону? Когда у васъ заказъ Лобшица будетъ готовъ?

— Когда срокъ придетъ, тогда и будетъ готовъ! — грубо отвѣтилъ Ляховъ, вытаскивая изъ шалфатки пачку книгъ.

— Да вы опять пьяны!—воскликнулъ мастеръ.

— Не на ваши ли деньги пилъ?

Мастеръ покраснѣлъ отъ гнѣва и закусилъ усы.

— Ну-ну, посмотримъ! Вамъ, видно, штрафоваться еще не надоѣло!.. Прекрасно!

И онъ быстро вышелъ въ контору.

Digitized by Google

Ляховъ бросилъ на верстакъ книги и большими шагами подошелъ къ Андрею Ивановичу, который чистилъ щеточкою выскобленный обрѣзъ.

— Ты у меня сейчасъ будешь лежать подъ верстакомъ!—объявилъ онъ.

— Что такъ? Почему?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Ты чего не въ свое дѣло суешься? Зачѣмъ ты меня вчера съ Катькой поссорилъ? — проговорилъ Ляховъ, въ упоръ, грозно и выжидающе глядя на Андрея Ивановича.

— Я тебя поссорилъ?—удивился Андрей Ивановичъ.

Вдругъ Ляховъ размахнулся и изо всей силы ударилъ Андрея Ивановича кулакомъ въ лицо. Ударъ пришелся прямо въ носъ; въ головѣ у Андрея Ивановича зазвенѣло, изъ глазъ брызнули слезы, и кровь ручьемъ хлынула изъ носу. Онъ отшатнулся, стиснувъ ладонями лицо. Сильныя руки схватили его за борты пиджака и швырнули на полъ. Ляховъ бросился на упавшаго Андрея Ивановича и сталъ бить его по щекамъ.

Ошеломленный неожиданностью и болью, не въ силахъ подняться, Андрей Ивановичъ безпомощно протягивалъ руки, пытаясь защититься отъ сыпавшихся на него пощечинъ; въ глазахъ у него замутилось; какъ въ туманѣ, мелькнуло передъ нимъ широкое лицо Картавцова, отъ его удара головѣ Ляхова качнулась въ сторону; Андрей Ивановичъ видѣлъ еще, какъ Ляховъ бѣшено ринулся на Картавцова и сцѣпился съ нимъ, какъ со всѣхъ сторонъ товарищи-подмастерья бросились на Ля-

Digitized by Google

хова... Когда Андрей Ивановичъ пришелъ въ себя, Ляхова въ мастерской ужъ не было; Генрихсенъ и мастеръ брызгали ему въ лицо холодною водою, хозяинъ взволнованно расхаживалъ по узкому проходу между верстаками и прессами.

Андрей Ивановичъ сидѣлъ на табуреткѣ, прижавшись головою къ рукаву поддерживавшаго его Ермолаева, и рыдалъ, какъ женщина.

— Хамъ эдакій, негодяй! — повторялъ Ермолаевъ, задыхаясь отъ негодованія. Картавцовъ, съ блестящими глазами, съ широкой ссадиной на лѣвой скулѣ, стоялъ, тяжело переводя дыханіе.

— Сейчасъ же на расчетъ ему!—сказалъ хозяинъ.—И десять рублей штрафу за буйство!.. Подавайте, Колосовъ, къ мировому,—я самъ буду свидѣтелемъ... Эдакій скотъ! Чортъ знаетъ, что такое!.. За что это онъ васъ?

Андрей Ивановичъ, не отвѣчая, рыдалъ. Товарищи участливо окружили его и наперерывъ старались ему услужить; мальчики и чернорабочіе съ любопытствомъ толпились вокругъ, въ дверь заглядывали сбѣжавшія сверху фальцовщицы.

— Вотъ что, Колосовъ,—поѣзжайте лучше домой, успокойтесь,—сказалъ хозяинъ.—Стоитъ обижаться на этого пьянаго звѣря! Даю вамъ слово, что завтра же его не будетъ у меня въ мастерской.

Ермолаевъ отвезъ Андрея Ивановича домой на извозчикѣ.

Digitized by Google

X.

Андрей Ивановичъ пролежалъ больной около недѣли. Ему заложило грудь, въ лѣвомъ боку появились боли; при кашлѣ иногда стала выдѣляться кровь. То острое душевное потрясеніе, которое въ немъ вызвала дикая выходка Ляхова, не проходило; день шелъ за днемъ, а Андрей Ивановичъ все не могъ освоиться съ тѣмъ, что произошло: его, Андрея Ивановича, при всей мастерской отхлестали по щекамъ, какъ мальчишку,—и кто совершилъ это? Его давнишній другъ, товарищъ, который при томъ зналъ, что Андрей Ивановичъ боленъ и не въ силахъ защититься!.. Вспоминая объ этомъ, Андрей Ивановичъ былъ готовъ биться головою о стѣну отъ ярости и негодованія на Ляхова.

Но рядомъ съ этимъ ему довелось пережить теперь не мало и очень сладкихъ минутъ. Случай съ Андреемъ Ивановичемъ вызвалъ въ мастерской всеобщее горячее участіе къ нему; хозяинъ прислалъ ему на лѣченіе изъ больничной кассы двадцать пять рублей, товарищи всѣ поголовно перебывали у Андрея Ивановича, приносили ему коньяку, апельсиновъ, ругали Ляхова и желали Андрею Ивановичу поскорѣй поправиться. Андрея Ивановича,—отзывчиваго, дѣйствительно готоваго для товарищества на все, — невыразимо трогало малѣйшее проявленіе товарищескаго чувства къ нему самому; въ простомъ словѣ участія къ его горю онъ

Digitized by Google

былъ готовъ видѣть торжество какого-то великаго, широкаго братства; по уходѣ гостя онъ долго лежалъ задумавшись, съ застывшею на лицѣ свѣтлою улыбкою, счастливый и гордый. О Картавцовѣ Андрей Ивановичъ вспоминалъ теперь не иначе, какъ съ умиленіемъ: этотъ Картавцовъ, котораго онъ всегда такъ безпощадно и жестоко преслѣдовалъ,— забывъ всѣ обиды, первый бросился къ нему на выручку...

Черезъ недѣлю Андрей Ивановичъ вышелъ на работу. Онъ вошелъ въ мастерскую, стараясь ни на кого не смотрѣть, стыдясь того оскорбленія, которое онъ получилъ. Начатыя имъ псалтыри,— заказъ не спѣшный,—лежали въ его верстакѣ нетронутыми; Андрей Ивановичъ началъ вставлять книги въ тиски.

— Здравствуй, Колосовъ!—раздался за его спиною голосъ.

Андрей Ивановичъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, и быстро обернулся. Передъ нимъ стоялъ Ляховъ и, заискивающе улыбаясь, протягивалъ ему руку. Ляховъ былъ въ своей рабочей блузѣ въ лѣвой рукѣ онъ держалъ скребокъ. Андрей Ивановичъ, блѣдный, какъ полотно, неподвижно смотрѣлъ на Ляхова: онъ былъ здѣсь, онъ попрежнему работалъ въ мастерской!.. Андрей Ивановичъ повернулся кънему спиною и медленно пошелъ въ контору.

Хозяинъ былъ въ конторѣ. Увидавъ Андрея Ивановича, онъ смутился.

— А-а, Колосовъ, здравствуйте!—ласково произнесъ онъ. — Ну, какъ вы себя теперь чувствуете?

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ стоялъ, тяжело дыша и молча глядя на хозяина.

— Ляховъ остается у васъ?—съ трудомъ проговорилъ онъ,

— Нѣтъ!— рѣшительно отвѣтилъ Семидаловъ.— Я ему сказалъ, что оставлю его лишь въ томъ случаѣ, если вы его простите. Откровенно говоря, лишиться мнѣ его теперь очень невыгодно: вы знаете, какой онъ хорошій золотообрѣзчикъ, а Пасха на носу, заказовъ много... Но во всякомъ случаѣ все дѣло совершенно зависитъ отъ васъ.

— *Я его не прощаю*!—раздѣльно произнесъ Андрей Ивановичъ.

Семидаловъ недовольно пожалъ плечами.

— Ваше дѣло!—холодно сказалъ онъ.—Правду говоря, мнѣ немного странно, что вы относитесь такъ къ вашему старинному товарищу; вы должны бы знать, что у него, дѣйствительно, были большія непріятности; невѣста его бросила, онъ все время пьяный валяется по угламъ,—со стороны смотрѣть жалко; притомъ онъ самъ себѣ теперь не можетъ простить, что такъ оскорбилъ васъ. Все это не мѣшало бы принять въ разсчетъ.

— Вамъ тоже не мѣшало бы принять въ разсчетъ, что онъ завтра же можетъ опять избить меня въ вашей мастерской; а я, Викторъ Николаевичъ, человѣкъ больной.

— Ну, знаете, если объ этомъ говорить, то вѣдь, въ концѣ концовъ, онъ можетъ васъ избить и на улицѣ, и у васъ на квартирѣ,—возразилъ Семидаловъ, стараясь не встрѣтиться съ упор-

Digitized by Google

нымъ, пристальнымъ взглядомъ Андрея Ивановича.

— На улицѣ противъ этого есть полиція, въ квартирѣ это будетъ мое дѣло... Ну, да все равно! Позвольте мнѣ на расчетъ!—сорвавшимся голосомъ произнесъ Андрей Ивановичъ.

— Что вы, что вы, Колосовъ? Полноте!—всполошился Семидаловъ.—Я отъ своего слова никогда не отказываюсь. Я вамъ далъ его, и сдержу. Если вы мнѣ заявите, что не хотите работать съ Ляховымъ... А-а, Вильгельмъ Адольфовичъ!—прервалъ онъ себя, вставая и любезно улыбаясь.

Въ контору вошелъ издатель дѣтскихъ книгъ Лобшицъ, постоянный заказчикъ заведенія.

— Вы, Колосовъ, зайдите ко мнѣ въ контору послѣ обѣда, — скороговоркой сказалъ Семидаловъ.—Мы съ вами еще потолкуемъ, какъ слѣдуетъ.

Подмастерья и фальцовщицы расходились обѣдать. Андрей Ивановичъ спустился по лѣстницѣ на улицу и пошелъ, самъ не сознавая, куда. Онъ прошелъ Гребецкую, повернулъ на лѣво и вышелъ къ Ждановкѣ. Былъ яркій солнечный день, въ воздухѣ чуялась весна; за рѣчкой, въ деревьяхъ Петровскаго парка, кричали галки, рыхлый снѣгъ былъ усыпанъ сучками; съ крышъ капало.

Андрей Ивановичъ, присѣвъ на низкія деревянныя перила набережной, неподвижно смотрѣлъ вдаль... Ляхова хозяинъ не прогонитъ,—это Андрей Ивановичъ понялъ сразу, и его первымъ рѣшеніемъ было,—сейчасъ же уйти самому; теперь новая, мучительная мысль пришла ему въ голову:

Digitized by Google

да вѣдь его уходъ *для хозяина вовсе не страшенъ*, напротивъ, хозяинъ будетъ очень радъ избавиться отъ него!.. Андрей Ивановичъ вспомнилъ, какъ недовольно морщился Семидаловъ, когда онъ просилъ у него впередъ денегъ или пропускалъ по болѣзни нѣсколько дней; еще двѣ недѣли назадъ, когда Андрей Ивановичъ попросился у него уволиться на полдня, чтобъ сходить къ доктору, хозяинъ съ пренебрежительною усмѣшкою отвѣтилъ: „можете хоть совсѣмъ уволиться!..“ Очень онъ накажетъ Семидалова своимъ уходомъ! Его и такъ держатъ изъ милости... Гдѣ жъ ему тягаться съ Ляховымъ, у котораго дѣло такъ и кипитъ въ рукахъ?

И главное,—Андрей Ивановичъ видѣлъ, что ему некуда уйти отъ Семидалова. Кто возьметъ его такого,—больного и слабаго? Придется умереть съ голоду. Само по себѣ это бы еще не испугало Андрея Ивановича. Но какъ только онъ представилъ себѣ, въ какомъ онъ тогда положеніи окажется дома, Андрей Ивановичъ почувствовалъ, что уйти ему отъ Семидалова невозможно: безъ работы, даже безъ надежды получить ее, какъ сможетъ онъ укрощать Александру Михайловну? Тогда придется работать *ей*, а онъ... онъ будетъ жить на ея содержаніи? Нѣтъ, лучше что угодно, только не это!

Къ тремъ часамъ Андрей Ивановичъ воротился въ мастерскую. Хозяинъ, видимо, поджидалъ его и сейчасъ же велѣлъ позвать къ себѣ. Андрей Ивановичъ, съ накипавшими рыданіями обиды и злобы, вошелъ въ контору.

Digitized by Google

— Ну, Колосовъ, рѣшайте, оставаться у меня Ляхову или нѣтъ,—торжественно произнесъ Семидаловъ.—Я сейчасъ узналъ отъ него, что онъ помирился съ своею невѣстою и послѣ Пасхи женится на ней. Неужели даже ради этой радости вы не согласитесь его простить?

Дверь открылась и вошелъ Ляховъ. Опустивъ глаза, онъ медленно сдѣлалъ два шага къ Андрею Ивановичу и остановился.

— Можете ли вы меня, Колосовъ, простить?—смиренно спросилъ онъ.

Андрей Ивановичъ, тяжело дыша, оглядывалъ Ляхова.

— Могу ли я... простить?—растерянно сказалъ онъ.

Ляховъ стоялъ, смиренно опустивъ голову. Но Андрей Ивановичъ видѣлъ, какъ насмѣшливо дрогнули его брови,—видѣлъ, что Ляховъ въ душѣ хохочетъ надъ нимъ и прекрасно сознаетъ свою полнѣйшую безопасность. Судорога сдавила Андрею Ивановичу горло; онъ нѣсколько разъ пытался заговорить, но не могъ.

— Помнишь, Вася, — наконецъ сказалъ онъ,— помнишь, восемь лѣтъ назадъ мы съ тобою однажды поссорились? Послѣ этого мы обѣщались, что всегда будемъ уступать тому, кто изъ насъ пьянѣе... и никогда не тронемъ другъ друга пальцемъ. Я это обѣщаніе... сдержалъ...

Андрей Ивановичъ замолчалъ и отвернулся, судорожно всхлипывая.

— Какое звѣрство!—продолжалъ онъ, весь дрожа отъ рыданій.—Ты, сильный, крѣпкій, — ты рѣ-

Digitized by Google

шился бить своего больного товарища... За что?.

Ляховъ быстро заморгалъ глазами и потянулъ въ себя носомъ.

— Ну, Андрей... прости!—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, и губы его жалко задрожали.

Андрей Ивановичъ услышалъ, какъ дрогнулъ голосъ Ляхова, и что-то горячее и счастливое подступило у него къ сердцу; но вдругъ онъ вспомнилъ, что вѣдь онъ *долженъ* простить Ляхова, что ему другого выбора нѣтъ... Андрей Ивановичъ стиснулъ зубы и замолчалъ.

— Ну, что же, Колосовъ, прощаете вы своего товарища?—спросилъ Семидаловъ.—Онъ васъ жестоко обидѣлъ, но вы видите, какъ онъ раскаивается... Миритесь, миритесь, господа!—съ улыбкою сказалъ онъ, подходя къ нимъ. — Ну, пожмите другъ другу руки въ знакъ примиренія!

Онъ соединилъ руки Андрея Ивановича и Ляхова; они обмѣнялись рукопожатіями.

— Ну, вотъ и прекрасно!—весело воскликнулъ хозяинъ. — За тѣ дни, которые вы пролежали по винѣ Ляхова, вы получите плату изъ его заработка... Желаю вамъ всегда жить въ дружбѣ. Вотъ Ляховъ скоро женится на своей Катѣ,—вы у него будете на свадьбѣ шаферомъ.

— Женатые шаферами не бываютъ!—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ, съ ненавистью оглядѣвъ Семидалова, и вышелъ изъ конторы.

Digitized by Google

XI.

Для Андрея Ивановича начались ужасные дни. „Ты—нищій, тебя держатъ изъ милости, и ты долженъ все терпѣть“,—эта мысль грызла его днемъ и ночью. Его могутъ бить, могутъ обижать, — Семидаловъ за него не заступится; спасибо ужъ и на томъ, что позволяютъ оставаться въ мастерской; Семидаловъ понимаетъ такъ-же хорошо, какъ и онъ самъ, что уйти ему некуда.

И Андрей Ивановичъ продолжалъ ходить въ мастерскую, гдѣ бокъ-о-бокъ съ нимъ работалъ его ненаказанный обидчикъ. Все тамъ шло совсѣмъ по обычному; товарищи попрежнему здоровались, разговаривали и пили съ Ляховымъ, и никто изъ нихъ даже не вспоминалъ о той страшной обидѣ, которую ни за что, ни про что нанесъ Ляховъ ихъ больному товарищу. Андрей Ивановичъ сталъ молчаливъ и сосредоточенъ; за весь день работы онъ иногда не перекидывался ни съ кѣмъ ни словомъ. Ляховъ пытался съ нимъ заговаривать, всячески ухаживалъ за нимъ, но Андрей Ивановичъ не удостоивалъ его даже взгляда. Онъ могъ бы простить Ляхова, — о, онъ простилъ бы его съ радостью, горячо и искренно,—но только въ томъ случаѣ, если бы это было результатомъ его свободнаго выбора; теперь же самое желаніе Ляхова получить прощеніе смахивало на милостыню, которую онъ по доброй волѣ давалъ обиженному Андрею Ивановичу; а для Андрея Ива-

Digitized by Google

новича ничего не могло быть ужаснѣе милостыни.

Здоровье его послѣ побоевъ Ляхова не поправлялось. Съ каждымъ днемъ ему становилось хуже; по ночамъ Андрей Ивановичъ лихорадилъ и потѣлъ какимъ-то холоднымъ, липкимъ потомъ; онъ съ тоскою ложился спать, потому что въ постели онъ кашлялъ, не переставая, всю ночь,—до рвоты, до крови; сна совсѣмъ не было. Во время работы у него стали появляться мучительныя боли въ груди и лѣвомъ боку; проработавъ съ часъ, Андрей Ивановичъ выходилъ въ коридоръ, ложился на полъ, подложивъ подъ себя папку, и лежалъ десять-пятнадцать минутъ; отдышавшись, онъ снова шелъ къ своему верстаку. И часто онъ съ отчаяніемъ думалъ о томъ, что его „хроническое воспаленіе легкихъ“, повидимому, переходитъ въ чахотку.

Вырабатывалъ теперь Андрей Ивановичъ страшно мало; даже не пропустивъ за недѣлю ни одного дня,—что бывало очень рѣдко, — онъ приносилъ въ субботу домой не болѣе четырехъ-пяти рублей; настоящая нужда была теперь дома, и Александрѣ Михайловнѣ не нужно было притворяться, что нельзя достать въ долгъ, — въ долгъ имъ ,дѣйствительно, перестали вѣрить; послѣ празднованія именинъ Андрея Ивановича, послѣдній кредитъ Колосовыхъ былъ подорванъ. Платить за комнату десять рублей имъ было теперь не по средствамъ; они наняли за пять рублей на концѣ Малой Разночинной крошечную комнату въ подвальномъ этажѣ; въ двухъ большихъ комнатахъ того же подвала жило пятнадцать ломовыхъ из-

Digitized by Google

возчиковъ. Комната Колосовыхъ была отдѣлена тонкою перегородкою отъ кухни; днемъ, когда въ кухнѣ стряпали, въ комнатѣ было жарко и чадно, къ вечеру становилось холодно; воздухъ былъ какой-то промозглый, сырой, въ углахъ стояла плѣсень, капитальная стѣна была склизка и холодна на ощупь. Зина худѣла и жаловалась на ломоту въ ногахъ, Андрей Ивановичъ сталъ кашлять еще больше. И все-таки онъ не позволялъ Александрѣ Михайловнѣ искать работы.

Жизнь Александры Михайловны и Зины обратилась въ безпросвѣтный адъ; ни одинъ ихъ жестъ, ни одно слово не избѣгало злобнаго и подозрительнаго вниманія Андрея Ивановича; онѣ не знали, какъ стать, какъ сѣсть, чтобы не разсердить его. Однажды Андрей Ивановичъ услышалъ, что Зина поетъ „Маргариту“; онъ пришелъ въ ярость, — какъ смѣетъ она знать такія неприличныя пѣсни; и онъ сталъ сѣчь ее, и сѣкъ долго, безпощадно, упиваясь своимъ бѣшенствомъ и рыданіями Александры Михайловны. Сама Александра Михайловна постоянно была въ синякахъ, Андрей Ивановичъ билъ ее всѣмъ, что попадало подъ руку; въ самомъ ея невинномъ замѣчаніи онъ видѣлъ замаскированный упрекъ себѣ въ томъ, что онъ не можетъ ихъ содержать. Мысль объ этомъ послѣднемъ заставляла Андрея Ивановича страдать безмѣрно; но у него еще была одна надежда, и онъ держался за нее, какъ утопающій за обломокъ доски.

У Александры Михайловны былъ троюродный братъ по матери, очень богатый водочный завод-

Digitized by Google

чикъ Тагеръ; онъ зналъ ее ребенкомъ. Года три назадъ Александра Михайловна рѣшилась сдѣлать ему родственный визитъ и напомнить о себѣ. Тагеръ призналъ ее и принялъ очень ласково, разспрашивалъ о мужѣ, о семьѣ, и на прощаніе просилъ ее въ случаѣ какой-либо нужды обращаться къ нему. Годъ назадъ Андрей Ивановичъ началъ кашлять, докторъ совѣтовалъ ему перемѣнить занятіе. Андрей Ивановичъ вспомнилъ о Тагерѣ и черезъ Александру Михайловну попросилъ у него мѣста. Тагеръ далъ Александрѣ Михайловнѣ карточку къ своему пріятелю, владѣльцу многочисленныхъ винныхъ складовъ въ Петербургѣ. Тотъ предложилъ Андрею Ивановичу мѣсто въ пятьдесятъ рублей, но въ разговорѣ назвалъ его „ты“. Андрей Ивановичъ вспыхнулъ.

— Вы, кажется, на видъ какъ будто благородный человѣкъ, черный сюртукъ носите, — сказалъ онъ.—Къ чему же эта сѣрая мужицкая повадка— „ты“ людямъ говорить? Вы не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ.

Разумѣется, дѣло разстроилось. Теперь Андрей Ивановичъ снова послалъ Александру Михайловну къ Тагеру. На этотъ разъ Тагеръ встрѣтилъ ее очень холодно и объявилъ, что, къ сожалѣнію, *„соотвѣтственнаго“* мѣста не имѣетъ для ея мужа. Черезъ недѣлю Андрей Ивановичъ послалъ Александру Михайловну снова. Тагеръ принялъ ее въ передней, не протягивая руки, и сказалъ, что будетъ имѣть ея мужа въ виду и, если, что навернется подходящее, извѣститъ ее. Александра Михайловна разсказала Андрею Ивановичу, какъ

Digitized by Google

ее принялъ Тагеръ. Андрей Ивановичъ выслушалъ ее, закусивъ губы отъ негодованія и ненависти... и черезъ три дня снова послалъ ее къ Тагеру.

— Андрюша, да пойми же, ну, какъ же я пойду? — со слезами стала возражать Александра Михайловна.—Онъ даже разговаривать со мною не хочетъ!

— Должна же ты для мужа хоть немножко постараться, — сердито сказалъ Андрей Ивановичъ.—Попроси его хорошенько.

— Такъ ты бы самъ лучше пошелъ.

— Чего я самъ пойду? Это твое дѣло. Онъ родственникъ тебѣ, а не мнѣ.

Онъ заставилъ-таки ее пойти. У Тагера горничная впустила Александру Михайловну въ переднюю, пошла съ докладомъ и, воротившись, объявила, что барина нѣтъ дома.

Андрей Ивановичъ, въ ожиданіи Александры Михайловны, угрюмо лежалъ на кровати; онъ ужъ и самъ теперь мало надѣялся на успѣхъ. Былъ хмурый мартовскій день, въ комнатѣ стоялъ полумракъ; по низкому небу непрерывно двигались мутныя тѣни, и трудно было опредѣлить, тучи ли это или дымъ; сырой, тяжелый туманъ, казалось ползъ въ комнату сквозь запертое наглухо окно, сквозь стѣны, отовсюду; онъ давилъ грудь и мѣшалъ дышать; было тоскливо. Зина безшумно сидѣла въ углу и, тихо шепча про себя, окутывала въ ситцевые лоскутки сшитую изъ тряпокъ куклу. Въ присутствіи Андрея Ивановича Зина привыкла совершенно уходить въ себя и

Digitized by Google

жить своею особою, глубоко скрытою отъ посторонних жизнью.

Андрей Ивановичъ отвернулся къ стѣнѣ и попробовалъ заснуть. Но сонъ не приходилъ; и при закрытыхъ глазахъ окружавшій сумракъ давилъ Андрея Ивановича, наполняя душу тоскою и раздраженіемъ. Онъ лежалъ неподвижно пять минутъ, десять. Вдругъ гдѣ-то очень далеко раздался звонкій, смѣющійся голосъ Зины, весело кричавшей: „караулъ!“.

Гдѣ это она кричитъ?.. Андрей Ивановичъ продолжалъ неподвижно лежать, стараясь заснуть; но этотъ голосъ, такъ неподходяще-весело звучавшій среди окружавшей тоски и тьмы, раздражалъ Андрея Ивановича; ему казалось, что онъ именно изъ-за него не можетъ заснуть.

— Караулъ! Караулъ! — задорно и весело неслись издалека крики, какъ будто отражаемые гдѣ-то какими-то сводами.

Андрей Ивановичъ порывисто всталъ, сунулъ босыя ноги въ калоши, накинулъ пальто и пошелъ на голосъ. Зина и кухаркина дочь Полька сидѣли въ сѣняхъ, запрятавшись между оконными рамами, и, держа передъ ртомъ ладони, кричали „караулъ!“ Каменные своды подвала гулко отражали крики.

— Что это ты тутъ дѣлаешь? Вылѣзай-ка!— отрывисто сказалъ Андрей Ивановичъ.

Зина, испачканная пылью и паутиной, торопливо вылѣзла изъ-за рамъ и молча остановилась передъ отцомъ.

— Почему ты кричала „караулъ“?.

Digitized by Google

— Я нарочно! — отвѣтила Зина побѣлѣвшими губами.

— Какъ это такъ—нарочно?—спросилъ Андрей Ивановичъ, широко раскрывъ глаза. — Ты не знаешь, когда люди кричатъ „караулъ“?.

Онъ притащилъ Зину въ комнату и жестоко оттрепалъ.

— Сидѣть на стулѣ и молчать!! — яростно крикнулъ онъ.—Чтобъ я твоего голоса больше не слышалъ!

Зина, сдерживая всхлипыванія, взобралась на стулъ и замерла. Гнѣвъ нѣсколько облегчилъ Андрея Ивановича; онъ снова легъ на кровать, принялъ морфія и задремалъ.

Андрей Ивановичъ спалъ около часу. Проснувшись, онъ вдругъ почувствовалъ, что у него на душѣ стало хорошо и весело; и все кругомъ выглядѣло почему-то веселѣе и привлекательнѣе; Андрей Ивановичъ не сразу сообразилъ, отчего это.

— Солнышко, солнышко! — радостно кричала Зина въ кухнѣ.

За время сна Андрея Ивановича небо очистилось, и яркіе лучи солнца лились въ окна; канфорка самовара и мѣдная ручка печной дверцы играли жаромъ, кусокъ занавѣси у постели просвѣчивалъ своими алыми розами, въ столбѣ свѣта носились золотыя пылинки; чахлые листья герани на окнѣ словно налились ярко-зеленымъ свѣтомъ.

Зина, въ своихъ расползшихся башмаченкахъ, стояла въ кухнѣ передъ окномъ и заливалась смѣхомъ.

Digitized by Google

— Ахъ, какъ жить на свѣтѣ хорошо, когда солнышко свѣтитъ! — повторяла она, жмурясь и хлопая въ ладоши.

Андрей Ивановичъ, облокотившись о подушку, смотрѣлъ на Зину черезъ открытую дверь; онъ смотрѣлъ на ея обтрепанное платье и распадавшіеся башмаки, на ея блѣдное, прозрачно-восковое лицо; и онъ думалъ о томъ, что у нея тоже есть своя маленькая самостоятельная жизнь, свои радости и горести, независимыя отъ его горя, и что ему совершенно чужды эти ея радости и горести.

Александра Михайловна воротилась отъ Тагера.

— Ну, что?—разсѣянно спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Не принялъ меня.

Андрей Ивановичъ помолчалъ.

— Чортъ съ нимъ! Отъѣлся, брюхо отпустилъ себѣ, — гдѣ жъ тутъ еще о людяхъ думать!.. Знаешь, Шурочка, — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія, — пока что... Мѣсто подходящее не сразу найдешь... Придется и тебѣ тоже работы какой поискать себѣ.

— Да какъ же иначе? Господи! — просіяла Александра Михайловна.—О чемъ же я все время говорила тебѣ! Развѣ такъ можно жить? Все равно, что нищіе стали. Гдѣ жъ тебѣ теперь одному управиться!

— Ахъ, оставь, пожалуйста! — раздраженно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ. — Я превосходно могу управиться! Дай, подлѣчусь, либо подходя-

Digitized by Google

щее мѣсто получу, — тогда твоя помощь будетъ совершенно излишня. А что, дѣйствительно, сейчасъ я мало зарабатываю... Вонъ у Зины башмаковъ нѣту, даже на дворъ выйти не можетъ,— ты бы вотъ на башмаки ей и заработала. Нужно и тебѣ немножко потрудиться, не все же на готовый счетъ жить.

Они долго обсуждали, чѣмъ заняться Александрѣ Михайловнѣ. Выборъ былъ небогатый,—Александра Михайловна толкомъ ничего не умѣла дѣлать; на языкѣ ея нѣсколько разъ вертѣлся упрекъ, что вотъ теперь бы и пригодилось, если бы Андрей Ивановичъ во-время позволилъ ей учиться; но высказать этотъ упрекъ она не осмѣлилась. Рѣшили, что Александра Михайловна поступитъ пачечницей на ту же табачную фабрику гдѣ работала Елизавета Алексѣевна.

XII.

Въ мастерской жизнь шла обычнымъ ходомъ. Ляховъ былъ по-всегдашнему неизмѣнно-веселъ; и хозяинъ, и товарищи относились къ нему хорошо; никто не поминалъ объ его безобразномъ поступкѣ съ Андреемъ Ивановичемъ, мало кто даже помнилъ объ этомъ. Но чѣмъ больше забывали о происшедшемъ другіе, тѣмъ крѣпче помнилъ Андрей Ивановичъ.

Склонившись надъ верстакомъ, онъ угрюмо слушалъ болтовню и шутки товарищей съ Ляховымъ. Прошло всего три недѣли, какъ въ этой

Digitized by Google

самой мастерской Ляховъ звѣрски избилъ его,—и они ужъ забыли, какъ сами возмущались этимъ, забыли все... *Самихъ* ихъ никто вѣдь не дастъ въ обиду, потому что они хорошіе работники, а требовать, чтобъ была обезпечена безопасность Андрея Ивановича, — съ какой стати? За это, пожалуй, можно еще поплатиться! Пускай Андрей Ивановичъ оскорбленъ и поруганъ, пусть хозяинъ смотритъ на это совершенно равнодушно, пусть ихъ больной товарищъ живетъ въ нищетѣ, на содержаніи жены,—ихъ хата съ краю, они ничего не знаютъ.

Теперь Андрей Ивановичъ съ презрѣніемъ и насмѣшкою вспоминалъ о томъ свѣтломъ чувствѣ, какое въ немъ раньше возбуждала мысль о товариществѣ. Онъ смотрѣлъ въ окно, какъ по туманному небу тянулся дымъ изъ фабричныхъ трубъ, и думалъ: вездѣ кругомъ—заводы, фабрики, мастерскія безъ числа, въ нихъ работаютъ десятки тысячъ людей; и всѣ эти люди живутъ лишь одною мыслью, одною цѣлью, — побольше заработать *себѣ*, и нѣтъ имъ заботы до всѣхъ, кто кругомъ; робкіе и алчные, неспособные ни на какое смѣлое дѣло, они вотъ такъ же, какъ сейчасъ вокругъ него, будутъ шутить и смѣяться, не желая замѣчать творящихся вокругъ обидъ и несправедливостей. И всегда такъ будетъ.

И ему вдругъ пришла въ голову мысль: онъ, Андрей Ивановичъ, болѣетъ, товарищи видятъ, какъ онъ мало зарабатываетъ, и однако ни разу не сдѣлали ему подписки. Эти жалкіе люди даже на такую мелочь неспособны по собственному по-

Digitized by Google

бужденію. Андрей Ивановичъ хорошо зналъ, какъ обыкновенно производятся подобныя подписки: когда онъ, бывало, подходилъ къ кому-нибудь съ подписнымъ листомъ, на которомъ самъ онъ первый вписывалъ рубль, то лишь двое-трое подписывались охотно, остальные же мялись и подписывались только подъ вліяніемъ упрековъ и насмѣшекъ Андрея Ивановича. А теперь всѣ они очень рады, что некому ихъ заставить. Не пойдетъ же Андрей Ивановичъ съ подписнымъ листомъ для себя!.. И онъ съ ненавистью слушалъ басистый, глупый хохотъ Ермолаева на шутку Ляхова и вспоминалъ, что этому самому Ермолаеву, когда онъ въ прошломъ году лежалъ въ больницѣ съ воспаленіемъ легкихъ, онъ, Андрей Ивановичъ, собралъ по подпискѣ восемнадцать рублей.

Это разочарованіе въ товарищахъ вообще мучило Андрея Ивановича еще больше, чѣмъ безсильная ненависть къ Ляхову, счастливому, здоровому и сильному. Да и въ Ляховѣ онъ ненавидѣлъ теперь не его самого: въ немъ для Андрея Ивановича сосредоточилось все товарищество, въ которое Андрей Ивановичъ вѣрилъ и которому былъ готовъ служить, и которое такъ жестоко обмануло его.

Ляховъ продолжалъ усиленно ухаживать за Андреемъ Ивановичемъ; но Андрей Ивановичъ упорно и рѣзко отталкивалъ всѣ его подходы. Ляховъ попробовалъ дѣйствовать черезъ Катерину Андреевну; она пришла въ воскресенье къ Колосовымъ, сіяющая, счастливая, и пригласила ихъ

Digitized by Google

на свое обрученіе, которое должно было состояться черезъ недѣлю.

— Такъ вы таки выходите за Ляхова? — спросила Александра Михайловна.

— Да.

— А какъ же тотъ, черненькій? — вполголоса освѣдомилась Александра Михайловна.

Катерина Андреевна наморщилась и повела плечами.

— Ну, его,— скучный онъ! Вася лучше... Такъ вы ужъ, Андрей Ивановичъ, не откажите намъ, приходите въ воскресенье. Вася васъ такъ проситъ!

— Пускай ждетъ! Только, право, не знаю, дождется ли!—съ сумрачною усмѣшкою отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

Катерина Андреевна помолчала.

— Простили бы вы его, Андрей Ивановичъ!— сказала она.—Ну, что сердиться! Можно ли съ пьянаго человѣка взыскивать? Онъ такъ жалѣетъ, что оскорбилъ васъ! Все, говоритъ, готовъ сдѣлать, чтобъ опять получить дружбу Андрея Ивановича. Право, помирились бы!

— Я не женщина, Катерина Андреевна!—сурово отвѣтилъ Андрей Ивановичъ. — Васъ вотъ можно, какъ угодно, оскорбить, а потомъ приласкай васъ,—вы и забудете все. А я не могу простить, когда попираютъ мои права, потому что я не рабъ, не невольникъ! Онъ этого никогда не дождется, такъ и передайте ему, негодяю!

Въ слѣдующую субботу, послѣ получки, Андрей Ивановичъ зашелъ въ „Сербію“ выпить рюмку коньяку. Въ отрепанномъ пальто, исхудалый, съ

Digitized by Google

частымъ, хрипящимъ дыханіемъ, онъ медленно подошелъ къ буфету, не глядя по сторонамъ. Какъ разъ возлѣ буфета сидѣли за столикомъ Ляховъ, Генрихсенъ, Ермолаевъ и еще трое подмастерьевъ.

— Андрей Ивановичъ, садись къ намъ!—сказалъ Генрихсенъ.—Что такъ одному-то пить?

— Мнѣ къ спѣху!—угрюмо буркнулъ Андрей Ивановичъ.

— Гордъ сталъ Колосовъ! — замѣтилъ Ермолаевъ.—Гнушается своими товарищами.

Андрей Ивановичъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Гордъ? О, нѣтъ, ты ошибаешься, я вовсе не гордъ...

Ляховъ вдругъ быстро всталъ и подошелъ къ нему.

— Андрей! Ну, будетъ!.. Ради Бога!—умоляюще произнесъ онъ, протягивая объятья.—Ну, прости меня! Вотъ я передъ всѣми товарищами прошу тебя: прости!

— Тебѣ и безъ моего прощенія хорошо живется,—съ ненавистью отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Ну, ради Бога! Андрюша!—повторялъ Ляховъ.—Тебѣ моя палка нравилась,—позволь мнѣ ее подарить тебѣ въ знакъ примиренія! Изъ чернаго дерева палка, семь рублей заплочена... На! Прошу тебя, прими!

Андрей Ивановичъ хотѣлъ повернуться и уйти, но вдругъ остановился.

— Хорошо, я принимаю!—неожиданно сказалъ

Digitized by Google

онъ, беря палку.—Но помни, Васька,—медленно проговорилъ онъ, задыхаясь и стуча концомъ палки по столу,—помни: когда я напьюсь такъ же, какъ ты въ тотъ день,—*я всю эту палку обломаю о твою голову*!

Въ голосѣ и въ лицѣ Андрея Ивановича было что-то до того страшное, что Ляховъ поблѣднѣлъ; въ его выпуклыхъ глазахъ мелькнулъ испугъ. Андрей Ивановичъ отвернулся и, тяжело опираясь на палку, вышелъ изъ трактира.

На темной улицѣ было пустынно. Чуть таяло, въ мутномъ, мглистомъ воздухѣ стояла удивительная тишина; только за угломъ раздавался шумъ скребки дворника, расчищавшаго панель, и гдѣ-то далеко звенѣла конка. Андрей Ивановичъ шелъ, задумчиво глядя подъ ноги. Онъ хорошо замѣтилъ, какъ испугался Ляховъ его угрозы, и ему было странно, какъ это ему до сихъ поръ не пришла въ голову мысль о такомъ исходѣ. Конечно, онъ такъ и поступитъ; напьется, придетъ въ мастерскую и на глазахъ у всѣхъ изобьетъ Ляхова до полусмерти; когда же хозяинъ вознегодуетъ, то Андрей Ивановичъ удивленно отвѣтитъ ему: „вѣдь у васъ въ мастерской драться позволяется!“

Съ этой поры мысль о предстоящей отплатѣ заполнила все существо Андрея Ивановича; онъ съ наслажденіемъ сталъ лелѣять и обдумывать эту мысль, радуясь и недоумѣвая, какъ это онъ не пришелъ къ ней раньше.

Digitized by Google

Александра Михайловна, получивъ отъ Андрея Ивановича разрѣшеніе работать, ревностно взялась за новое, непривычное для нея дѣло. По природѣ она была довольно лѣнива; но въ домѣ была теперь такая нужда, что Александра Михайловна для лишней копѣйки согласилась бы на какую угодно работу.

Попасть на фабрику ей не удалось, и она брала работу изъ фабрики на домъ. Въ этомъ было много неудобнаго: пачечницы, работавшія въ самой фабрикѣ, могли все время отдавать работѣ,—между тѣмъ у Александры Михайловны много времени шло совершенно даромъ на ходьбу за матеріаломъ, носку и выгрузку товара и т. п. Кромѣ того, приходилось тратиться на освѣщеніе. Но самое невыгодное было то, что, несмотря на все это, работавшія на дому получали *меньше*, чѣмъ работавшія на фабрикѣ: вторымъ платили за тысячу пачекъ двадцать копѣекъ, первымъ же только восемнадцать. Причина этого была непонятна, но такъ дѣлалось во всѣхъ фабрикахъ. Притомъ, домашнимъ пачечницамъ выдавался и клей низшаго качества, и бланки, которые хуже клеились. Вообще къ нимъ относились въ фабричной конторѣ такъ, какъ будто онѣ были нищія, приходившія за подаяніемъ.

Работая съ пяти часовъ утра до полуночи, Александра Михайловна была въ состояніи сготовить три-четыре тысячи пачекъ; но ей рѣдко представлялась возможность наработать столько; если она приносила за день три тысячи готовыхъ пачекъ, конторщикъ сердился: „что это такъ скоро?

Digitized by Google

На васъ бланковъ не напасешься! Приходи завтра послѣ обѣда!“ Иногда бланковъ не выдавали по два, по три дня. Зато, когда у набивщиковъ было мало пачекъ, конторщикъ начиналъ торопить Александру Михайловну: „ты, милая, поскорѣй работу сготовь; хоть пять тысячъ принеси, все приму; ужъ ночь не поспи, а постарайся, а то дѣло станетъ“. И Александра Михайловна не спала ночь, готовя пачки къ сроку.

Когда подсчитывали недѣльный заработокъ, то оказывалось, что Александрѣ Михайловнѣ слѣдуетъ получить два, два съ полтиной.

Андрей Ивановичъ не могъ безъ раздраженія смотрѣть на ея работу; эта суетливая, лихорадочная работа за такіе гроши возмущала его; онъ требовалъ, чтобъ Александра Михайловна бросила фабрику и искала другой работы, прямо даже запрещалъ ей работать. Происходили ссоры. Андрей Ивановичъ билъ Александру Михайловну, она плакала... Всѣ поиски за болѣе выгодной работой не вели ни къ чему. Александра Михайловна вспомнила, что Катерина Андреевна какъ-то говорила ей, что у нихъ въ картонажной мастерской зарабатываютъ полтора рубля въ день. Она тайкомъ отъ Андрея Ивановича пошла къ Катеринѣ Андреевнѣ. Услышавъ ея просьбу, Катерина Андреевна страшно смутилась и объявила, что сейчасъ всѣ мѣста у нихъ заняты. Александра Михайловна пошла къ ея подругѣ, которую раза два встрѣчала у Катерины Андреевны. Та расхохоталась и объяснила Александрѣ Михайловнѣ, что мастерицы вырабатываютъ у нихъ тѣ же пятьде-

Digitized by Google

ятъ-семьдесятъ копѣекъ, какъ и вездѣ, а что Катерина Андреевна, дѣйствительно, получаетъ полтора рубля въ день, но она эти полтора рубля получаетъ отъ хозяина не только за работу, но и... „за свою красоту“...

XIII.

Было Благовѣщеніе. Андрей Ивановичъ лежалъ на кровати, смотрѣлъ въ потолокъ и думалъ о Ляховѣ. За перегородкою пьяные ломовые извозчики ругались и пѣли пѣсни. Александра Михайловна сидѣла подъ окномъ у стола; передъ нею лежала „распущенная“ пачка коричневыхъ бланковъ, края которыхъ были смазаны клеемъ. Александра Михайловна брала четырехгранную деревяшку, быстро сгибала и оклеивала на ней бланкъ и бросала готовую пачку въ корзину; по другую сторону стола сидѣла Зина и тоже клеила пачки.

Андрей Ивановичъ весь кипѣлъ раздраженіемъ.

— Долго еще будетъ эта канитель тянуться?— сердито спросилъ онъ. — Кажется, сегодня праздникъ, можно бы и не работать!

— Какъ же быть, Андрюша?—робко возразила Александра Михайловна. — Конторщикъ велѣлъ, чтобъ непремѣнно къ завтраму было шесть тысячъ.

— „Конторщикъ велѣлъ“... Мало ли что тебѣ будетъ приказывать конторщикъ!.. Брось, пожа-

Digitized by Google

луйста, — ты ему не раба. Заснуть нельзя!.. „Велѣлъ“... А зачѣмъ же онъ цѣлыхъ три дня всего по тысячѣ давалъ тебѣ?

— Тутъ ужъ не приходится разсуждать.

Андрей Ивановичъ поднялся на постели.

— Какъ это не приходится разсуждать?—спросилъ онъ, широко раскрывъ глаза. — Ты не животное, а человѣкъ, тебѣ для того и разумъ данъ, чтобъ разсуждать. Дура!.. Брось, я тебѣ говорю!!. Слышишь ты?—грозно крикнулъ онъ.

Александра Михайловна покорно отложила работу. Теперь, когда Андрей Ивановичъ много бывалъ дома, она совершенно подчинилась ему и не смѣла слова сказать наперекоръ. Андрей Ивановичъ лежалъ, злобно нахмуривъ брови. Александра Михайловна пошла поставить самоваръ, потомъ воротилась и, молча сѣвъ къ столу, стала читать „Петербургскую Газету“.

Каждое движеніе, каждый жестъ Александры Михайловны возбуждали въ Андреѣ Ивановичѣ неистовую ненависть; онъ сдерживался, чтобъ не заорать на нее, — ему было противно, что у Александры Михайловны толстый животъ, что она сморкается громко, и что у нея на правомъ локтѣ заплата.

— Что это ты читаешь? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Вотъ тутъ напечатано: „Мнѣнія женщинъ о мужчинахъ“.

— Къ чему это тебѣ знать, скажи, пожалуйста? Для тебя такое чтеніе совсѣмъ неподходяще, ты и такъ не умна. Дай сюда газету!

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ вырвалъ изъ ея рукъ газету и сталъ читать. Черезъ десять минутъ газета опустилась къ нему на грудь; онъ задремалъ; но кашель вскорѣ разбудилъ его. Андрей Ивановичъ кашлялъ долго и никакъ не могъ откашляться; на его лбу вздулись жилы, въ комнатѣ распространился противный, кисловатый запахъ, которымъ всегда несетъ отъ чахоточныхъ.

— А что жъ, самоваръ у тебя ко второму пришествію поспѣетъ?—спросилъ Андрей Ивановичъ, переставъ наконецъ кашлять.

— Самоваръ готовъ. Я тебя только тревожить не хотѣла, что ты спалъ.

Александра Михайловна подала самоваръ. Андрей Ивановичъ, въ туфляхъ и жилеткѣ,—всклокоченный, угрюмый,—пересѣлъ къ столу.

— Сходи, купи водки пеперментовой, — отрывисто сказалъ онъ.—Выпить охота.

— Андрюша, вѣдь опять у тебя жаръ будетъ, какъ вчера, — просительно возразила Александра Михайловна.

У Андрея Ивановича загорѣлись глаза.

— Это ты мнѣ намекаешь, что я на твой счетъ пью?—спросилъ онъ, стиснувъ зубы. — Дрянь ты паршивая!—закричалъ онъ, яростно затопавъ ногами. — Никогда мнѣ водка не вредитъ, она мокроту разбиваетъ! Ты мнѣ хочешь доказать, что я отъ тебя завишу... Не надо мнѣ твоей водки убирайся къ чорту!

— Мнѣ не жалко, Андрюша, я пойду.

— Не нужно мнѣ твоей водки, понимаешь ты?..

Digitized by Google

Гадина! Ничего отъ тебя я не стану принимать, — съ голоду умру, а отъ тебя корки хлѣба не приму!

Онъ, задыхаясь, пошелъ къ кровати и легъ на нее. Александра Михайловна тихонько одѣлась, ушла и черезъ четверть часа принесла пепермен-товой водки.

Андрей Ивановичъ лежалъ на постели, глядя горящими глазами въ потолокъ.

— Готово, Андрюша! Иди!—сказала Александра Михайловна.

— Я тебѣ сказалъ, что мнѣ не нужно твоей водки!—съ ненавистью произнесъ Андрей Ивано-вичъ.—Поняла ты это или нѣтъ?

Онъ быстро всталъ съ постели, одѣлся и вы-шелъ вонъ.

У него спиралось дыханіе отъ злобы и бѣ-шенства: ему, Андрею Ивановичу, какъ нищему, приходится ждать милости отъ Александры Ми-хайловны! Захотѣлось чего, — покланяйся раньше, попроси, а она еще подумаетъ, дать ли. Какъ же, теперь *она* зарабатываетъ деньги, ей и власть, и все... До чего ему пришлось дожить! И до чего вообще онъ опустился, въ какой норѣ живетъ, какъ плохо одѣтъ, — настоящій ночлежникъ! А Ляховъ, виновникъ всего этого, счастливъ и ве-селъ, и товарищи всѣ счастливы, и никому до него нѣтъ дѣла.

Андрей Ивановичъ остановился на дамбѣ Туч-кова моста. Куда идти? Идти ему было не къ кому... Единственнымъ человѣкомъ, въ привязан-ности котораго онъ не сомнѣвался, былъ чухо-нецъ Лестманъ, но Андрей Ивановичъ не могъ

Digitized by Google

безъ раздраженія думать о немъ. Лестманъ за это время нѣсколько разъ провѣдывалъ Андрея Ивановича; придетъ, сядетъ—и молчитъ, нелѣпо вздыхая, а, уходя, предлагаетъ Андрею Ивановичу взаймы денегъ. Болванъ! Очень ему нужны его деньги!.. Вечерѣло; алыя пятна зари на западѣ тускнѣли; по набережной въ синеватой дымкѣ засвѣтилась цѣпь огоньковъ. Андрей Ивановичъ стоялъ, закусивъ губы, и мрачно смотрѣлъ на огоньки. Вдругъ онъ вспомнилъ о Барсуковѣ; не поѣхать ли къ нему? Андрей Ивановичъ пренебрежительно усмѣхнулся, воротился къ разъѣзду и сѣлъ въ проходившую конку.

Барсуковъ со всѣми его взглядами казался теперь Андрею Ивановичу удивительно наивнымъ и неумнымъ. Ѣхалъ онъ къ нему вовсе не для того, чтобъ отвести душу,—нѣтъ, ему хотѣлось высказать Барсукову въ лицо, что онъ — ребенокъ, тѣшащійся собственными фантазіями, что жизнь жестока и безсмысленна, а люди злы и подлы, и вѣрить ни во что нельзя.

„Вы желаете знать,—съ ироническою улыбкою обращался онъ мысленно къ Барсукову, — вы желаете знать, отчего происходитъ различное электричество, и что такое чувствительная литература? Все это совершенно излишне, и никакой отъ этого не будетъ пользы“.

Поѣздъ пригородной дороги, колыхаясь, мчался по тракту. Безлюдныя по буднямъ улицы кипѣли теперь пьяною, праздничною жизнью; надъ трактомъ стоялъ гулъ отъ пѣсенъ, криковъ и ругательствъ. Здоровенный ломовой извозчикъ, пьяный,

Digitized by Google

какъ стелька. хватался руками за чугунную ограду церкви и оралъ во всю глотку: „Го-о-оо!!. Ку-ку!!. Ку-ку!!.“ Необъятный голосъ раскатывался по всему тракту и отдавался за Невою.

— Экъ его схватываетъ!—произнесъ сидѣвшій рядомъ съ Андреемъ Ивановичемъ старикъ въ мерлушковой шапкѣ.

— Ванька, зачѣмъ заборъ ломаешь? — зычно крикнулъ кто-то съ имперіала.

— Пятіалтынный пропилъ?—спросилъ другой.

— Го-го-го-гоо!!.—откликнулся ломовикъ, мощно потрясая ограду. — Ку-ку!!. Ку-ку!!.—снова понеслось надъ трактомъ.

По улицѣ, среди экипажей, шагали въ ногу трое фабричныхъ, а четвертый шелъ передъ ними задомъ, размахивалъ бутылкою и съ серьезнымъ лицомъ командовалъ: „лѣвой! лѣвой! лѣвой!..“ У трактира гудѣла и колыхалась толпа, мелькали кулаки, кто-то отчаянно кричалъ: „Городово-о-ой!.. Городово-о-ой!..“

Барсуковъ жилъ въ верхнемъ этажѣ небольшого деревяннаго дома, выходившаго окнами на переулокъ. Онъ занималъ отъ хозяйки довольно большую комнату вмѣстѣ съ товарищемъ. Андрей Ивановичъ засталъ обоихъ дома, — они сидѣли за чаемъ и читали „Сынъ Отечества“. Товарищъ Барсукова, Щепотьевъ, былъ стройный парень съ энергичнымъ, суровымъ лицомъ, съ насмѣшливой складкой въ углахъ губъ.

Барсуковъ встрѣтилъ Андрея Ивановича очень радушно. Онъ усадилъ его пить чай и съ участіемъ сталъ разспрашивать о здоровьѣ; объ его

Digitized by Google

исторіи съ Ляховымъ онъ слышалъ отъ Елизаветы Алексѣевны.

— Здоровье ничего, спасибо! — съ угрюмою усмѣшкою отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Если до лѣта доживу, такъ отслужу благодарственный молебенъ... За друзей! за товарищество! Да и за хозяина кстати... Какъ же! Вѣдь онъ мнѣ большую милость оказалъ: меня въ его мастерской избили, а онъ ничего, не разсердился на меня, позволилъ остаться...

Андрей Ивановичъ просидѣлъ у Барсукова часа два. Онъ высказалъ все, что собирался высказать. Барсуковъ сталъ ему возражать; въ споръ вскорѣ вмѣшался и Щепотьевъ. Щепотьевъ былъ умнѣе и развитѣе Барсукова, говорилъ онъ рѣзко и убѣдительно. Но Андрей Ивановичъ не сдавался; онъ мало даже слушалъ возраженія, а съ упорною, сосредоточенною злобою продолжалъ доказывать, что всѣ люди подлецы, и все ерунда.

Назадъ онъ ѣхалъ раздраженный и сердитый. Его собственные доводы убѣдили его еще сильнѣе въ правильности его теперешнихъ воззрѣній, и свѣтлый взглядъ его собесѣдниковъ на жизнь и на будущее раздражалъ его; какъ они не понимаютъ, что это ребячество, какъ могутъ они находить случай съ нимъ недоказательнымъ! О, для самого Андрея Ивановича случай этотъ былъ очень доказателенъ: никому ни до кого нѣтъ дѣла, кромѣ какъ до себя... И вдругъ та мысль, которою Андрей Ивановичъ до сихъ поръ тѣшился и успокоивалъ себя, встала передъ нимъ съ полною опредѣленностью: конечно, онъ изобьетъ Ляхова въ мастерской, и онъ сдѣлаетъ это завтра же!

Digitized by Google

XIV.

Андрей Ивановичъ проспалъ ночь лучше обычнаго. Рѣшивъ окончательно свой замыселъ, онъ сталъ счастливъ и покоенъ; тоска, мучившая его все время, улеглась.

Утромъ Александра Михайловна понесла корзину съ готовыми пачками на фабрику. Андрей Ивановичъ одѣлся, выслалъ Зину въ кухню и ножомъ открылъ замокъ комода; въ правомъ углу ящика, подъ тряпками, онъ отыскалъ кошелекъ и взялъ изъ имѣвшихся тамъ полутора рублей восемьдесятъ копеекъ; потомъ Андрей Ивановичъ захватилъ палку, которую ему подарилъ Ляховъ, и вышелъ изъ дому.

Онъ зашелъ въ „Сербію“, сѣлъ въ уголъ къ столику и спросилъ себѣ коньяку. Андрей Ивановичъ хорошо зналъ, какъ онъ страшенъ во хмѣлю, и хотѣлъ предварительно напиться. Въ трактирѣ посѣтителей было мало; стекольщикъ вставлялъ стекло въ разбитой стеклянной двери, буфетчикъ сидѣлъ у выручки и пилъ чай.

Андрей Ивановичъ выпилъ одну рюмку, сейчасъ же вслѣдъ за нею другую, и закусилъ мятной лепешечкой; въ головѣ у него слегка зашумѣло. Онъ выпилъ третью рюмку. Лицо его блѣднѣло, въ головѣ становилось все туманнѣе. Глядя горящими глазами въ окно, онъ лихорадочно курилъ папиросу за папиросой и вспоминалъ о томъ испугѣ, какой охватилъ Ляхова при его угрозѣ.

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ выпилъ еще двѣ рюмки. Дикое изступленное бѣшенство росло въ немъ, вздымалось и охватывало душу; въ ощущеніи этого чувства было что-то захватывающе-радостное; горькое сознаніе безпомощности и одиночества теперь исчезло безъ слѣда; Андрей Ивановичъ чувствовалъ въ себѣ страшную силу, противъ которой ничто не устоитъ, и которой ненужна ничья помощь.

Онъ не помнилъ, какъ допилъ бутылку, какъ прошелъ улицу. Въ конторѣ хозяинъ разговаривалъ съ двумя заказчиками. Андрей Ивановичъ сорвалъ съ себя въ коридорѣ пальто, бросилъ его на подоконникъ и, съ палкою въ рукахъ, вошелъ въ мастерскую. Ляховъ сидѣлъ у своего верстака, лицомъ къ окну, и, наклонившись, рѣзалъ на подушечкѣ золото. Среди ходившихъ людей, среди двигавшихся машинъ и дрожавшихъ передаточныхъ ремней Андрей Ивановичъ видѣлъ только наклоненную, вихрастую голову Ляхова и его мускулистый затылокъ надъ синею блузою. Судорожно сжимая въ рукѣ палку, онъ подбѣжалъ къ Ляхову.

— Получай должокъ!—крикнулъ Андрей Ивановичъ и съ размаху ударилъ Ляхова по головѣ.

Ляховъ инстинктивно втянулъ голову въ плечи, въ гнѣвѣ вскочилъ и обернулся. Андрей Ивановичъ, съ всклокоченною головою, съ горящими на исхудаломъ лицѣ глазами, какъ волкъ, кинулся на него съ палкою. Ляховъ поблѣднѣлъ и отшатнулся.

— Карау-у-улъ!!—вдругъ заоралъ онъ на всю

Digitized by Google

мастерскую и, еще глубже втянувъ голову въ плечи, бросился бѣжать.

Тупой, животный ужасъ охватилъ его,—ужасъ, при которомъ перестаютъ разсуждать. Сталкивая всѣхъ локтями съ дороги, Ляховъ стрѣлою пробѣжалъ длинную мастерскую, выскочилъ на площадку и помчался по крутой каменной лѣстницѣ наверхъ, въ брошюровочное отдѣленіе. Андрей Ивановичъ, задыхаясь, бѣжалъ за нимъ.

— Караулъ!.. Караулъ!..—коротко выкрикивалъ Ляховъ на бѣгу.

Они побѣжали между верстаками, задѣвая запачки листовъ; листы дождемъ сыпались на землю, дѣвушки-фальцовщицы въ испугѣ и удивленіи кидались въ стороны, давая дорогу бѣгущимъ.

Ляховъ влетѣлъ въ комнату мастера, съ ужасомъ слыша, что Андрей Ивановичъ отъ него не отстаетъ. Другого выхода изъ комнаты не было. Ляховъ въ отчаяніи повернулся и вдругъ быстро бросился навстрѣчу Андрею Ивановичу. Они столкнулись на порогѣ, Андрей Ивановичъ полетѣлъ навзничь. Въ томъ же тупомъ, неразсуждающемъ ужасѣ Ляховъ кинулся на него, вцѣпился ему лѣвою рукою въ горло и, схвативъ въ кулакъ валявшійся на полу костяной фальцбейнъ, сталъ наносить имъ Андрею Ивановичу удары по головѣ; съ третьяго же удара костяшка сломалась, но обезумѣвшій отъ страха Ляховъ ничего не замѣчалъ и продолжалъ наносить удары обломкомъ.

— Это что такое?!—раздался громовый голосъ хозяина.

Digitized by Google

Ляховъ очнулся и поднялся на ноги, блѣдный и дрожащій. Андрей Ивановичъ сидѣлъ, свѣсивъ окровавленную голову, и ерзалъ руками по полу, стараясь вскочить.

— Опять скандалы тутъ поднимать?!—въ бѣшенствѣ кричалъ хозяинъ.

Ляховъ бросилъ костяшку и, ругаясь, пошелъ внизъ.

— Нѣтъ, братъ... погоди! — хрипѣлъ Андрей Ивановичъ. Онъ поднялся на ноги и, шатаясь, побѣжалъ вслѣдъ за Ляховымъ.

— Удержать его, чего смотрите?—крикнулъ хозяинъ брошюрантамъ.—Въ участокъ захотѣлось тебѣ, скандалистъ ты эдакій?

Андрей Ивановичъ остановился.

— Въ участокъ?!—заревѣлъ онъ, устремляясь на Семидалова.—Сукинъ ты сынъ, эскулапъ!..

Брошюранты схватили Андрея Ивановича.

Поднявшіеся снизу товарищи - подмастерья упросили хозяина не отправлять Андрея Ивановича въ участокъ. Онъ плюнулъ и позволилъ имъ убрать его, куда угодно.

Андрея Ивановича, пьянаго и окровавленнаго, свезли домой. Онъ ругался и старался вырваться отъ сопровождавшихъ его Ермолаева и Генрихсена. Его привезли и уложили въ постель, но Андрей Ивановичъ не унимался.

— Вы меня пустите или нѣтъ?—яростно кричалъ онъ, сверкая глазами.—Всѣхъ васъ, мерзавцевъ, въ одной помойной ямѣ надо утопить,—фараоны вы, мазурики, арапы!.. Подать мнѣ сюда Семидалова,—я ему покажу! Това-арищи... Вы

Digitized by Google

рабы, вы невольники противъ моихъ мнѣній... Тьфу-у!!

Плачущая Александра Михайловна повязала его окровавленную голову полотенцемъ, но Андрей Ивановичъ тотчасъ же сорвалъ повязку. Онъ бушевалъ долго, но понемногу сталъ ослабѣвать; наконецъ, уткнувшись залитымъ кровью лицомъ въ подушку, онъ примолкъ и вскорѣ заснулъ.

Андрей Ивановичъ проснулся къ вечеру. Онъ хотѣлъ подняться, и не могъ: какъ будто его тѣло стало для него чужимъ, и онъ потерялъ власть надъ нимъ. Александра Михайловна, взглянувъ на Андрея Ивановича, ахнула: его худое, съ ввалившимися щеками лицо было теперь толсто и кругло, подъ глазами вздулись огромные водяные мѣшки, узкія щели глазъ еле виднѣлись сквозь отекшее лицо; дышалъ онъ тяжело и часто.

— Водка пеперментовая осталась у тебя?— хрипло спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Да.

— Дай-ка рюмочку! Да сходи, принеси соленаго огурчика.

Андрей Ивановичъ отеръ мокрымъ полотенцемъ лицо, выпилъ, закусилъ соленымъ огурцомъ и молча повернулся къ стѣнѣ.

Всю ночь Андрей Ивановичъ не спалъ. Онъ лежалъ и думалъ. Ему вспоминалась, какъ сквозь туманъ, его схватка съ Ляховымъ, и Андрей Ивановичъ не могъ простить себѣ своего образа дѣйствій: Ляховъ силенъ, какъ быкъ, онъ можетъ одною рукою справиться съ нимъ; слѣдовало дѣйствовать совсѣмъ иначе,—просто подойти къ Ля-

Digitized by Google

хову и всадить ему въ животъ шерфовальный ножъ. Время еще не ушло. Андрей Ивановичъ такъ и рѣшилъ поступить. И острое, сладкое чувство овладѣло имъ при воспоминаніи о томъ безпредѣльномъ ужасѣ, какой охватилъ Ляхова, когда Андрей Ивановичъ бросился на него съ палкою. Да, недаромъ Ляховъ питаетъ къ нему этотъ ужасъ,—ему еще придется расквитаться съ Андреемъ Ивановичемъ!

Но въ теперешнемъ состояніи Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя ни на что не годнымъ; при малѣйшемъ движеніи у него начинала кружиться голова, руки и ноги были словно набиты ватой, сердце билось въ груди такъ рѣзко и сильно, что тяжело было дышать. Не слѣдуетъ спѣшить; нужно сначала поэнергичнѣе взяться за лѣченіе и подправить себя, чтобы идти навѣрняка.

Наутро Андрей Ивановичъ объявилъ Александрѣ Михайловнѣ, что онъ рѣшилъ лечь въ больницу, чтобъ лѣчиться, какъ слѣдуетъ.

XV.

Былъ десятый часъ утра. Дулъ холодный, сырой вѣтеръ, тающій снѣгъ съ шорохомъ падалъ на землю. Пріемный покой N-ской больницы былъ биткомъ набитъ больными. Мокрые и иззябшіе, они сидѣли на скамейкахъ, стояли у стѣнъ; въ большомъ каминѣ пылалъ огонь, тѣмъ не менѣе было холодно отъ постоянно отворявшихся дверей. Служители въ бѣлыхъ халатахъ подходили къ

Digitized by Google

вновь прибывшимъ больнымъ и совали имъ подмышки градусники.

Александра Михайловна ввела подъ руку Андрея Ивановича; на скамейкѣ у окна только что освободилось мѣсто. Андрей Ивановичъ сѣлъ, Александра Михайловна осталась стоять около него. Андрей Ивановичъ былъ въ торжественномъ и рѣшительномъ настроеніи; онъ былъ готовъ на все, чтобъ только поправиться; такъ онъ собирался сказать и доктору: „лѣчите меня, какъ хотите, что угодно дѣлайте со мной, я все исполню,—только поставьте на ноги!“

Рядомъ съ Андреемъ Ивановичемъ сидѣлъ блѣдный, осунувшійся старикъ въ рваномъ полушубкѣ; дальше полулежалъ, облокотившись о ручку скамейки, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ лихорадочно-горящими, умными и печальными глазами; онъ былъ въ пеньковыхъ опоркахъ и онучахъ, замотанныхъ бичевками, въ рваной и грязной кацавейкѣ. Возлѣ него стояла женщина среднихъ лѣтъ съ бойкимъ, чернобровымъ лицомъ.

— Твой паренекъ? — обратился къ ней старикъ.

— Нѣтъ, такъ, изъ жалости привезла его,— быстро отвѣтила женщина, видимо, не любившая молчать.—Иду по пришпехту, вижу,—сидитъ мальчонка на тумбѣ и плачетъ. Чего ты? Тряпичникъ онъ, третій день болѣетъ; сталъ хозяину говорить, тотъ его за волосы оттаскалъ и выгналъ на работу. А гдѣ ему работать? Идти силъ нѣту! Сидитъ и плачетъ; а на волѣ-то сиверко, снѣгъ идетъ,

Digitized by Google

совсѣмъ закоченѣлъ... Что жъ ему, пропадать, что ли?

— Давно ли изъ деревни? — участливо спросилъ старикъ мальчика.

— Второй годъ,—сипло отвѣтилъ мальчикъ.

— Матка, чай, въ деревнѣ есть?

— Есть.

Старикъ вздохнулъ.

— Въ другое бы мастерство нужно тебѣ! Въ тряпичникахъ чему хорошему научишься... Платитъ тебѣ что хозяинъ?

— Пятнадцать рублей въ годъ.

Изъ пріемной вынесли на носилкахъ больного съ повязанной головой.

— Ѳедоръ Гавриловъ! Къ доктору!—крикнулъ служитель.

Женщина засуетилась и пошла съ мальчикомъ въ пріемную. Наружныя двери то и дѣло хлопали; входили новые и новые больные. Старикъ чесалъ себѣ подъ полушубкомъ грудь и вздыхалъ.

— И малому плохо, и старому плохо, — проговорилъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ.—Не дай Богъ болѣть рабочему человѣку!

— А ты что работаешь?—спросила Александра Михайловна, глядя на его корявыя, трясущіяся руки.

— Я-то? Да вотъ здоровъ былъ, дрова пилилъ въ институтъ... А теперь какая работа? Нѣту силъ, ослабъ. Отъ ѣды совсѣмъ отбило; два раза въ день укушу хлѣбца, и ладно. Главное дѣло,— ослабъ.

Докторъ въ золотыхъ очкахъ и бѣломъ ха-

Digitized by Google

латѣ, съ сердитымъ лицомъ, прошелъ изъ пріемной къ телефону.

— Трррр!.. — зазвенѣлъ звонокъ телефона.— Х-вская больница? — спросилъ докторъ въ телефонъ. — Коллега, не можете ли вы принять къ себѣ мальчика двѣнадцати лѣтъ съ неопредѣленною формою тифа? У насъ совершенно нѣтъ мѣстъ.

Докторъ замолчалъ, слушая отвѣтъ.

— Пожалуйста, коллега, я васъ прошу!— проговорилъ онъ раздраженно.—Ребенку рѣшительно некуда дѣться, приходится выбрасывать на улицу. Можетъ быть, какъ-нибудь отыщете мѣстечко!

Онъ замолчалъ, слушая.

— Трр!.. Трр!.. Трр!..— сердито зазвякалъ телефонъ, требуя разъединенія. Докторъ воротился въ пріемную. Черезъ минуту изъ нея вышла женщина съ мальчикомъ.

— Куда я его дѣну? — кричала женщина. — Извините, пожалуйста, такихъ правилъ нѣту! Боленъ человѣкъ,—вы его обязаны принять.

— Ты, матушка, не кричи! — строго сказалъ служитель.

— Какъ же мнѣ не кричать, когда вы сурьезно поступаете! Куда я съ нимъ теперь? И такъ послѣдній свой двугривенный на извозчика отдала.

— Въ другую больницу обратись.

— Ну, ужъ спасибо! Есть мнѣ время! Дѣлайте съ нимъ, что хотите!

И она быстро направилась къ дверямъ. Служители бросились за нею и удержали ее.

Digitized by Google

— Нѣтъ, матушка, погоди! Не удерешь! Берика мальчишку!

Женщина плакала, ругалась, грозила градоначальникомъ, но въ концѣ концовъ была принуждена смириться. Мальчикъ стоялъ, безучастно и неподвижно глядя на бушевавшую за окнами мокрую вьюгу.

— У-у, постылый! Связалась на свою погибель! — сердито сказала женщина, взявъ его за руку, и вышла вонъ.

Старикъ, сосѣдъ Андрея Ивановича, тоже воротился изъ пріемной; онъ растерянно подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ его полушубокъ.

— Н-не знаю... — произнесъ онъ и замолчалъ.

— Не приняли? — мрачно спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Говоритъ: можешь на пріемъ ходить, а то въ другую больницу ступай... Ужъ не знаю...

— „Въ другую больницу!“—рѣзко проговорилъ сидѣвшій рядомъ исхудалый водопроводчикъ съ темнымъ, желтушнымъ лицомъ.—Вчера вотъ эдакъ посадили насъ въ Барачной больницѣ въ карету, билетики дали, честь-честью, повезли въ Обуховскую. А тамъ и глядѣть не стали: вылѣзай изъ кареты, ступай, куда хочешь! Нѣту мѣстовъ!.. На мостъ вонъ большіе милліоны находятъ денегъ, а рабочій человѣкъ издыхай на улицѣ, какъ собака! На больницы денегъ нѣтъ у нихъ!

Старикъ стоялъ, поводя головою и вопросительно глядя на свой полушубокъ.

Digitized by Google

— Главное дѣло, — ослабъ, силъ нѣтути, — задумчиво произнесъ онъ.—Съ квартиры гонютъ.

Онъ вздохнулъ, надѣлъ полушубокъ и вышелъ вонъ.

А новые больные все прибывали и прибывали... Заразныхъ сортировали и давали имъ отказные билетики въ соотвѣтственныя больницы, очень тяжелыхъ, умиравшихъ, принимали, а всѣмъ остальнымъ отказывали.

Позвали наконецъ Андрея Ивановича. Докторъ, съ усталымъ и раздраженнымъ лицомъ, измученный безсмысленностью своей работы, выстукалъ его, выслушалъ и взялся за пульсъ. Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на доктора, готовый къ бою: онъ заставитъ себя принять, — онъ не женщина и не мужикъ, и знаетъ свои права! Больничный сборъ взыскиваютъ каждый годъ, а боленъ сталъ, — лѣчись, гдѣ хочешь?

Докторъ долго щупалъ пульсъ Андрея Ивановича, въ колебанія глядя въ окно. Пульсъ былъ очень малый и частый; такіе больные съ водянкою опасны: откажешь, а онъ, не доѣхавъ до дому, умретъ на извозчикѣ; газеты поднимутъ шумъ, и могутъ выйти непріятности. Больница была переполнена, кровати стояли даже въ коридорахъ, но волей-неволей приходилось принять Андрея Ивановича. Докторъ написалъ листокъ, и Андрея Ивановича вывели.

— Не приняли?—упавшимъ голосомъ спросила Александра Михайловна.

— Приняли! — съ гордостью отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

Digitized by Google

Окружавшіе съ завистью покосились на него.

Андрея Ивановича отвели въ ванную, а оттуда въ палату. Большая палата была густо заставлена кроватями, и на всѣхъ ихъ лежали больные; только одна, на которой ночью умеръ больной, была свободна; на нее и положили Андрея Ивановича. Сестра милосердія, въ бѣломъ халатѣ и бѣлой косынкѣ, съ блѣднымъ, молодымъ лицомъ и медленными движеніями, поставила ему подмышку градусникъ.

Вскорѣ пришелъ на визитацію палатный докторъ; онъ вторично выстукалъ и выслушалъ Андрея Ивановича, велѣлъ оставить его мокроту для микроскопическаго изслѣдованія и назначилъ лѣченіе. По уходѣ доктора Андрей Ивановичъ внимательно прочелъ свой скорбный листъ.

Вечеромъ Андрею Ивановичу сдѣлали ванну и горячее обертываніе; онъ почувствовалъ себя немного лучше. Тяжелые больные легковѣрны: незначительное улучшеніе въ своемъ состояніи они готовы считать за начало выздоровленія. Андрей Ивановичъ рѣшилъ, что недѣли черезъ двѣ-три онъ поправится, и горько пожалѣлъ, что не легъ въ больницу раньше.

Ночь Андрей Ивановичъ провелъ безъ сна и опять думалъ о Ляховѣ. Ляховъ, конечно, очень скоро узнаетъ, что Андрея Ивановича свезли въ больницу; то-то онъ обрадуется, то-то спокойно вздохнетъ! Дескать, попалъ въ больницу, такъ ужъ не воротится. Только такъ ли это?.. Послѣ Пасхи Андрей Ивановичъ выпишется изъ больницы здоровымъ и крѣпкимъ; онъ войдетъ въ мастер-

Digitized by Google

скую, подойдетъ къ Ляхову: „Здравствуй, товарищъ!..“ Ляховъ, услышавъ его голосъ, вскочитъ съ тѣмъ же тупымъ ужасомъ, какъ и тогда, но ужъ бѣжать ему не придется: однимъ взмахомъ Андрей Ивановичъ всадитъ ему въ животъ шерфовальный ножъ... И, стиснувъ зубы, онъ дѣлалъ подъ одѣяломъ быстрое, короткое движеніе сжатымъ кулакомъ, представляя себѣ въ кулакѣ острый, блестящій шерфовальный ножъ.

Въ палатѣ, биткомъ набитой больными, было душно, и стояла тяжелая вонь отъ газовъ, выдѣлявшихся у спавшихъ. Дежурная сидѣлка дремала у окна. Дряхлый старикъ-лакей съ отекомъ легкихъ стоналъ грубыми, протяжными стонами, ночники тускло свѣтились, все глядѣло мрачно и уныло. Но на душѣ у Андрея Ивановича было радостно.

XVI.

На-завтра послѣ визитаціи доктора Андрей Ивановичъ взялъ свой скорбный листъ, чтобъ посмотрѣть, что въ него вписалъ докторъ. Онъ прочелъ—и поблѣднѣлъ; прочелъ второй разъ, третій... Въ листкѣ стояло: „Притупленіе тона и бронхіальное дыханіе на верхней долѣ лѣваго легкаго; въ обоихъ легкихъ масса звучныхъ влажныхъ хриповъ; въ мокротѣ коховскія палочки“.

Андрей Ивановичъ сразу какъ-то страшно ослабѣлъ; изнутри головы что-то со звономъ подступило у него къ глазамъ и ушамъ; онъ опустилъ

Digitized by Google

листокъ и закрылъ глаза. „Коховскія палочки“... Андрей Ивановичъ прекрасно зналъ, что такое коховскія палочки: это значитъ, что у него — чахотка; значитъ, спасенія нѣтъ, и впереди смерть.

Принесли обѣдъ; сидѣлка поставила Андрею Ивановичу миску съ молочнымъ супомъ.

— Обѣдъ принесенъ, эй!—сказала она, тронувъ его за рукавъ.

Андрей Ивановичъ нетерпѣливо повелъ головою и продолжалъ лежать, закрывъ глаза. Коховскія палочки... Всего два часа назадъ Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя въ самомъ водоворотѣ жизни, собирался бороться, мстить, радоваться побѣдѣ... И вдругъ все это словно оборвалось и ушло куда-то далеко, а передъ глазами было одно, — смерть безпощадная и неотвратимая

Въ два часа пришла на свиданіе Александра Михайловна. Андрей Ивановичъ равнодушно объявилъ ей, что у него чахотка, и онъ скоро умретъ. Александра Михайловна широко раскрыла глаза.

— Какъ? что? докторъ сказалъ?—быстро спросила она.

— Что докторъ! Я и самъ знаю! — съ усмѣшкою отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—У меня коховскія палочки нашли,—червячковъ такихъ, отъ которыхъ бываетъ чахотка.

Александра Михайловна заплакала. Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на нее, и ему стало жалко себя, и въ то же время ему почему-то вспомнилось равнодушное, усталое лицо палатнаго доктора и

Digitized by Google

тотъ равнодушный видъ, съ какимъ онъ записывалъ въ листокъ Андрея Ивановича его смертный приговоръ.

Дни потянулись за днями. Съ каждымъ днемъ Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя хуже. Онъ сталъ очень молчаливъ и мраченъ. На разспросы Александры Михайловны о здоровьѣ Андрей Ивановичъ отвѣчалъ неохотно и спѣшилъ перевести разговоръ на другое; то, что ему разсказывала Александра Михайлова, онъ слушалъ съ плохо скрываемою скукою и раздраженіемъ; и часто Александра Михайловна замѣчала въ его глазахъ тотъ угрюмый, злобный огонекъ, который появлялся у него въ послѣднія недѣли при упоминаніи о Ляховѣ.

Между тѣмъ къ Ляхову Андрей Ивановичъ относился теперь безъ прежней злобы. Когда пришедшій провѣдать его Ермолаевъ сообщилъ Андрею Ивановичу, что Ляховъ проситъ позволенія посѣтить его, то Андрей Ивановичъ только пожалъ брезгливо плечами и отвѣтилъ, что, если Ляховъ хочетъ, пусть приходитъ. Ляховъ пришелъ разъ, и послѣ этого сталъ ходить каждое воскресенье. Приходилъ онъ всегда съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей и держался назади, сконфуженно теребя въ рукахъ шапку. Андрей Ивановичъ, неестественно улыбаясь, разговаривалъ съ нимъ, и обоимъ было неловко.

Не мысль объ исторіи съ Ляховымъ мучила Андрея Ивановича; вся эта исторія казалось ему

Digitized by Google

теперь невыразимо мелкою и пошлою, мстить онъ больше не хотѣлъ, и Ляховъ возбуждалъ въ немъ только гадливое чувство. Андрей Ивановичъ страдалъ гораздо сильнѣе прежняго, но страдалъ онъ отъ совершенно другого,—отъ нахлынувшихъ на него трезвыхъ думъ. О, эти трезвыя думы!.. Андрей Ивановичъ всегда боялся ихъ: холодныя, цѣпкія и безпощадныя, онѣ захватывали его и тащили въ какіе-то темные закоулки, изъ которыхъ не было выхода. Думать Андрей Ивановичъ любилъ только во хмѣлю: тогда мысли текли легко и плавно, все вокругъ казалось простымъ, радостнымъ и понятнымъ. Но теперь думъ нельзя было утопить ни въ винѣ, ни въ работѣ; а между тѣмъ эта смерть, такъ глупо и неожиданно представшая передъ Андреемъ Ивановичемъ, поставила въ немъ все вверхъ дномъ.

И думы ползли одна за другою, злыя и безотрадныя, и Андрей Ивановичъ не могъ ихъ отогнать... Прожилъ онъ сорокъ лѣтъ,—и все безсознательно ждалъ чего-то; эта чадная, тошнотная жизнь не могла тянуться вѣчно; онъ ждалъ,—вотъ явится что-то, что высоко подниметъ его надъ этою жизнью, придетъ большое счастье, въ которомъ будетъ кипучая жизнь, и борьба, и просторъ. А между тѣмъ всему конецъ, впереди—одна смерть, а назади—жизнь дикая и пьяная, въ которой настоящую радость, настоящее счастье давала только водка. Какъ онъ пилъ! И какъ всѣ они пили! Когда не хватало денегъ на водку, они пили въ мастерской спиртный лакъ; чтобъ уберечь лакъ, хозяинъ прибавлялъ въ него анилиновой синьки,

Digitized by Google

но они пили и съ синькою, были готовы пить, съ чѣмъ угодно. Они калѣчили и отравляли свое тѣло, отравляли душу, и все шло къ чорту. А какъ было иначе жить? На что было беречь душу? На то, чтобъ ходить на народныя гулянья, пить тамъ чай и качаться на качеляхъ? Эка радость!..

И Андрею Ивановичу вспоминался Барсуковъ и та картина смерти, о которой онъ разсказывалъ; умираетъ рабочій и думаетъ: „для чего онъ все время трудился, выбивался изъ силъ,—для чего онъ жилъ? Онъ жилъ, а жизни не видѣлъ... Какая же была цѣль его существованія?“

И онъ тоже, Андрей Ивановичъ,—онъ жилъ, а жизни не видѣлъ. А между тѣмъ ему казалось, что онъ способенъ былъ бы жить,—жить широкою, сильною жизнью, полною смысла и радости: казалось, что для этого у него были и силы душевныя, и огонь. И ему страстно хотѣлось увидѣть Барсукова или Щепотьева, поговорить съ ними долго и серьезно, обсудить все „до самыхъ основныхъ мотивовъ“. Но ни Барсукова, ни Щепотьева уже не было въ Петербургѣ.

Александра Михайловна посѣщала Андрея Ивановича каждый день; она приносила ему вина, фруктовъ, всего, чѣмъ пытался Андрей Ивановичъ разжечь свой пропавшій аппетитъ. Занятый своими мыслями, Андрей Ивановичъ не задавался вопросомъ, какъ она все это достаетъ; онъ привередничалъ, сердился, требовалъ то того, то другого. Но однажды, когда Александра Михайловна, входя въ палату, остановилась у дверей и всту-

Digitized by Google

пила въ разговоръ съ сестрою милосердія, Андрей Ивановичъ, глядя издали на жену, былъ пораженъ, до чего она похудѣла и осунулась.

— Ты все еще на фабрикѣ работаешь?—спросилъ Андрей Ивановичъ, когда она поставила ему на столъ бутылку елисеевскаго лафита, и горячая нѣжность къ Александрѣ Михайловнѣ шевельнулась у него въ душѣ.

— Пока на фабрикѣ,—устало отвѣтила Александра Михайловна.—Ужъ не знаю, нужно будетъ чего другого поискать: работаешь, а все безъ толку... Семидаловъ къ себѣ зоветъ, въ фальцовщицы; говоритъ, всегда дастъ мнѣ мѣсто за то, что ты у него въ работѣ потерялъ здоровье. Научиться можно въ два мѣсяца фальцовать; все-таки больше заработаешь, чѣмъ на пачкахъ.

Андрей Ивановичъ ужаснулся: условія жизни и работы фальцовщицъ были ему слишкомъ хорошо извѣстны. Все остальное свиданіе онъ былъ молчаливъ и задумчивъ.

Когда Александра Михайловна пришла на слѣдующій день, Андрей Ивановичъ долго молчалъ, не въ силахъ заговорить отъ охватившаго его волненія.

— Знаешь, Шурочка, — наконецъ сказалъ онъ.—Я всю ночь про тебя думалъ... Я много съ тобою поступалъ неправильно... Какъ я тебѣ теперь помогу? Я не знаю, что тебѣ дѣлать. Только одинъ мой завѣтъ тебѣ,—не поступай къ намъ въ мастерскую: тамъ гибель для женщины...

Digitized by Google

— А что же дѣлать?

— Что... Я не знаю...—въ тоскѣ отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

Въ концѣ апрѣля Андрей Ивановичъ умеръ. Хоронили его на Смоленскомъ кладбищѣ. Было воскресенье; большинство товарищей присутствовало на похоронахъ, въ томъ числѣ и Ляховъ. Они на рукахъ донесли гробъ Андрея Ивановича до могилы; тутъ же, на свѣже насыпанной могилѣ, Александра Михайловна поставила четверть водки, и справлены были поминки.

Похоронили Андрея Ивановича на самомъ концѣ кладбища, въ одномъ изъ послѣднихъ разрядовъ. Тамъ нѣтъ вычурныхъ памятниковъ, украшенныхъ пышными, лживыми надписями; безымянные, обомшѣлые кресты густо тѣснятся другъ къ другу среди развѣсистыхъ березъ и лозинъ. Былъ хмурый весенній день. Въ колеяхъ дорогъ и въ канавахъ стояла вода, по откосамъ бѣлѣлъ хрящеватый снѣгъ, покрытый грязнымъ налетомъ; деревья были голы, мертвая буро-желтая трава покрывала склоны могилъ, въ проходахъ гнили прошлогодніе листья. Но не смертью и не унынiемъ дышала природа. Отъ земли шелъ теплый, мягкій, живой запахъ, сквозь гніющіе коричневые листья цробивались ярко-зеленыя стрѣлки, почки на деревьяхъ наливались; въ чащѣ весело стрекотали дрозды и воробьи, вездѣ кругомъ все двигалось и шуршало, и тихій воздухъ былъ полонъ

Digitized by Google

этимъ смутнымъ шорохомъ пробуждавшейся молодой, бодрой жизни.

Александра Михайловна, вопреки предсмертному завѣту Андрея Ивановича, поступила къ Семидалову. Что стало съ нею, я разскажу въ другой разъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

Form 410

Digitized by Google

NOV 1 0 1924

Digitized by Google

Digitized by Google